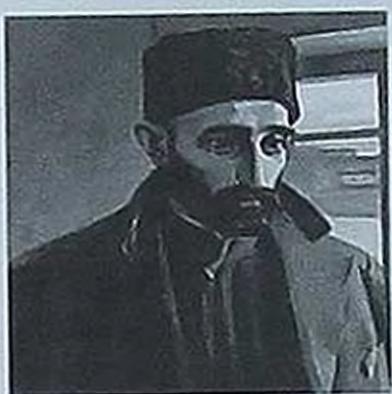

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

САБИР

С А Б И Р

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БАКУ2007

*Составитель и автор предисловия
Агиль Гаджиев
профессор*

**С А Б И Р
И З БРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

БАКУ2007

248 стр.

Творчество азербайджанского поэта-сатирика
Сабира представляет важную веху в
становлении национальной литературы.
Бичующие косность, чинопоклонение, взяточничество,
невежество и шовинизм стихотворения Сабира,
вшедшие в данный сборник, и в нашу эпоху
звучат актуально и злободневно, как и в
момент написания.

ISBN 978-9952-27-057-0

© Издательство "Чашыоглу"

ГЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ САТИРИ

Мирза Алекпер Таир-заде (1862-1911), более известный под псевдонимом Сабир (то есть, терпеливый), родился в Шемахе в семье мелкого торговца, желавшего видеть в сыне религиозного деятеля и потому определившего его в специальную школу, моллахану. В моллахане будущий поэт-сатирик обучался в 1870-1874-ом годах, изучив помимо Корана арабский и персидский языки. В 1874-1876-ом годах Сабир продолжил своё образование в школе, в которой преподавал известный поэт Сеид-Азим Ширвани, где овладел русским языком. В 1876 году отец забирает его из школы и определяет на работу в собственном магазине. Не получая никакого удовольствия от торговли, Сабир прямо за прилавком начинает писать свои первые стихотворения. Обнаружив его заполненную стихами тетрадь, отец в порыве гнева уничтожает её. В 1884 году Сабир покидает отчий дом, отправляясь в долговременную поездку по

Средней Азии и Ближнему Востоку. Маршрут его поездки включал такие важные населённые пункты, как Ашхабад, Самарканд, Бухара, Мерв, Хорасан, Кербала. Во время пребывания в Хорасане начинает писать сатирические стихи, в которых обличает иранские власти, держащие народ в невежестве. В Кербала он узнаёт о кончине отца и, прервав свою поездку, возвращается в Шемаху, и, взвалив на собственные плечи заботу о многочисленной родне, принимается за мыловарение. Это новое поприще хотя и отнимало много времени, но Сабир постоянно находил возможность писать стихи. Когда в 1902 году землетрясение разрушительной силы фактически стёрло с лица земли родной город поэта Шемаху, он откликнулся на это событие стихотворением полным скорби. Однако до 1903 года произведения Сабира распространялись только устно и не доходили до широких читательских слоёв. Первое опубликованное стихотворение Сабира появилось 27 июня 1903 года на страницах только что начавшейся издававть газеты «Шарги-Рус», в нём автор приветствовал появление этой газеты.

События прогремевшей по Российской империи Первой русской революции 1905 года оставили свой след и в творчестве Сабира, сатира которого становится более злободневной и острой. 28 апреля 1906 года Сабир дебютирует на страницах издаваемого Джалилом Мамедкулизаде знаменитого сатирического журнала «Молла Насреддин», анонимной публикацией одного из самых знаменитых своих стихотворений «Что мне за дело?»:

Пусть грабят мой народ – что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод – что мне за дело?
Я сыт. Что мне за дело до других?
Я сыт. Мне просто наплевать на них!
Пусть пухнет с голода весь мир – что мне задело?

Стихотворение это сразу сделало его автора популярнейшим поэтом, которого обожали народные массы и ненавидели власть имущие.

В 1906 году в газете «Хаят» увидело свет стихотворение Сабира «Разговор двенадцати мужчин», сатирическое направление которого было столь очевидно, что его автора начали преследовать угрозами. Именно поэтому большинство последующих своих стихотворений Сабир публиковал анонимно или под самыми различными псевдонимами (Хопхоп, Габагда гедян Зенджирили, Годжа иранлы, Хёрумчек, Меслехетчи и другие), что впоследствии ставило публикаторов его произведений в трудное положение. Чтобы быть ближе к литературе, Сабир порывает с мыловарением и открывает в Шемахе собственную частную школу, однако из-за финансовых проблем школа эта не смогла долго просуществовать. Прочитав в газете «Саадат» объявление о том, что в школу в Бакинском пригороде Балаханы требуются учителя, Сабир подаёт туда свои документы, и, пройдя соответствующие испытания, переезжает в Баку и приступает к преподавательской деятельности. В Баку он становится постоянным сотрудником вышеназванного журнала «Молла Насреддин», на страницах которого и публикует свои самые известные стихотворения. События первой русской революции 1905 года, взбудоражившие всю Российскую империю, не могли не повлиять на умонастроения Сабира. Под воздействием новых, революционных идей и в связи с кровавыми событиями армяно-азербайджанской резни 1905 года, Сабир пишет стихотворение «К согражданам мусульманам и армянам», удивительно злободневно звучащее и в наши дни, когда исконно азербайджанские земли Карабаха оккупированы армянскими захватчиками. Обращаясь к представителям обоих закавказских народов, Сабир призывает остановить кровавую бойню и зажить добрососедски.

Значительное место в литературном наследии Сабира занимает тема Южного Азербайджана. Он жестко бичует иранского шаха Мухаммедали-шаха, правившего в 1907-1909-ом годах и безжалостно эксплуатировавшего иранский народ и особенно граждан Ирана азербайджанской национальности и в стихотворении «Саттархану» приветствует азербайджанское национальное освободительное движение, развернувшееся в этой стране под руководством Саттархана.

Много внимания уделял Сабир самым маленьким читателям, справедливо видя в них будущее нации. Свои детские стихотворения Сабир, с одной стороны, пишет в назидательном ключе («Наставление сыну», «В школу», «Мальчик и лёд», «К детям-школьникам», «Мальчик и деньги»), а с другой, - в сатирическом плане, обличая и бичуя нерадивых родителей («Изучение наук», «Пусть не будет», «Детям», «Отцовский наказ»).

Сатира – основная ипостась поэзии Сабира. Мастерски используя гротеск, едкий сарказм, тонкую иронию, Сабир в своих стихотворениях безжалостно бичевал такие человеческие пороки, как косность, чинопоклонение, взяточничество, невежество, шовинизм.

Осенью 1810 года Сабир тяжело заболел. Для оперативного лечения требовались большие средства, но их не было ни у самого поэта, ни у его литературных единомышленников. Со страниц журнала «Молла Насреддин» прозвучало обращение за помощью ко всем любителям поэзии. Однако было уже поздно – в 1911 году Сабир безвременно умер в возрасте сорока девяти лет.

Агиль Гаджиев,
доктор филологических наук, профессор

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стих — это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью.
Не жди похвал — не одописец! Мне льстить и угождать негоже.
Мой стих сатирою прольется — пути иного быть не может.
Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего дороже.

Конец 1890-х годов

К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ И АРМЯНАМ

Когда идущий век единством осиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
И моцъ родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом?
Всплынет ли косньость вновь? Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора собратьев нам друг в друге обрести!

На сеть коварных дрязг, возникших вдруг, —взгляни!
То дело наших рук иль ваших рук? Взгляни!
Кто ссорит — друг армян иль наш он друг? —взгляни!
Всё дело в косности в одной — вокруг взгляни!
Во всем виновен гист — вот, наш недуг, взгляни!

Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Всё мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!

Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

1 июля 1905

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТИ МУЖЕЙ НА СОБРАНИИ

Адвокат

Неправого правым в суде называя,
Я правосудье валил на корню.

Врач

Причину болезни больного не зная,
Я плакать неволил больного родню.

Купец

Заботясь о сумме большого дохода,
Я сваливал в кучу каран и халал.

Рожеян

А я, вымогая деньги у народа,
В нужде задыхаться его заставлял.

Дервиш

Свой хитрый базар открывая повсюду,
Лишь голым враньем я вовсю торговал,

София

А я на позор правоверному люду
Глумлением своим клал его наповал.

Молла

Я, волей небес принимая решенье,
Частенько обманывал честный народ.

Ученый

А я, не надеясь развить просвещенье,
Покинул народ, как неграмотный сброд.

Н е у ч

А я между тем, хоть в хлеву, хоть в кювете,
Достиг своей цели и счастлив, ей-ей!

П о э т

О розе, любви, соловье на рассвете
Я лгал. Чем- красивее лгал, тем сильней!

Н е в е ж д а

Невежество! Лучшее ложе на свете!
Выходит, я спал на подстилке твоей!

Г а з е т ч и к

А я, чтобы место занолнить в газете,
Искусно растягивал жвачку статей.

10 февраля 1906

ЧТО МНЕ ЗА ДЕЛО?

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?

Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Я съиг. Что мне за дело до других?

Я съиг. Мне просто наплевать на них!

Пусть пухнет с голоду весь мир — что мне за дело?

Тсс! Не шуми! Пусть люди спят. Я не желаю,
Чтоб спящих подняли, глаза им раскрывая.

А если кто проснется, пусть мне бог

Устроит так, чтоб я лишь не был плох.

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?

Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Не говори о судьбах мира мне ни слова,

Да хлеба принеси, чтоб я покушал снова.

Зачем, зачем тревожить мне века,

Ведь жизнь, я знаю, очень коротка!

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?

Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Сыны отчизны пусть на дне клоаки

Бродяжат в страшной нищете, как те собаки,

А вдовы носят пусты позор тряпья,
Лиши был бы славен всюду только я!

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Любой народ не может жить без интереса, —
В своей стране шагает он путем прогресса.
Что ж, коль прогресс в дремоте вспомню я,
Немедля совершу его, друзья!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

28 апреля 1906

* * *

В тот день, когда аллах тебе дарует сына,
Судьбу твою щадя,
Пошли за колдуном, чтоб козни злого джинна
Не тронули дитя.

Дай крошке талисман, припомн все приметы
Юродивых старух,
Используй заговор, заклятья, амулеты —
Смуты нечистый дух!

Коль занеможет сын, простынет не на шутку,
Забочься о больном:
Не вызывай врача, не оскорбляй малютку —
Пошли за колдуном.

Коль почью твой малыш запачкает пеленку,
Заплачет, закричит —
Вели жене пугать бабайками мальчионку,
Пока не замолчит.

С младенчества дитя учи отборной браны,
Стараний не жалей.
И вот они, смотри, плоды твоих стараний:
Мальчишка все наглей!

Открой его глазам нескромности природы,

Пусть знает, что к чему.

Пусть видит наперед все выходы и входы,

Готовый ко всему.

Одним его не мучь: не посытай учиться.

Не множь его обид.

Придет пора — поймет, привыкнет, наловчится,

Словчит — и будет сыт.

Вдолби ему в башку поверия и страхи,

И всё, чему учен...

Пусть думает, что мир стоит на черепахе, —

Не всё ль равно, на чем?

Постичь, что плутовство — доходное занятие,

Довольно для юнца.

Пусть пьет, ворует, врет, купается в разврате —

И радует отца.

Но вот твой дом богат и сахаром, и пловом...

Всего не перечесть!

Да! Вырос твой сынок отнюдь не безголовым —

Хвала ему и честь!

И вдруг — арест, тюрьма и сына ждет расплата...

Ты в ужасе... Бодрись!

Борись, купи судью, присяжных, адвоката,

В лепешку расшибись!

Но приговор суров.... Последнее свиданье...

Последнее прощанье...

Ты нищ и одинок, и скучно подаянье,

Зажатое в горсти,

И душу не спасти...

Деньжонок наскастри,

На ужин набрести...

Ученому вовеки

Не быть в такой чести!

НЕ ГРУСТИ

Погас твой месяц невзначай, мule из Канана, — не грусти!
Стал садом скорби твой цветник, жжет сердце рана — не русти!
Обиды, раны — что они? Ты радуйся и веселись,
Труд возвеличит хоть кого! Тут нет обмана — негрусти!

Фортуны хитрой колесо пошло не так, как нужно вам,
Таким пусть и пребудет мир, пока не сдвинется он сам!
Бедняк, на долю не ропщи, степай и волю дай слезам!

В ярмо рабочего ты влез или дехкана — не грусти!

Пусть над тобой глумится хан и пусть тебя изводит бес,
Ты слушай их: они сильны, а ты — убогий человек!
Им — угнетать и пировать, тебе же — черствый грызть чурек!
Спеша работать на господ, ты утром рано не грусти!

Трудись, хоть сгорбится спина, трудись, хоть ливнем хлынет пот,
Трудись, хоть с голоду семья твоя иссохнет, перемрет,
Трудись, хоть мимолетно с губ слетает жалоба на гнет!

Ограблен ты рукой моллы иль, скажем, хана — не грусти!

Несчастный, до скончанья дней вздыхай, томись,
искахи весь
Какие тайны скрыты здесь, попробуй на досуге взвеси!
Друг Молда! С тобою вел Неведомый беседу здесь.

Знай, совесть чистая твоя — от бед охрана, не грусти!

2 июня 1906

* * *

Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?
Долбит все то же! Ах,
От чтенья книг, газет и прочей дребедени
Мой милый сын зачах!

Читает день и ночь — сошел с ума, как видно.
Другой надежды нет,
Как на тебя, аллах! Обидно мне и стыдно!
Жена, подай совет!

Всё ты, проклятая, ты, ведьма, виновата:
Не ты ли в дом внесла
Заразу книжного, безбожного разврата?
Молчи, исчадье зла!

Тебе, злодейка-мать, глаза бы вырвать надо:
Свое дитя любя,
Какая мать его низвергнет в пламя ада?!
Бог покарай тебя!

Кто вынудил меня отдать мальчишку в школу?
Ты, ты, шайтана дочь!
Что делать думаешь? Ведь мы в беде тяжелой,
А чем беде помочь?

Как мальчика спасти? Где взять бальзам целебный,
Представить не могу!
От книжек и газет, от чепухи учебной
Туман в его мозгу.

Май дом разрушила, сгубила сына, дура, —
Конец мне самому!
Знать не хочу наук, что мне литература,
Искусства мне к чему?!

Мечтал я, чтоб мой сын добился уваженья
Без глупых, вредных книг,
Чтоб сильным кулаком богатства, положенья
Легко, как я, достиг.

Хотел я, чтоб мой сын подобен стал Рустаму,
Чтоб славу заслужил
Разбоем, грабежом, и, преданный исламу,
Он жил — и не тужил!

Из-за тебя, жена, погиб сынок мой милый, —
Несчастный я отец!
Смотри, как сохнет он, всегда унылый, хилый,
Неопытный птенец!

Аи, непутевый сын, мое страданье, мука!
Когда же ты поймешь,
Что денег не сулит нам книжная наука, —
Нам их дает грабеж!

О свет очей моих, меня счастливым сделай,
От книжек отрекись,
Сядь на коня, скаки: преуспевает смелый —
Так за разбой берись!

Себя ты изведешь учебою усердной.
От грешной чепухи
Скорее откажись, прочь, прочь от книжной
скверны,
Оставь, сынок, стихи!

Как ни был бы учен, а никому не нужен
Без денег человек!
В морях поэзии будь лучшей из жемчужин —
Оценят ли в наш век?!

Ты роду моему почтенному изменник,
Черт побери!
Пойми, ученостью ке наживают денег!
Ну что ж, дури,
Читай, зубри,
Жри сухари,
Вони, ори —
И, хоть сгори,
Себя кори!

16 июня 1906

ЖАЛОБА СТАРИКА

Увы, я стар. Я очень стар. О молодость моя.
К тебе возврата нет!
И все, что вижу я кругом, не радует меня,
Как в пору юных лет.

И так я немощен теперь, что даже палку мне
Не удержать в руках.

Былые дни передо мной проносятся во сне,
Увы, увы и ах!

Спина согнулась, борода сверкает сединой.
Неважные дела!

И вот мие бороду жена под вечер мажет хной,
Чтоб темною была.

А был я некогда силен, весь мир считал своим.
Любой бедняк знаком

Был с плеткою моей витой, а нет — тогда с моим
Чугунным кулаком.

В те дни я пил, гулял и мог всё делать, что хотел.
И деньги бедняков,

Без капли жалости в душе, присваивать умел
Я силой кулаков.

Теперь от старости ослаб, дошел я до черты,
Но дружбой не согрет.

Кто посочувствует, что я скатился с высоты,
Кто мудрый даст совет?

Где власть минувших лет?
Затмился белый свет!

Мечтаю о былом,
Иных желаний нет.

23 июня 1906

БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо свое упрямо катит всиять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Но нельзя позволить, чтобы рядовой рабочий стал
В жарком споре с богачами смелым, твердым, как
металл,

Чтобы вольно и открыто полной грудью задышал
И хозяина-владыку вдруг бояться перестал!

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Эй, рабочий! Неужели ты почтенье заслужил?
Неужели размышлять ты о своем пути решил?
Брось, любезный, эти штучки! Не жалей горба и спл!
И служи богатым с миром, как до сей поры служил.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Не сплошай, богатый! Слышишь, ии на шаг назад, ии-ии!
Если даже црав рабочий, ты свою неправду гни!
Пусть бедняк на толстосума почти трудится и дни,
Как положено трудиться оборванцу искони.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Ум рабочему несвойствен, и талант ему не дан,
Ходит он босым по свету, жалок, голоцен и рван.
Ни абы, ии шали нету, череп пуст, и пуст карман,
Лишь чоху бедняк имеет да единственный кафтан.
Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если хочешь быть спокойным ты в своем родном краю,
Не тужить, а жить богато и привольно, как в раю,
Действуй запросто, согласно своему календарю,
Относись всегда к рабочим, как к скотине и зверью.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если ты увидишь горе, устранийся за версту,
Не спеши вдову утешить, приголубить сироту,
Да еще смотри не вздумай, согревая бедноту,
Провести по кругу жизни вместо зла добра черту.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

* * *

Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом.
Свята такая ложь.

Тая в себе огонь, прикинься хладным прахом —
И целый мир сожжешь.

Купи священный сан угодливостью сладкой,
Обзаведись абой.

Вниманье привлеки к абе своей — пусть всякий
Любуется тобой.

Следи за бородой, как за любимым сыном, —
Да славится она!

Купи кушак; учти, чтоб десяти аршинам
Равна была длина.

Итак, ты облачен в такое одеянье,
Что сразу стал умней, —

Недаром ты синская почет и почитанье
В кругу святых мужей.

Без четок не ходи и между разговором
Бубни: "Аллах, аллах..."

Будь горд — но не спесив, будь строг — но кроток
взором,

Нетороплив в речах.

'И вот уже твердят: "От туфель до папахи
Он честен, как святой".

Ты своего достиг! Забыты беды, страхи...
И этот мир — он твой!

Ты можешь грабить, жечь — лови свой час, решайся,
Не упускай, спеши!

Ты властен надо всем — суди, распоряжайся,
Хватай и потроши.

Тирань сирот и вдов — не бойся божьей кары:
Тебя хранит твой сан.

Коварствуй, но молись: "Да сгинут злые чары
И нечисти дурман".

Возрадуйся, тиран,
Алчбою обуян...
Где ты — царит обман...
Пускай забыт Коран,
Зато набит карман!

21 июля 1906

* * *

Судьбы коварство испытал наш край,

А будет хуже.

Ликуем мы — ведь нам обещан рай,

А сами — в луже.

Аллах, услышь — убереги от бед!

Терпеть доколе?

От козней шарлатанов спасу нет —

Нет горше доли.

Ну что за рок? Аи-аи, какой яман!..

Сгорай от боли!

Он к стонам глух, не видит наших ран —

Ослеп он, что ли?

Дарован свет наук другим краям,

Сгинь, злое время!

А прозябать и дрыхнуть — это нам:

Дурное племя!..

Что-что? Ну да, есть школы и у нас —

Орудье пытки!

Как вздернут пятки кверху — кровь из глаз:

Казнить мы прытки!

Да, нечего сказать, нам повезло —

Куска нет хлеба!

А с жалобой к кому? Повсюду зло —

Что ж терпит небо?!

Кричат: "Эпохал.." Пухнет голова
И чахиут души.
А там под шум энай мелят жернова о —
И глохнут уши.

Вдавило в землю колесо судьбы —
Трещат аж кости.
Господ своих и пришлых мы рабы —
"Но-но!.. Вы бросьте!.."

В полудремоте мы, во власти грез —
Бот доля наша.
Да, перельется — жди! — от горьких слез
Терпенья чаша.
Чиновник взглянет, ты уж сам не свой, —
Пред злом робеем,
Как овцы блеем.
За ним сардар, начальник, — он ой-ой!..
Роптать не смеем,
Аллах свидетель —
Как овцы блесем.

4 августа 1906

* * *

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись,
Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

В пробуждении твоем дней без гроз не может быть,
Как во сне, счастливых грез, сладких грез не может быть.
Чтоб неспящий не познал горьких слез — не может быть!
Одеяло выше глаз натяни ты, не проснись!

Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

Ах, открыв глаза, вокруг лишь беду увидишь ты,
У народа скорбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, зла, страданий, мук череду увидишь ты.

Под подушку — головой! В эти дни ты не проснись!
Бай-бай, малыши, бак-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

А проснешься хоть на миг — чтоб избегнуть раю, засни!
Живо опий разыщи, выкури кальян, засни!
Если правый бок устал, ты на левом, пьян, засни!
Все свои привычки сном сохрани ты, не проснись!
Бай-бай, малыши, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

Сон — спасенье для тебя, не раскрой случайню глаз,
Нет, не позволяй ему улететь хотя б на час!
Ты в беспамятство впади, позабудь совсем о нас!
Пусть кипит, бушует мир — не моргни ты, не проснись!
Бай-бай, малыши, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

11 августа 1906

ИЗУЧЕНИЕ НАУК

Брось науку! Ведь она нам страшнее ада
И душнее чада.
Всем известно, что она ядовитея яда, —
Подтверждать не надо!

Мой наниный сын, услышь эти наставленья,
Не ввергай в мученье!
Счастлив, кто живет без дел иль в горах у стада
Вот кому отрада!

Да, наука к нам идет с тьмою, а не светом.
Знайте ж все об этом!
Прочь гоните, кто твердит, что она — услада,
Как воров из сада!

Школа — вот источник бед, вот источник боли!
Что нашел ты в школе?
Школа — вот грабитель душ, языку преграда,
Вечная досада!

А чернила — что они? Мрак, душа злодея!
Вылей их скорее!

Эта краска светлый день сделать черным рада,-
Что страшней для взгляда?

А тетрадь — к чему она? Ереси и скверны
Сотоварищ верный!
С ней поэты болтовни затеваю смлада —
И живут без лада!

Ах, зачем твоя рука эту ручку сжала?
Бойся, бойся жала!

Ты ужален будешь, сын, — у такого гада
В жале много яда!

С черным сердцем карандаш, краснолицый, длинный —
Друг писак старинный...
Заморочит он тебя — не найдешь ты клада!
По делам — награда!

Просвещенные кругом хвалят просвещенье,
Будто в нем спасенье.

А вглядишься — в нем конец нашего уклада,
Злой залог распада!

Лаглагы, засада!
Мозалан, ограда!
Сыртых, бойся града,
Гызырмалы — смрада!
О Хопхопе говорят —
Дело плохо, будет град:
Камни, палки полетят
Пострашней заряда!

18 августа 1906

ОТЦОВСКИЙ НАКАЗ

Довольно, сын мой, эря не трать на книги столько сил
И юных дней не порть!

Напрасно ты-и день и ночь за книгой проводил!
Судьбы своей не порть!

Ученым в городе у нас иу просто счета нет!
Но кто из них богат?

Безумцы! Тратят столько средств! На что? На сущий
бред!

Живут — как будто спят!

Ах, сколько бед от этих школ! А ну, сынок, считай —
Я перечислю их:

Во-первых, истомит тебя проклятый школьный рай,
О свет очей моих!

Ты там ослепнешь, во-вторых, а в-третьих — пропадешь:
В душе тоску тая,

Ты побледнеешь, станешь ты на мертвца похож,
Зачахнет грудь твой!

Допустим, кончить курс наук отправишься потом
Ты в университет.

Но ты по совести скажи, какая польза в том?..
Что ж ты молчишь в ответ?

Шуметь начнешь про социализм, твердить, что ты
демократ. —

Не знаю, как их там?

Навлечь на наш народ беду бездельники хотят!
Безумцы! Горе нам!

Слегка подучится холоп — и он уж человек!
На что ему закон?

Сын пастуха иль батрака, а держится как бек!
Всё отрицает он!

То на министров он встает, то на царя идет!
Подумай, боже мой!

На зناхарство и колдовство затеял он поход —
Неверный он, чужой!

Оставь ты замыслы свои, опомнись, школу брось!
Ты с толку сбит, мой сын!

К чему учителя совет? Живи с наукой врозы!
Ну где твойстыд, мой сын!

Закинь винтовку за плечо и действуй — ночь не ждет!
Как ветер, шалым стань!

Большой дорогой завладей и обирай народ,
С большим книжалом стань!

Живым, не вялым стань,
Во всем нахалом стань!
Здоровье береги,
Бесчестным малым стань!

25 августа 1906

* * *

Я вздыхаю, так я жажду дыма твоего кальяна,
Горько плачу, так мне чашка кофе твоего желания!

Проповедую не ради святости и благочестья, —
Цель моя — кошель твой толстый в недрах твоего кармана.

Где б ни странствовал я, сердце рвется к своему амбару,
Я влюблен в твои богатства, что дороже мне Корана.

Я всегда готов подставить голову тебе подножьем
Ради изобильной снеди, ради лакомств достархана.

Плоть изныла в вожделенье твоего кюфта-бозбаша,
Фаршированного также страстью жажду баклажана.

Прославляя во весь голос дивных райских яств услады,
О земных мечтаю блюдах, — рай не стоит фисинджана!

И когда я восхваляю воды райского Ковсера,
Мысль мою шербет душистый соблазняет постоянно.

Наблюдая, как готовят ужин в пользу немущих,
Голод я смирял, вдыхая запах плова невозбрани.

Если бы хоть раз увидеть, как ты, милый мой наследник,
Золото рукой дырявой рассыпаешь неустанно!

Сердце, бейся только ради благодетелей богатых
И не думай о несчастной доле нищего дежкана!

Знай, Хопхон, зажечь не сможешь никого ты искрой вздоха,
Что в твоей душе бушует лавой огненной вулкана!

Смотри — молчи, аллаха ради!
Гори — молчи, аллаха ради!
Знай — никому ни слова правды:
Ври иль молчи, аллаха ради!

1 сентября 1906

ОТВЕТ ГОПГОПУ ИЗ ГАЗЕТЫ "ХАЯТ"

Этот, мальчик — свет очей, радость сердца и покой,
Сила тела, жизни сок, замечательный такой.

Этот славный мальчуган выходит твоей рукой, —
Что ж ты гонишь в класс его? Пожалей и успокой!

Пусть развивается и поет без забот сыночек твой,
Как захочет, так пускай и живет сыночек твой!

Глянь, как мучается он, голосистый соловей,
Так избавь его от мук, горе детское развей!
Он достаточно уже знаний в школе взял твой,
Клетку мальчик твой обрел вместо зелени ветвей!

Чуть взлетел — и оборвал свой полет сыночек твой!
День и ночь он там торчит, пропадет сыночек твой!

Всюду выходцев из школ, лишь пройдешь, ты узнаешь.
Сын речи тут и там, молодежь ты узнаешь!
Кровь гнилую, немочь их сквозь галдеж ты узнаешь!
Ты неглуп: кто плох из них, кто хорош — ты узнаешь.
Можно ль, чтоб сошел с ума от хлопот сыночек твой?
Чтоб наукам отдал жизнь твой оплот, сыночек твой?

Не поверю, чтобы к нам радость от наук пришла!
Нет и нет! Чем больше их, тем, скажу я, больше зла!
Если хочешь, чтобы жизнь юноши легка была,
А с деньжонками мошна оказалась тяжела —
Научи, чтоб, не трудясь, брал доход сыночек твой!
Пусть мошенником, плутом прослынет сыночек твой!

Слушай, жалкий человек! Сколько тупости в тебе!
Чтишь науки, а скажи, что они в твоей судьбе?
Ну, к чему должны мы знать: это "а" и это "б"?
Сколько знаков, сколько букв — мне от них не по себе,
Лучше пусть дома, стада наживет сыночек твой,
К бекам, к ханам пусть найдет верный ход сыночек твой!

Бесполезным, как Гопгон, ты писакою не будь!
Если бьют по голове, раскрывай для горя грудь!
Лихорадочным ты будь, слезы, поиски забудь!
С Насреддином подружись — вот прямой к позору путь!
Став Хопхопом, обретет лишь почет сыночек твой!
Но стихами денег он не найдет, сыночек твой!

8 сентября 1906

ТРУДИСЬ ДЛЯ ГРЯДУЩЕГО

Не трать усилий, милый мой, обогащенья ради,
Не занимайся кутерьмой приобретенья ради,
Не трать часов, не трать минут ты наслажденья ради,
Пусть будет в мыслях светлый труд освобожденья ради,
Чтоб выжил твой народ, борись его спасенья ради,
И для грядущего трудись его рожденья ради!
Времен не изменения ход, свободы кто добьется?
Будь трезвым, друг, гляди вперед, жизнь вснить не
повернется!

Оковы бедности впились в тела людей — ты видишь?
Ведь их терзают все лютей, их боль — сильней, ты
видишь?
Как можно спать? Страданья, скорбь земли своей ты
видишь?
Вождем случайно дервиши стал, а жизнь трудней, ты
видишь?
Радетель этот низко пал, ведь он злодей, ты видишь?
Тут было зданье — от него гора камней, ты видишь?
Любое зданье — час придет — в руины превратится,
Любой родившийся — умрет, но жизнь — не
прекратится!

Скажи, чего добьешься ты богатствами своими?
Их наживал ты и копил, что делать будешь с ними?
Умрешь — и люди назовут труды твои пустыми!
Пока, возможность есть, слепец, иди с людьми простыми,
Одно хоть зданье зведи — свое возвысишь имя,
Пример потомкам покажи поступками такими!
Нужд у народа не сочтешь, их время только множит, —
Не так легко того найдешь, кто бедному поможет.

Народ мой, будешь в крепкий сон ты погружен — доколе?
Постельных радостей искать, считать ворон — доколе?
На эту спячку, праздность, лень ты обречен — доколе?
Ислам в невежестве погряз, мир ослеплен — доколе?
Терпеть убогость, темноту, и плач, и стон — доколе?
Народ забит и угнетен, бесправен он — доколе?

Иль не способны мы сынов вести к прогрессу, к свету?
Иль не талантлив наш народ, к науке тяги нету?
Ведь знанья каждому нужны, на все нужны ответы,
Но школ-то нет, а ведь, сыны должны учиться где-то?
И где, скажите, есть богач, который понял это?

Мы ожидаем от него поддержки и совета!
Помочь нам надо с прошлым рвать, чтобы счастье
обреталось,
Ну а Сабирам — лишь взывать! Что им еще осталось?

24 сентября 1906

ПОЧЕМУ ЖЕ?

Нашей душою наука была, — почему же,
Родину к свету наука вела, — почему же,
Зеркалом жизни наука была, — почему же,
К знаньям она, совершенству звала, — почему же
Наши "вожди" проклинали ее, словно яд?
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

Если действительно все уважали науку,
То почему же науке не подали руку?
Нет, отвращенье она вызывала и скучу;

Не единение с ней предпочли, а разлуку.
И устыдились, измену встречая стократ,
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

Ценит вино не бутыль, а уста винодела.
То, что понятно душе, непонятно для тела.
Неуч поймет ли, что мастером сделано дело?
Перед наукой замешкались мы оробело.
Нас обогнали соседи — идут, не стоят.
И умерла, и сомкнула страницы "Хаят".

Пусть настоящей победы соседи добываются,
Пусть их газеты в несметном числе издаются!
Нам — если даже над этим они посмеются —
Много и двух! Пусть в одну они лучше сольются.
"Знание вредно!" — пророки ислама твердят...
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

О превосходстве врагов нам печалиться вечно.
Время ислама, увы, не кончается, вечно.
Преданность истине не замечается вечно!
Если от тела душа отлучается вечно —
Люди в мирок свой от мира уйти норовят.
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

Чтобы народ наш невежества сбросил оковы,
Будем трудиться всесчастно, упорно, толково.
Будем науке служить, осуждая сурово
И хвастуна, и бездельника, и пустословья.
Видела лень и неправду, разврат и разлад —
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

Чахнет наука — невежеством мир опоясан.
Жить человеку не стыдно пустым лоботрясом:
Были бы только к столу баклажаны да мясо,
Лишь бы дремать на тахте, что покрытапаласом,
Видела: нация спит, завернувшись в халат, —
И умерла, и закрыла страницы "Хаят".

БАКИНСКИМ КОЧИ

Меня тошнит, когда я вижу твою развязанную походку,
Меня знобит, когда я слышу твои похабства во всю глотку,
Терзает жуть, когда я вижу патронов ряд, витую плетку,
Колотит дрожь, когда я вижу кинжал, похожий на селедку.
И пистолет когда я вижу, готовый выпалить в охотку.
Лишь не пойму, когда я вижу смону врастяг по подбородку,
Что ты хлестал с утра в духане: хмельную брагу или водку?

Ты богохульно удалился от предписания ислама.
Что ж, набекрень надень папаху и действуй злобно и упрямо:
Бей под ребро, когда увидишь единоверца возле храма,
Тащи туда, где примет жертву тобою вырытая яма,
Гарцуй, красуйся, хорохорься по всем статьям плута и хама.

Бесчинствуй, пьяниствуя днем и ночью, кути, гуляй,
но на мгновенье
Закрой глаза, когда увидишь несчастный дом свой
в запустенье.
Купайся в сраме непотребства, в крапиве спин и под сиреню,
Но не стыдись, когда увидишь своих детей в оцепененье,
Разнарядись, когда увидишь свою любовь из заведенья,
Сжигай рубли с ней наживные, как просмоленные поленья.

Но зарычи, когда увидишь свою жену в изнеможенье,
От горя ставшую давненько своею собственностью.

Смейся, хвастай, что б ни стало,
Продувной гуляка.
Но возьмет за глотку старость
И тебя, однако,
Как гнилой, седой обабок,
Схватит. Вот тогда-то
Ты поймешь, хвата-ясь за бок,
Что пришла расплата.

13 октября 1906

* * *

Имелся старицкий обычай у нас:
При драках камнями кидаться — вжик, вжик...

И если уж камень в кого попадет,
То стоном потом раздаваться — ох-ох...

А вылечат зельем каким, то душе
На ниточке только держаться — эх-эх...

Теперь — револьвер! Стать мне жертвой его!
А пулям свистеть и вливаться — фыть-фыть...

Вот юноши, вижу, упали ничком,
Как горько, что им не подняться, — жуть, жуть...

Тыфу, выпало ж время! Сподобил же бог
С порою такой повстречаться... Нет, нет!

И режет, и колет друг друга народ,
Какие кошмары творятся — ой-ой..,

Брат вышел на брата. Как, люди, смогли
Вы в диких зверей превращаться? Боль, боль...

Народ мой! Ты ввергнут в хаос и в разброд,
Тут кровью душе наливаться — буль-буль...

Так дальше пойдет — наш Баку пропадет,
Жестокость к нам хочет ворваться — вот-вот.

О боже, избавь нас, поправь этот мир,
Ему для людей возрождаться! Мир, мир!

27 октября 1906

СОВЕТЫ СТАРОЙ КОЛДУНЫИ ДЕВИЦАМ

Советы бабушки своей пустыми не считай —
Прими, моя душа!

В них слово каждое — рубин, пленивший целый край,
Пойми, моя душа!

Я много прожила, и как дивила белый свет —
Лиши ведает пророк!

Каких уловок не нашла я с тех далеких лет
За этот долгий срок!

О женской хитрости сто лет я говорить могу —
И всей не исчерпать!
Заполни хитростью весь мир, — тебе я не солгу! —
И не найдешь, где стать.

А колдовать начну — и джинни сбежит как от огня!
Хвала моей волшбе!
И сам шайтан не знает чар таких, как у меня,
Творцом клянусь тебе!

Ты счастлива, ты обрела благословенный миг
Свидания со мной!
Пойми, пойми мои слова, о свет очей моих!
Скажу тебе одно:

Во-первых, знай ты, что мужей на свете верных нет —
Хоть глуп он, хоть умен!
Нет, не найдешь и одного за сто и двести лет —
Умен ли, глуп ли он!

Не жди, что верен будет тот, кто мужем стал твоим,
Будь начеку всегда!
Как раз троих он заведет, кто мужем стал твоим:
Тебе грозит беда!

Прослужишь тридцать — сорок лет безропотно ему о
И не оценит он!
И вот молоденькой женой — он властелин в дому —
Тебя заменит он!

Не плачь о муже, не горюй, что твой удел жесток!
Ко всем чертям его!
Лукавства женского тайком разматывай.клубок,
Тебе я дам его.

Пока не спит, оставь его подольше одного —
Он молнии грозней!

А как заснет, скорей проверь карманы у него,
Но только не красней!

Тайком, безмолвно, по ночам верши свои дела:
Женой-плутовкой буды!

Чтоб сам шайтан не мог понять, как ловко ты вэяла,
Отменю ловкой буды!

Вот, выпив утренний свой чай, он из дому ушел —
Забудь про всякий страх:

Свободна ты от всех забот и от бесчисленных зол,
Весь дом — в твоих руках!

Собраться в лавку поскорей ты Хансенем велиши.
Что нужно? Масло, мед,

Най, сахар, сыр, халва, урюк, ну мясо, рис, кишмиш,
Варенья пусть возьмет!

Пусть за подругой поскорей твой мальчуган пойдет
И за твоей сестрой,
И пусть она своих подруг побольше приведет —
Веселый пир устрои!

Пусть на огне котел стоят и самовар кипит!
Бей в бубен без забот!

Пусть ест любая гостья плов, не ведая обид!
Пусть льет шербет и пьет!

Шербет! Каймак! И мед!
Пусть трудится супруг
Не покладая рук
И горе сносит сам, —
Пошли его к чертям!
Вовек не знай невзгод!
Пусть в доме круглый год
Веселый пир идет!..
О, наш злосчастный род!
3 ноября 1906

ДЕТЯМ

Надежда народа, с веселым лицом детвора,
Любимая матерью, добрым отцом, детвора!

Любовью и лаской обязаны вы материам,
Их вечным объятьям, о дети, их нежным словам.
Отцы не скучились, хоть каждый суров и упрям,
И, слава творцу, обнажаться на счастье не вам.

Ты так возмужала в семействе своем, детвора, —
Свободно гуляй на просторе земном, детвора!

Вы, мальчики, ростом уже кипарису равны.
Как взрослый петух, вы поете — враги тишины.
Родители рады, что стали большими сыны.
Довольно! Уж вам колыбели теперь не нужны.

Скорее расстанься с постельным теплом, детвора
Оставь наконец-то родительский дом, детвора!

Болтаться на улице, всюду бывать вам пора,
Валанцаться, шляться опять и опять вам пора,
Скандалить и драться, громить, воровать вам пора,
Меняя наружность, весь мир расшатать вам пора.

Стреляй что ни день, забавляйся свинцом, детвора
Как славно на улице слыть молодцом, детвора

Настал не ученью, не школьным занятиям срок:
Взлелеянным детям все знанья о мире не впрок.
Нет, время настало всё делать добру поперек,
Пусть в сердце войдут беспрепятственно зло и порок:
Учись обращению с крепким словцом, детвора!
Учитель и школа тебе нипочем, детвора!

Как следует, дети, владеть кулаком вам пора,
По чести хозяйничать в доме своем вам пора,
Быть с матерью дерзкими, драться с отцом вам пора,
Покой их разрушить своим удальством вам пора!
Несчастную мать избивай вечерком, детвора,
Да так, чтоб вздохнуть не смогла она днем, детвора!

Отец не исполнит какой-нибудь просьбы твоей, —
Чтоб он устрашился убытков, бей утварь скорей!
Яви свой характер, бранись, да, смотри, погрубей!
Стремясь к избавлению от смелых сыновних затей,
Из дома прадаст он посуду с котлом, детвора!
Он рад рас проститься с последним добром, детвора!

Достаток? Достаточно горя ему одного!
Уж так повезло ему — праздник сплошной! Торжество!
Что светом очей он считал, то сгубило его!
Трудился — и вот тебе: нет за душой ничего!
И душу не спас он прискорбным концом, детвора!
Печаль у бедняги — всей жизни венцом, детвора!

10 ноября 1906

ИСПОВЕДЬ ГАДЖИ-МИРЗЫ ГАСАНА

Не знал я, что горю наступит черед,
Что счастье нежданно бедой предстает,
Что может судьба так ускорить свой ход,
Что волю потребовать может народ,
Что сила такая в народе живет!
Я власть над народом — беда! — потерял,
Величье свое навсегда потерял.

Невежды рабами спешили за мной —
И юный, и тот, кто намазался хной,
Хоть не коронован, но правил страной.
Все знают прекрасно, какою ценой
Достался мне райский кусочек земной.
Нет, нашей свободы никак я не ждал!
Что день превратится во мрак, я не ждал.

Ах, сколько имений ко мне перешло!
За крохи склоняли народа чело.
И пащен и стад я умножил число.
Сумел не одю я заставить село
Трудиться, чтоб счастье мое возросло.

И всё это — вникните! — прах, пустота!
В душе — пустота, и в руках — пустота.

Пируя в Тавризе, я в жире увяз,
И в страхе дрожали, заслышив мой глас,
И нес мне доверчивый хлеба запас.
Строптивых лишал я то жизни, то глаз.
Бесстыдно окраску менял я не раз.
Народ — пусть он сгинет! — мой сад погубил,
Меня конституции яд погубил.

Не знаю, кто рой этих пчел раздразнил,
Родил у народа дремавшего пыл?
Кто буйное дерево распри взрастил? —
Рубил я, но выбился только из сил!
Безумный мятежник мечты воплотил!
Вернется ль к владыкам весна, не дождусь.
В амбары мои ни зерна не дождусь.

Мирзэ бы Джаваду отрезать язык:
Все тайны мои он раскрыл, еретик.
С Мирзою-Гусейном, что к сплетням привык,
Болтали друзья — и урон мой велик!
В Тавризе война показала свой лик:
Я изгнан — и сердцу так больно теперь,
А зависть — победой довольна теперь!

Мечтою о доме мой ум поврежден:
Там всюду встречал я привет и поклон,
Там — запахи кухни, посуды там звон,
Шербет в пиале, навевающий сон!
Там рисом садри я бывал опьянен!
Те дни!.. Проживу ли я, боже, без них?
Иль встречу я смертное ложе без них?

О боже, что, если такое придет:
Вот я возвращаюсь. Мне вторит народ!
Мне каждый с почтением дорогу дает,

Ладони в поклоне слагает, — почет!
И в страхе замкнулся у каждого рот!
Я знатных учу — и гордятся они!
Увы и увы — не вернутся те дни!
Поди и засни, и засни!

24 ноября 1906

* * *

Будь щедрым — что скучиться? Но бедным — ни гроша!
При виде иных татов пусть не болит душа.

Что взял — отдай, но только не возвращай долгок.
Тебе: "Привет!" — рабочий, а ты ему — плевок.

Что, что? Дела благие? Ну да, и я о том —
Нем не благое дело: с друзьями за вином!

Терзайся! Муки сладки, когда терзает страсть.
Что? Совесть? Глупый малый — имей над нею власть!

Беги от книг, от знаний, послушайся меня!
А вера, убежденье — пустая болтовня!

Вздыхаешь? Брось! Ты лучше кальяна дым вдыхай.
Что нам до бед народа? Пусть рухнет отчий край!

Сироты? Вдовы слезы? .. Какой же, право, вздор!
Ты муж, кокоток очи пускай ласкают взор.

Добро — не наше дело: у нас крепка рука!
Ах, ах — кулак тоскует по морде бедняка!

8 декабря 1906

СЛОВО

Я слово солнцем назову — других сравнений нет!
И впрямь ведь, слово, ты даешь всему живому свет!

Ты истиной сотворено, ты правды смелый луч,
Ты рождено, чтоб сонмом благ осыпать белый свет.

То льешься ты из-под пера, то строчками встаешь,
То полыхаешь на земле, то в небесах твой след.

Как только появилось ты, исчезла темнота,
Ты человеку в первый день открылось, как рассвет.

Кто от рождения не слеп — влюблен в твою красу,
Тобою взор людей ума украшен и согрет.

С тех пор как ты слетело с уст, такое благо ты,
Что человек тобою горд уж много тысяч лет.

Строптивых тотчас усмирит и сломит власть твоя,
Ты можешь, минится, расплавлять, сжигать любой предмет!

Величие людских сердец ты — молния мечты,
И отраженье чести ты и всех души примет.

Ты — мудрый воспитатель наш, а потому тебя
Отцом поэзии всегда признать готов поэт.

Да, человека довело до совершенства ты —
И много в мире красоты он одержал побед.

Всем чистым сердцем я, Сабир, прошу тебя о том,
Чтоб древу мудрости во мне послало ты расцвет!

18 декабря 1906

ВОТ ТЕБЕ И КУКАРЕКУ!

Показалось мне — зреет заря.
"Кукаре-еку!" — запел я. А зря:
Кто-то камнем мне дал по перу,
И я понял: напрасно ору.

С той поры прозорливей стал я.
Чуть завижу полет коршунья,
Под прикрытье скорей норовлю,
"Я не бу-у-ду!" — пищу и молю.

О лихие ястреба в вышине,
Не грозите расправою мне!
Ваша доля — парить над землей.
Жить в пыли, во дворе — жребий мой.

Вы не хнычьте, цыплятки мои,
Не нарушу покоя семьи,
Кукарекать погас во мне пыл —
Значит, стал я умнее, чем был.

6 января 1907

ПРИЗВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

О судьба моя ты злая,
Что за дни пришли, не знаю,
То и дело я стенаю,
Не живу — в огне сгораю,
Без конца в слезах, без краю,
Сердце кровью обливаю,
А сильней претерпеваю,
Чем от горестей и бед, —
От журналов и газет,
Где писаки — хуже нет!
Узнаю гяуров след! —
У меня во цвете лет
Отнимают солнца свет,
Смело пишут всякий бред,
Ужасая весь ислам,
Призываю здесь и там,
В каждом городе, селенье
Не забыть о просвещенье:
Школы девочкам открыть,
Чтоб малютки во всю прыгть
Мчались в классы по утрам,
Получали пользу там,
Чтоб к ученым степеням
Был для женщин путь открыт,
Чтобы шли, забывши стыд,
В новых платьях в новый быт:
Та с грамматикой сидит,

Медицину эта чтит,
А у третьей важный вид —
О природе говорит;
Книги, письма, ох и ах,
Гибель скромности, аллах,
Страх и прах,
Туман в умах,
Всё — впотьмах;
Такой размах
В их словах
И в их делах,
В этой армии задир,
Взволновавших целый мир —
Чтоб язык их мертвым был,
Чтобы камень их убил,
Чтоб навеки мир забыл
Их слова и обращенье,
Срам, бесстыдство, преступленье,
Злое дело — просвещенье,
Их тлетворное стремленье;
Ведь и знанье и уменье
Каждой девушки лишь в том,
Чтоб держать в порядке дом:
Шить одежду и стирать,
Шерсть расчесывать и ткать,
Тряпки старые латать,
Дом и дворик подметать,
Каждый раз посуду мыть
И — варить.
Варить,
Варить,
Заслужив гостей хвалу,
Голубцы, кюфту, халву,
Из баранины — бозбаш,
Из фасоли — кашу каш,
Фисинджан, чурск, лаваш, —
Вот и всё, что нужно знать
Тем, кто есть жена и мать,
А не знаешь — не беда:
Знанье главное всегда
Заключается в другом.

Суть его, во-первых, в том,
Что, пришедши к мужу в дом,
Огрызайся, прекословь —
Будь там свекор иль свекровь, —
Чтоб не смели возражать,
А умели уважать,
Во-вторых — пускай жена
Будет хитрости полна:
В мужа с деверем она
Бросить розин семена
Обязательно должна,
Чтобы дружбу многих лет
В десять дней свести на нет,
В-третьих — знать важней всего
Всех чертей до одного:
Джиннов, леших, домовых,
Самых страшных, самых злых,
Никого не позабыть,
А напротив, проявить
Здесь особенную прыть,
Чтобы пользу получить,
Если здраво рассудить:
Скажем, стал ребенок ныть
Или попросту шалить —
Имя черта назовешь,
Шалунишку бросит в дрожь —
И ребенок стал хорош;
Так вот сразу и уймешь —
И от всех забот уйдешь
И душою отдохнешь.

Повелел ислам идти
Лишь по этому пути.
Ограничтай дитя,
Чтоб его от бед спасти!
Разобраться не берись,
Делом начатым гордись!
Что? Не веришь? Ну, не верь!
Не стыдишься? Не стыдись!

19 января 1907

СВОБОДА

Мне горечь рот свела, хочу вкусить твоих щедрот, свобода!
Дай мне изведать: ты халва или сладчайший мед, свобода.

Приснился берег мне морской, пусть сон мой сбудется скорее!
На нем лежит гора горой — в мешках отправки ждет свобода.

"Свобода свалена в тюках, завязанных веревкой прочно"
Давиценько я мечтал о ней, пусть мне перепадет свобода.

Я стал покорнейше просить: "Друзья, мне дольку уделите!
Кусочек только. Знать хочу, что беднякам дает свобода",
"Прочь! Руки, коротки твои!" — мне крикнул кладовщик
сердито. —

Не знаешь, что ли, простота, что суждена она Ирану?
Зачем коасавине урод! Знай, на таких плюет свобода!"

Я, огорченный, отошел в сторонку, грустно ожидая,
Что, погрузившись на корабль, покинет нас вот-вот свобода.

Трель полицейского свистка... И двинулся корабль громоздкий,
В свободном море по волнам медлительно плывет свобода.

Но вдруг огромный черный флаг затрепетал на главной мачте. Я понял этот скорбный знак: там ждут — сейчас умрет свобода.

Нерасторопный капитан был смыт бушующей водою.
Что ж, должен потонуть корабль, с ним вместе пропадет свобода.

Кипят и пенятся валы, неумолимо наступая,
Истошный вопль услышал я и понял, что орет свобода.

Крик разбудил меня. Я встал и, на часы взглянув, промолвили: "Ночь глубока. Усни, бай-бай, пока не рассветет, свобода!"

19 января 1907

* * *

О страсть! Веления твон превыше всех иных!
И голова моя всегда, всегда у ног твоих.
Мой нрав и вера — это ты! Ты проявляешь их!
Повелевай — перед тобой я трепетно притих!
Исполню всё! Пойду в огонь я по твоим следам.
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдашь!

Не буду властен в чем-нибудь — вооружусь я злом!
Отброшу верность — и пойду упрямо напролом!
Объединенных разобью, вражду создам кругом,
Когда не покорится кто и станет мне врагом!
Я преклонюсь перед тобой, хоть господин я сам!
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдашь!

Когда меня иной умом стократно превзойдет
И станет так же, как меня, его хвалить народ, —
Я нестерплю! О, что тогда со мной произойдет:
Завидовать моим делам начнет бесовский род!
Своим коварством послужу тебе я тут и там!
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдашь!

Мою властью должен я свершить мои дела;
И если б воля в чем-нибудь могучая сдала, —
Пусть кто-нибудь промолвит вслух: "Добру моя хвала!" —
Я вспыхну так, что он сгорит в единий миг дотла!
Всех изумит, как я служу тебе, умен, упрям!
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдашь!

Когда в делах нет выгод мне — беда делам таким;
Увидев тысячу нагих — не дам и тряпки им.
В слезах народа утоплю мой край я злом своим:
Не мне за родину страдать — я страстью одержим!
Ни славы, ни казны своей не дам я за ислам!
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдашь!

Я жажду славы, я молюсь, чтоб шел ко мне почет.
О, как страдаю я, когда почет к другим идет!

Мое неизмеримо "я", другие "я" не в счет!
И, если к дуракам порой мой гордый путь ведет, —
Унизясь, угождать тебе всем я дуракам.
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдам!

Настанут дни: узнают все, как проданы они.
Все станут презирать меня в те роковые дни!
Расплата полная приде?, аллах меня храни!
Почет и слава пропадут! Где радость? — Догони!
Верь: плону я на свой обет тебе и небесам!
Увы, я этим вновь и вновь себя тебе предам!

24 января 1907

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

О наследник милый мой,
Красящий мой путь земной,
Лишь ты один,
Мой юный сын,
Моих седин
Опора, свет,
Уж десять лет,
Как стар и сед,
Не говоря, в конце концов,
О вере дедов и отцов,
О самолюбии моем,
О теле и душе, о том,
Что больше жизни бережем:
О чести, совести моей, —
Остаток дней,
Остаток сил
Лишь тебе я посвятил;
И не только все соседи —
безусловно, весь народ
Знает, что не первый год
Дни и ночи напролет,
Потеряв убыткам счет,
Много всяческих забот,
И уроков, и невзгод

Испытал я на себе, делая добро и зло,
Ибо всё для сына шло;
Пусть мне было тяжело —
Всё, что слала мне судьба,
Я сносил, не хмуря лба,
Чтобы, зная в жизни толк,
Выполнить отцовский долг:
Я выращивал, любя,
Милый кипарис, тебя, —
Я не подражал глупцам,
Тем невеждам, тем отцам,
Что по грубости своей
Губят свет своих очей —
Ненаглядных сыновей
Гонят в школу поскорей, —
Нет, я сердцем был нежней,
Я не стал во цвете дней
Обижать души твоей,
И в темницу школы той,

Полной бреднями, пустой,
Я тебя не заключил,
Ибо здраво заключил,
Что, бесспорно, лжет весь свет,
Будто скрыт в науках свет, —
!Верь, от них покоя нет
Наложив на них запрет
И твоей свободе рад.
Я не ставил ей преград,
Но тебе в пути твоем
Не отказывал ни в чем:
Не стесненный ремеслом,
Вечно улицей влеком,
Ты сменял базаром дом,
Правил праздник день за днем,
Утро с вечером смешав,
Шел, куда направит нрав;
Что б ни делал — был ты прав,
Ибо, сыну волю дав,

Понимая юный пыл,
Где б ты ночью ни гостила,
Наслаждаясь под луной
Пеньем, бубном и зурной,
Я тебя всегда хвалил —
и могу на коврик сесть,
Чтоб творцу хвалу вознести:
Сын мой стал таким, как есть,
Доблестей его не счесть,
Молодцу такому честь:
Сылой — лев, повадкой — тигр,
Миновавший время игр, —
Значит, сын мой, должен ты
Воплотить мои мечты:
Воспитанье завершить,
Некий подвиг совершить;
Высмотри табун в горах
Иль посей смятенье, страх
Ты в каких-нибудь домах,
Повергая жертвы в прах,
Сузив землю второпях
И отрезав путь у всех,
Чтобы каждый твой успех
Был мне лучшей из утех, —
Стать разбойником не грех:
Молод, весел и удал,
Наточил в ночи кинжал,
На большой дороге стал
И сражаешь наповал;
Пусть преследуют везде,
Ты не думай о беде:
Даже в камеру попав,
Ты пребудешь жив и здрав, —
У начальства добрый нрав:
О тебе похлопотав,
Хлеба мягкого дадут,
И водички тут как тут
Кружку чистую нальют,
Создадут

В тюрьме уют,
И не будет смельчака,
Чья решит тебя рука
Оскорбить хотя б слегка,
Ну а там, — прощай, тоска! —
Выбрав миг наверняка,
Ты бежишь из-под замка,
А задержит часовой,
И побег сорвется твой,
И с поникшей головой
Ты встретишь приговор суда
О том, что сослан на года, —
Мой милый, не горюй тогда:
И поселенье — не беда! —
Иди ты с радостью туда,
Там девок много, верь ты мне,
Что подойдут тебе вполне,
С красоткой Соней наравне:
Не ротик, а бутон им дан,
Как серебро их белый стан,
Цветок с неведомых полян,
Глядит — ты думаешь: джейран! —
От их кудрей ты будешь пьян:
Таят сирени аромат;
Ах, красота их ранит взгляд,
А белизна туманит взгляд,
Когда ж ласкать их станет взгляд,
То лишь к одной пристанет взгляд:
Одной из этих стройных дам,
Изящных и достойных дам
Ты скажешь: скалься — всё отдашь! —
И сделаешь своей женой,
И будешь верен ей одной,
Она велит: свой дом забудь! —
И не смутишься ты ничуть,
И, сколько б твой ни длился век,
ты там и завершишь свой путь.

10 февраля 1907

ГОРЕ СКРЯГИ

О деньги! Вы моя душа, так радо сердце вам!
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

Свет жизни, люди ищут вас, как божью благодать,
И всякий вами свой недуг умеет исцелять.
Кто вас не знает, тот спешит благотворить опять,
Кто вас не ценит, тот готов для нации отдать.

В друзья души зову я вас, тоскуя по ночам.
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

Все знают, как я предан вам, сиянью ваших глаз.
И дни и ночи глаз своих я не сводил бы с вас!
За вашу полноту отдаю я весь ислам зараз!
Тори весь мир — одним грошом его бы я не спас!

Пусть к вашим сундукам пути не будет беднякам!
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

С почтеньем, деньги, каждый день я навещаю вас:
Я поклоняюсь, деньги, вам, ценю без края вас,
Я нежу вас, я вам служу и умножаю вас, —
На соли, сырье берегу, на чашке чаю вас!

Вас ущемив, я под удар себя подставлю сам!
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

Как жизнь свою, я берегу тебя, мой чистоган:
Зря и молле тебя не дам, хоть чту высокий сан!
Он не получит ничего — прочти хоть весь Коран!
Голодный, голый — проходи! Для них ли ты мне дан?

Пусть нищий кровью плакать стал — не верю я слезам!
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

Без вас лишь час я проведу — в стенаньях изойду,
Заставлю плакать ради вас детей своих орду,
На страже вас поставлю честь и славу приведу,
А день придет — я жизнь отдаю, сгорю за вас в ад!
Туда в тревоге я уйду, на радость сыновьям.
За вас отца и мать отдаю и душу я отдаю!

Низринется моя душа туда, в кипящий ад!
Моллы степенные придут и, совершив обряд,
Наследникам передадут тебя, мой добрый клад!
Ах, кто поймет, что до небес мои мольбы взлетят?
О денежки! На вас глядеть я с болью буду там!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Не надо думать, что меня благословят они, —
Распределят и на разгул растратят клад они!
Из-за веселья полетят куда хотят они!
По Соне или Аине взяв, начнут разврат они:
"Чинара! Ротик ваш — бутон! Прильнув к таким
устам,
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!"

21 февраля 1907

* * *

Злой шайтан из преисподней восклицает: "Люди, люди!
Знанья мир заполонили, много знатъ желают люди.

Кто поймет науки эти? Кто втемяшит? Кто посеет?
Иль не видите, смутьяны — вас к беде толкают, люди?

Если вдруг простонародье от ученья станет зрячим —
Тем оно почеста, славы богачей лишает, люди!

Разве хочет власть имущий пробуждения народа?
Эти знанья да науки в страхе его ввергают, люди.

Батраки уже проснулись, жаждут прав они, свободы!
Или ханы, или беки знать о том не знают, люди?

А газетчики-писаки без стыда раздоры сеют,
Пачкотию распространяют, вечно вас пугают, люди!

Зло храните! Режьте, жгите! Людям головы рубите!
Души — вон! Добра — не надо. Пусть ножи сверкают,
люди!

Убивать — в природе вашей, проливать потоки крови.
Можно ль нас, шайтанов, трогать? Нам еще винят
люди...

Очень жалко, если сгинут и невежество, и дикость, —
От кровавых неурядиц пусть вражда вскипает, люди!

Пусть призывы ежечасно раздаются: жечь и резать!
И рассудок свой, и души для чего спасают люди?

Но не вздумайте сорвать вы покрывала бескультурья:
Станет видно, как шайтаны вашу жизнЬ терзают, люди!"

3 марта 1907

* * *

Наше главное стремленье — загубить страну вконец,
Клевета и озлобленье — вот улада для сердец.
Все дела у нас в забвенье, болтовня — всему венец.
Нам привычно бить и драться, ближних в рог бараний гнуть,
Кулаками мы, кавказцы, людям преграждаем путь!

Точно жало скорпиона — наша цепкая рука,
Пить попросит истомленный — не получит ни глотка.
Мы попрали все законы... Что ж, беда не велика, —
Что нам совести бояться, ведь медаль украсит грудь!
За награды мы, кавказцы, к свету преграждаем путь!

Имя доброе пороча, стали мы бичом земли,
Честность мы порвали в клочья, всех коварством, превзошли.
Что?.. Прогресс?! Других мороча, лучше стать мы не смогли.

Что нам к свету устремляться?! Прежней чести не вернуть!
Мы доволыны. Мы, кавказцы, к жизни преграждаем путь!
Мы не жалуем ученья. Для чего нам сотни школ?!

Не окажет нам почтенья, кто науки превзошел.
Нам противно просвещенье. Нам приятен пронзевол,
Будем водкой напиваться в мейхане — не где-нибудь!
Мы — пьячуги, мы, кавказцы, к знанию преграждаем
путь!

Где-то там, в Европе, знанья повышаются...

Пускай! Честь страны и достоянье умножаются...

Пускай! Человеческое званье утверждается...

Пускай! Будем в спячку погружаться. В этом —

жизни смысл и суть!

Псы ценные, мы, кавказцы, к счастью преграждаем путь!

10 марта 1907

НЕ ПУСКАЙТЕ!

К свету нация стремится, — не пускайте!

К справедливости пробиться не пускайте!

Люди к правде рвутся смело,

Жить во тьме им надоело,

Плохо, плохо наше дело, — не пускайте!

Весь народ пришел в волненье, и при этом

Верит он писакам разным и поэтам.

Не идет уж он за нами,

И огонь под казанами

Разгорается всё жарче, — не пускайте!

Молодежь, вы говорите? Ну и что же?

Нет почтенья к старние у молодежи!

Пусть они бывают правы,

Но, взгляните, что за правы:

Без бород, зато гривасты, — не пускайте!

Нам приятны колдовство и чародейство,

А наука и поэзия — злодейство,

Кто пошел по этой части,

От того одно несчастье.

Кто — шакал — со школой дружит,

Черным силам ада служит,

Этих воюющих шакалов не пускайте!

Зло исходит очень часто от поэта.

Бейте, бейте же безбожника за это!

Бейте, бейте же его, а сочиненья

Разорвите на клочки без сожаленья!

Он религию порочит, — не пускайте!
Над святынями хохочет, — не пускайте!
Он без совести и чести, — не пускайте!
Гром срази его на месте, — не пускайте!
Нечестивец и тупица,
Не желает он молиться, —
Нужно вместе навалиться, — не пускайте!
Удирает? Хочет скрыться? Не пускайте!

31 марта 1907

ПЛАЧ

Зачем я должен сострадать и подавать ему, господь?
Зачем я должен помогать и потакать ему, господь!

Босой? Голодный? Поделом несет терновый свой венец!
Что, он не может прокормить себя, как пахарь или жнец?

Какая польза богачам, что он оттянет свой конец?
Да если он умрет скорей, ему же выгодней, господь!

О голодающих скорбеть, скажу открыто наперед,
Я не намерен. Нет и нет! Пускай хоть вымрет весь народ!..
Создатель сам поможет им, коль в этом надобность найдет.
А мне, признаться, видеть их противно-муторно, господь!

А все газетчики виной: чуть что — они уж тут как тут,
На всю губернию кричат, статьи аршинные пекут —
Мол, помогите беднякам! Не дай бог бедные умрут!
Зазря карман опустошать — да это ж просто смех, господь!

Ты что, скажи, сошел с ума? Ты так стоять за нищих рад,
Что, можно думать, среди них скулит твой сват иль
даже брат.

Ведь деньги мне дороже глаз! Дороже всех земных наград!
Нельзя же их совать в ладонь любому встречному, господь!

Бедняк к богатым знает путь — за подаяньем лезть горазд!
Иль, попрошайничать привык! Коль брюхо пусто, пусть
продаст

Чоху свою, и шапку, и недавно сотканный палас.
Да разве мало мне кому подарки надо слать, господа!

Ты всё газету мне в глаза свою ничтожную суешь,
А суть увидеть не спешишь, а дело толком не поймешь:
Ну, дам я деньги беднякам, а без копейки Анна что ж?
Ведь Анна-то не Хансенем, чтоб попрошайничать, господь!
7 апреля 1907

* * *

О виночернй, не пускай ты к нам святошу в погребок,
Чтоб он в мечеть не превратил наш погребок в короткий
срок!

Красавица, своих волос не связывай ты в узелки:
Пойми, что зерна четок нам напомнит каждый узелок!

Ни колдовством, ни волшебством в любви безумцу не помочь, —
Лиши слово "милый" повторяй, забудь слова "ты мне далек"!

Когда не вижу я тебя, твоих расстроенных кудрей.
Поведай горе гребешку и мне пришли твой гребешок!

Какую сладость я познал, к бокалу горькому склоняясь!
Должно быть, красашек его и ты пригубила разок!

Когда возлюбленных сердца сгорают в пламени любви,
То в целом мире им сродни — свеча и бедный мотылек!

Увидел родинки зерно на дорогом лице Сабир —
И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна его увлек!
13 апреля 1907

НЕ КРИЧИ, СПИ!

Сли, курица!.. И хоть во сне наешься проса до зари!
Потише!.. Коршун над тобой парит кругами -посмотри!

В курятник прятаться — нельзя! Гуляй поменьше
во дворе!

Хозяйский нож сверкает. Смерть — не за горами!..

Посмотри!

От тех яиц, что ты снесла, не вздумай ожидать цыплят!
На сковородку загляни! В очаг, на пламя посмотри!

Как зангезурец, не кричи о хлебе, о зерне своем!
Разбогатели хан и бек, став тorgашами, — посмотри!

Не доверяйся языкам тех, кто о храбрости твердит.
Как в миг опасности они бегут скачками — посмотри!

Речь проповедника — сладка. Пытливей на него взгляни!
В том сладкоречье яд горэзы, на тех, кто в сраме, —
посмотри!

Чем на дворянское лицо смотреть с надеждою, бедняк,
Уж лучше в саване ступай к могильной яме!.. Посмотри!

Ты хочешь знать, кого у нас интеллигентами зовут?
Взгляни на карты и вино... В грязи их знамя!.. Посмотри!

Их разговоры и дела-политиканство, болтовня,
Ложь укрывается у них за похвальбами — посмотри!

14 апреля 1907

* * *

Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне ал чах!
Ей-богу, я горю в огне, спаси, податель благ!
Горсть недругов чернит ислам, забыв и стыд и страх
Непослушанье пробудить хотят в твоих рабах

В такие злые времена мне жить пришлось ах-ах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Повсюду к жертвам нас зовут, к созданью школ зовут,
Поставить доску в каждый класс, поставить стол зовут,
Зовут нас розги отменить, к нам произвол зовут,
Ц выставить скорей из школ почтенных моллы зовут,
И пригласить взамен моллы учителя, ах-ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Что значит он, зачем он к нам пристал, учитель тот?

Чтоб в год пятьсот — шестьсот рублей хватал учитель тот?

Чтоб новый метод применять он стал, учитель тот?

Чтоб, загребая свой оклад, сиял учитель тот?

Чтоб, видя этот капитал, молла вздыхал: "Ах-ах!"

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог,

К работе руки не лежат, к делам — не двинуть ног:

Ах, даже у детей моих какой-то новый слог!

Ах, это всё в моих ушах трещит, свидетель бог!

Права... Свобода... Порт-Артур... Маньчжурия...

Размах!..

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Клянусь былым, сошли с ума, разверзены они!

Ислам!.. Безверьем новых дней заражены они!

О, как понять, во что теперь превращены они?

Какой-то там свободе все душой верны они!

Такие, право, молодцы — не выразить в словах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Ах, неужель минувших дней никто нам не вернет?

Ах, неужель им не дано продлиться лет пятьсот?

Науки, знания, мораль, мы дали б вам расчет.

О испанистский прошлый год и позапрошлый год!

Сгореть бы вам, чем у невежд будить огонь в умах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Не знаю, чем я занят был, что не видал ничуть,

Как прежние праги наук избрали новый путь.

Такою верой в этот путь наполнена их грудь,

Что когти горя рвут меня и не дают уснуть.

Как знать, потерпят ли когда стременья эти крах?

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

28 апреля 1907

* * *

Все наши помыслы с тобой, о женщина, жена!
К тебе, свет сердца, рай земной, мечта устремлена!
Не так любовь к стране родной, как страсть к тебе, сильна!
Что делать? К родине любовь слабеет с каждым днем!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Высок ли ты иль низкоросл — ты страстью наделен.
И даже в старости любовь нам сладостней, чем сон.
По обе стороны у нас всегда по паре жен.
О страсть! Мы все — твои рабы! Сошлись мы на одном:
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Чуть вечер — проверяем мы, каков порыв у нас,
И шлет судьба желаний рой нам в долгожданный час.
А утром — в банию мчимся мы, забыв свершить намаз.
И, омываясь, представляем с молитвой пред творцом.
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Обычай шейхов наших дней линь этим и хороши,
Его в наследство от отцов прияла молодежь.
Кто говорит, что вялы мы? Неправда это, ложь!
Мы ради страсти кровь прольем — пусть грянет славы гром!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

И пусть другие жен своих правдиво судят, пусть!
И пусть с женою дружит муж, любить не нудит пусть!
И пусть с единственной женой весь век пребудет, пусть!
Ах, прибавляем жен-сийга мы к нашим четырем!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Нам по числу случайных жен и отдают поклон.
И мы с одеждой наравне своих меняем жен.
Что женщина? Рабыня нам, у нас таков закон,
Была свободной, но рабой ее приводим в дом!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

6 мая 1907

* * *

Ну, где твои надежды? Где? Ответь, наивное дитя.
Ведь ты, я помню, ликовал, в прогресс поверив не шутя.
Иль ты прозрел и различил поток высокого вранья?
Теперь признайся, погляди, не я ль орешек раскусил?

Не ты ль долбил, что ни один тебя не трогает недут?
Не я ль на это возражал: "Тебя терзает алчность, друг"?
Не ты ль твердил в ответ свое и надувался как индюк?
Взгляни на факты позади, не я ль орешек раскусил?

Не ты ль взахлеб хвалил, мой друг, вновь испеченный
эиджумен?
И утверждал, что Атабек не осквернит священных стен?
Меж тем осталось всё, как встарь: меджлис без всяких
перемен!
Как ни суди, как ни ряди, не я ль орешек раскусил?

Не ты ли Думу возвышал, за благо благ приняв ее?
Не я ль тогда на этот счет сомненье выразил свое?
Ну как, бакинский депутат улучшил нам житье-бытье?
Ты зелен, друг, и глуп, поди! Не я ль орешек раскусил?

Не ты ль молол, что Дума бдит и видит, в чем людей нужда?
Не я ль сказал, что Дума нас не обогреет никогда?
А гром гремит, а град сечет. От стужи спрятаться куда?
Зуб на зуб, вишнь, не попадет. Не я ль орешек раскусил?

Кто о сплочении трубил, о дружбе плел сто раз на дно?
Кто, как не я, развеял в прах пустую эту болтовню?
На злобу тянет нас, на месть да на позорную резню!
Туман разогнан впереди. Не я ль орешек раскусил?

12 мая 1907

* * *

Ты, пекущийся о чести, не обманывай народ,
Говоря, что славу только справедливый обретет, —
Лишь терзания и муки болтовня твоя несет.
Вот совет тебе мой мудрый — размышлений долгих плод:
Славу духа обретает в наше время только тот,
В ком невежество и зависть крепко сплетены в клубок.

О достоинстве и чести не веди пустых речей,
Поспеши свое богатство приумножить поскорей,
Чтоб его, утронив, нежно мог прижать к груди своей.
Вороти свой лик от нищих, прочь гони их от дверей,
О больных и исимущих ни минуты не радей —
Следуй этому закону, что прекрасен, хоть и строп

Пусть тебя не омрачают ни печали, ни беда.
Будь ханжой, слезу пуская, — нет большого в том вреда, —
Пусть в грехах ты утопаешь, унижайся без стыда.
Только не учись ремеслам, не работай никогда.
Иу, а если тяжко будет, то без всякого труда
Вором стань — разбогатеешь, мне поверь, в короткий срок.

Не гнушайся ложью, если выгоду она сулит,
Воровством займись, покуда в мире этом зло царит.
Будь проворен и пронырлив, бей других — не будешь бит.
Поспеши: расплатой горькой промедление грозит.
Спит народ, а вдруг проснется и к аллаху возопит —
В гневе праведном жестоко покарает тебя бог!

19 мая 1907

РАБОЧЕМУ

Ты человек? Что это так, ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

У человека красота и роскошь быть должны,
Дома в убранстве у него и не сочтешь казны.
Следы усердия его на всех вещах видны.

Дворцом хибарку, грязь и мрак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Ты в знатном обществе, смотри, не вылезай вперед!
Перед начальством смироно стой, закрыв покрепче рот!
Нехорошо, когда бедняк, пороча нас, орет.
Что равен богачу бедняк — ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Кто с богачами уравнял несчастных бедняков?
Мы взяли всем: лицом, умом! Бедняк, а ты каков?
Ты о достоинствах своих и двух не свяжешь слов!
Что мы в одиом ряду, простак, ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Удел твой — молотом стучать, не зазнавайся, эй!
О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!
Двугривенный получишь в день — уж ты и богатей?
Мильоном каждый свой пятак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Мы — богачи, мы — богачи! Почет и слава — нам!
А если нам дана казна, то и держава — нам!
И власть над ней принадлежит — подумай здраво! — нам!
Хозяев сборищем зевак ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Скажи, кому обязан ты работею своей?
За наши добрые дела ты нам дерзить не смей!
Да ты за это нам воздать когда-нибудь сумей!
За честь клеймить нас так и сяк ужель считаешь ты?
Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Смущенье знаешь ты?
Себя ль терзаешь ты?
От срама, от стыда
В огне сгораешь ты?

26 мая 1907

* * *

Честь и слава воздадутся, если будешь ты богат,
Ум и знанья не в почете, ты запомни это, брат.

Будут петь тебе хваленья, много ль чести от того:
Граммофон с трубою это лучше сделают стократ.

Стол твой яства украшают, плов и сладкая хурма,
Ты, в отличье от животных, знаешь цену всех услад.

Коль назвался человеком — в горло ближнему вцепись,
Кровь его испей: для сильных в этом мире нет преград.

Только дикостью звериной ты проложишь к счастью путь,
А иначе наслажденья дымом в небо улетят.

Ну а те, кто денно-нощно спины гнут?.. О них молчи, —
Лишь на тех, кто счастлив лицом, останавливай свой взгляд.

2 июня 1907

ПОЭТИЧЕСКИЙ МОТИВ

Святое призвание твое, поэт, не добро ли оно?
Не родины ль верным сыщам оно искони суждено?

Не песням ли звучным певца эпоху свою воплотить?
Не чуткое ль сердце его быть зеркалом мира должно?

Страну возвеличить свою, увидеть счастливой ее —
Не этой ли светлой мечтой певцу вдохновляться дано?

Кто в царстве поэзии смог достойно взойти на престол,
Тот знамя надежд развернул — и гордо оно внесенено.

Но если поэт занялся одним пустословьем, хвалой,
Не мерзкий ли это холоп, чье рабское сердце черно?

Поющий за деньги певец! Презрение продажность его!
Не самым ли страшным грехам его песнопенье равно?

Тогда как для мудрых стихи — сокровищница жемчугов,
Не гнусно ли их продавать с разбитым горшком заодно?

Стихи восхвалителей — пыль с порога богатых людей.
Такими стихами льстцы и славятся в мире давно.

Навек подхалимству поэт всей сутью враждебен своей —
С душой лицемеров оно на все времена сращено.

Для нас лицемерье — порок, оставим его для святоши,
Которым притворствовать, лгать как будто совсем не
грешно.

Чем несколько дней протянуть, распластываясь у
владык, —
Уж лучше мы сразу умрем: у гордых решенье одно!

Когда пребывает певец во власти высоких идей,
То в речи высокой его заложено правды зерно.

Певца не могу я призвать: "Ты в песне людей поноси!"
Коль честного слова чернит, то чести оно лишено.

Из личной вражды никого ты ложно не смей обвинять,
Иначе — ты попросту груб и действуешь ты неумно.

Я также призвать не могу: "В стихах интригана
хвали", —
Дурные дела прославлять нам совестью возвращено.

Всегда справедливость храни: в ней прочный к спасению
мост;
Едва оступился на нем — как тут же свалился на дно.

Живи ты, как правда велит, иди только правды путем,
Пусть горе познаешь на нем — то правою повелено.

Так будь терпеливым, Али, ты терпишь от братьев своих,
Страдаешь за родину ты — и гордостью сердце полно.

6 июня 1907

* * *

Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?
Войдет ли в туницу ума благодать как-нибудь?

О деньги! Душа моя съезмала предана вам!
Что дивного в том, что я жив поклоненем денегам?
Без вас не бывать ни пирам, ни веселым денькам!
Смогу ли без вас я людей убеждать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Растет моя гордость, как отданый в рост капитал.
Растете вы, деньги, — и вес мой как будто не мал.
Не раз при молитве от Мекки я взор отвращал.
Но взор мой от вас я смогу ль оторвать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Я грабил народ — и совсем захирел из-за вас.
Пока не закрою сундук, не смыкаю я глаз.
"Ешь досыта, — мне говорят, — мало ль денег припас!"
Но сможет ли пылкий влюбленность унять как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Нужда — не про нас! Нам знакома чеканка монет!
Без денег — и славы у самого славного нет!
Хоть мал мой убыток, горит всё же сердце в ответ.
Но деньги в огонь разве можно швырять
как-нибудь?

Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Кориел я годами, истратил недюжинный пыл,
Спешил, торопился, глядишь — и богатство скопил!
И прожил я свято, хотя никого не щадил.
Возможно ли святость мою утерять как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

А ныне в народе замечена новая прыть:
Подай-ка им денег, чтоб школы для бедных открыть,
Чтоб, видите ль, деток обоего пола учить!
Но можно ли бедных к науке поднять как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Что толку, что к знаниям ищущие дети идут?
Что встали и в школу они на рассвете идут?
Нет, пусть на работу нахлебники эти идут!
Родные! Могу ль просвещенье признать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Чтоб чтили науку всецело — новинка для нас!
Чтоб женщина в книгу глядела — новинка для нас!
То богопротивное дело — новинка для нас!
Нельзя ль этот буйный родник задержать
как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

1 июля 1907

* * *

Черт побери, уснул же этот малый! Как мертвый спит
Не шевельнется даже одеяло! Как мертвый спит!

Перебудил родину и всех соседей тревоги шум,
А он всё спит, ему и горя мало! Как мертвый спит!

Не скажешь, глядя, что, как все живые, проснется он:
Сон мертвца! Такого не бывало! Как мертвый спит!

Чуть бьется пульс. Он дышит иль не дышит — не разберешь.
Кровь, видимо, остыла, гуще стала, — как мертвый спит!

Клеци иль блохи присосутся к телу — всё напочем!
Хоть скорпион в него воинил бы жало — как мертвый спит!

Каких только врачей к нему не звал я — ответ один:
"Плюнь! Не помочь нам этой кляче палой! Как мертвый спит!"

Тут ни массажем и ни прижиганьем счасти нельзя:
Он даже разлагаться стал, пожалуй! Как мертвый спит".

Уже все мусульманские мальчишки кричат:
"Аллах! Неужто он скончался? Всё пропало! Как мертвый спит!"
Кой-кто уже из русских дам, представьте, щебечет:
"Ах! Ведь этот мусульманин, я слыхала, как мертвый спит!"

Аман, лядя Молла, теперь по книжке нам растолкуй:
Неужто этот богатырь удалый как мертвый спит?!

8 июля 1907

БЛАГОРОДНЫЙ НАПЕВ

Эй, чумазый, как ты втерся в наш имущий класс?!
Неужели в самом деле ты достоин нас?!
Только стоило нам смолкнуть, ты уж тут как тут.
Лезешь, дурень, прямо в залу, как наглец и плут!
Ты рабочий. Ты в опорки грязные обут.
Так не пробуй же тягаться с ханом, свинопас!

Что за шум ты поднимаешь, что за чушь несешь!
Созерцать твои лохмотья просто невтерпеж!
О приличии понятья нету ни на грош.
Не в папахе ли ты прячешь золотой запас?!

Рожа в саже, руки — крюки, посмотри, каков!
А язык подвешен ловко — рассуждать здоров.
Кто привез и расселил их, этих бедняков?
Кто развел их, этих нищих, миру напоказ?!

Было время, с поклонением к беку шел бедняк,
В три погибели сгибался, а не кое-как.
Унижался, улыбался даже натощак.
Чуть покажешься, бывало, вскакивал тотчас.

Было время, да минуло, нынче жизнь не та:
Осмелела, обнаглела всюду беднота.
Равноправье им подайте! Взъелись неспроста!
Спячка кончилась, выходит. Пялят бельма глаз!
Эй, фелел! Ступай сочти-ка заработок свой,
Со своей родней голодной на судьбу повой.

Разве можно выйти в люди с честной головой?
Жалок твой портрет, рабочий, в профиль и анфас.

Веришь? Ищешь человечность? Где ж твой сан и чин?
Чести ждешь? Культуры жаждешь? Пышных имений?
Где ж твои ковры и шали, окромя овчин?
Где твои шальные деньги? Где ты их растряс?

Говоришь-то ты надменно! Где ж твой замок? Где?
Где любовницы-красотки? Сони, Ани где?
Где отрада опьяненья? Звол бокалов где?
Где, скажи, игра в рулетку в поздний сладкий час?

Был бы ты в ладах с алмахом, он тебе бы дал,
Как и всем богатым людям, ум и капитал.
Но ведь ты бедняк беспитаний! Постыдись, нахал!

Не пытайся быть культурным! Слишком ты чумаз!
Убирайся вон, рабочий! Сгинь, ничтожный, враз!
Не погань паскудным видом благородных нас!

14 июля 1907

ЛЕЙЛИ-МЕДЖНУН

О, богатств моих расточитель злой,
Мой несчастный сын, мой мучитель злой!

Просвещенья друг, мерзкой школы друг,
Ты не можешь жить без своих наук!

В день, когда на свет появился ты,
Как я счастлив был, что родился ты.

Я сказал тогда: "О мой сын, пойми:
Ты — наследник мой, честь моей семьи!"

От заслуг моих будешь ты снять,
Будешь радовать ты отца и мать.

Если в мир иной перейду я жить,
Всё мое добро станешь ты хранить".

Я не знал, что есть у науки власть,
Что сожрет тебя эта злая страсть.

Мой ученьиный друг обманул меня:
В роковую сеть затянул меня.

Я послал тебя в этот страшный дом —
Ах, зачем я жил не своим умом?

Крепкий корень свой подрубил я сам,
И светильник свой погасил я сам.

Но ошибку пусть совершил отец,
Светлым дням своим положил конец.

Так зачем же ты по тому пути,
Не жалея сил, так спешишь идти?

Не пора ль тебе, мой сынок, устать,
От ученьих дел наконец отстать?

Я вчера сидел проверял счета:
В кассе денег нет — и душа пуста.

Покупать, поверь, сотни книг нельзя:
Торговать совсем из-за них нельзя.

Ну, тетрадей пять ты б себе купил...
От кого такой непомерный пыл?

Карандаш, перо, кто придумал вас?
Лучше б он ослеп в тот недобрый час!

Пожалей меня, не давай сгореть!
Трудно золотом было сделать медь.

Деньги попусту, мой сынок, не трать —
Не расстраивай ты отца и мать!

То один пустяк, то другой пустяк —
Капитал мой весь, видит бог, иссяк.

Всё здоровье ты потерял, сынок:
Почернела кровь и лицом поблек.

Ох, опасен он, твой недуг, поверь!..
Боже, кто его исцелит теперь?

Ты не спишь, не ешь и не пьешь совсем,
Стал за книгами нехорош совсем.

Говорю тебе: "Отдохни, приляг..."
Нет, ты отыка и прогулок враг.

То бормочешь ты, позабыв досуг,
То закаркаешь, как ворона, вдруг...,

Вот пришла весна, принесла цветы —
Неужель отца не утешишь ты?

Ты б, как сверстники, встретил эти дни —
На лугах теперь и в садах они.

Те гулять пошли на простор холмов,
С гордым соколом затевают лов;

Эти пить, кутить собрались тайком —
Кто в занятие их упрекнет таком?

Этот картами увлечен герой,
Тот любовною занялся игрой —

Каждый в чем-нибудь или как-нибудь
Сметкой, смелостью норовит блеснуть.

Силу в обществе укрепив свою,
Каждый радует, веселит семью...

Благо вам, отцы, коль таких детей
Вы для радости обрели своей!

15 июля 1907

* * *

Притворяясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не хигри, не виляй, как лисичка, смешной экинчи!

Что ни день, с извинениями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы ты ни днем, ни в ночи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!

Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!

Что тяжелым был год у крестьян — я совсем ни при чем!
Что взошел вместо хлеба бурьян — я совсем ни при чем!
Что погибли чалтык и баштан — я совсем ни при чем!
Виноват же не я, а какой-то там зной, экинчи!
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!

Всё твое достоянье попало под град — мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят. — мне-то что?
Одеяло свое отдаешь ты в заклад — мне-то что?
Вот продашь ты — палас, разжившись казной, экинчи!
Брось болтать, не хами и не очень-то ной, экинчи!

Что работал ты много, но нечего есть — не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к черту иди!
Нет пшеницы? Достань хоть из глаз! Мне плевать на
дожди!

Добывай мне пшеницу любою ценой, экинчи!
А не то разочтешься своею спиной, экинчи!

Не имеешь — так что же? Тебя я убью, но возьму!
Вырву к черту глаза и печеньку твою, но возьму!
Плетью голое твое обовью, но возьму!
Потолкую о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай и не очень-то ной, экинчи!

Эй! Из проса чурек ты, устав от работы, глотай!
Жаждешь? Лед растопи и без всякой заботы глотай!
Выпив яду змеи, и змею заодно ты глотай!
Не имеешь ты к мясу привычки дурной, экинчи!
Как животное, жил и живешь ты, дрянной экинчи!

Человеческий облик лишь мне по достоинству да! Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян!
За обедом я пьян, и за ужином тоже я пьян!
Таково положенье мое под луной, экинчи!
Я ведь бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!

* * *

Благодарение творцу за то, что "Дебистан" закрыли!
Рванул осенний ураган, сад эшаний — полистан закрыли!

Побил в садах деревья град, посевы на полях поникли,
Арбузы на корню гниют. Где им расти? — Баштан закрыли!

"Бурхани-таралты" зачах, не расцветет "Ульфет" отныне,
Погиб в сраженье "Хемийнат", "Иршад" на откуп дан —
закрыли!

Устал "Рахбар" руководить, и "Текамоль" замолк навеки,
Могучий лев повержен в прах — поэзии диван закрыли!

С врагом забитых мусульман мы вышли на майдан сразиться,
Победой схватку завершив, Рустама мы дастан закрыли!

Пусть мрут от голода, пускай ревут в отчизне наши дети,
Дорогу молока к сосцам сто сотен жгучих ран закрыли!

Пусть расцветают, как цветы, в сердцах невежество и косность.
Разрушен просвещенья храм — аллах, прогресса стан закрыли!..

29 июня 1907

* * *

Благо, власти запретили съезд, затеянный в Гяндже.
Жили мы себе спокойно, без хлопот, учителя!

Хоть не вышло у "Ниджата" поначалу ни черта,
Не унялись, не утихли — вот народ учителя!

Обивая все пороги, вновь добились своего.
Разрешили городить вам огород, учителя!

И теперь в Баку решили это сборище созвать.
Приглашения пустили в оборот учителя!

Не дадут пожить на свете и вкусить земных утех.
Вот пристали!.. Отойдите от ворот, учителя!

Что за польза, я не знаю, от такой галиматы, —
Стало быть, терпеть такое каждый год, учителя?!

Знаем эти начинанья — задарма, за счет чужой...
Нету денег?.. Этот номер не пройдет, учителя!

Выворачивай карманы... Ничего себе дела!
Вместо прибыли — убыток и расход, учителя!

Кто в своем уме, на эту удочку не клонет тот.
Кто поступится мошною — сумасброд, учителя!

Получается в итоге — раскошелливайся, друг,
Чтоб учился, просвещался твой народ, учителя?!

Если плачешь о народе, то останешься слепым, —
Пусть пословица на пользу вам пойдет, учителя!

Ведь еще в году минувшем притащились мы на съезд.
Болтовни-то было сколько в прошлый год, учителя?!

Про суннитов и шиитов толковали без конца:
Мол, в единстве наша вера и оплот, учителя!

Мало женских, мол, гимназий, и училищ нет у нас.
Что еще на ум, скажите, вам взбредет, учителя?!

Кто же внял таким советам, ахинеев вашей внял?
И какой себе спискали вы почет, учителя?

Удалась затея ваша? Ну, признайтесь, удалась?
Постыдились? Иль ничто вас не проймет, учителя?

Или мните, что у ближних нет заступников своих?
Распустились, всяким бредням дали ход, учителя!

Коль радетели такие у народа вроде вас,
Провались к чертям радетель и народ, учителя!

В дополненье откровенно честь имею заявить:
С вами мне не по дороге, так-то вот, учителя!

У меня одна забота — отмахнуться от забот,
Проводить в разгуле ночи напролет, учителя!

"Змий в сосуде, чаша — в дланях, в голове — тяжелый
хмель", —

Этот стих куда милее ваших мод, учителя!

12 августа 1907

МНЕ СТОЯТЬ

Когда любимая уйдет, с тоской во взоре мне стоять.
В душе желанья сохранив, всю жизнь в позоре мне стоять.

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом море мне стоять.

Укоры волнами идут, но чели упорства моего
Стонят на прежнем: так всегда при злом укоре мне стоять!

Каких ударов ни обрушишь на грудь Бистуна молоток —
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне стоять!

Родная, если жизнЬ равна цене веленья твоего,
То жизнЬ я с радостью отдам: на — уговоре мне стоять.

Беда ли, если некий час меня предаст небытию, —
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне стоять.

Как в слове "этана" с боков элифы стражами стоят,
Сабиром, окруженным злом, в земном просторе мне стоять!

16 августа 1907

ВОСХВАЛЕНИЕ

Мы, плениники веков, живем в цепях судьбы.
Но не бродяг мы, не пищие рабы.
Не только мудрецу, известно и невежде,
Что, честь блюда свою, живем, как жили прежде.

Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Привыкнув жить во тьме и лени с детских лет,
Мы — вечные отцы раздоров, распрай, бед.

Взимая с ближних дань, мы смотрим воровато:
Нельзя ли их лишить последнего халата?

Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Едва почил в земле великий Мелик-шах,
Мы тут же стали жить друг с другом на ножах.
И так нам удалось в борьбе себя ослабить,
Что враг взошел на трон и край наш начал грабить.
Как видишь, честь свою несем мы сквозь века!
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Чингиз нам, как глава, был нужен позарез.
Мы с конницей его не зря пришли в Хорезм.
Бежал хорезмский шах. А мы, резвясь как черти,
Дома и школы жгли и рушили мечети.
Повсюду нам почет. Запомнят нас века!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

К нам крестоносцы шли. И зазвенел булат.
Всех рыцарей побив, вернулись мы назад.
Но друг на друга тут рванулись наши кони.
И стали мы сады свои рубить под корень.
Трудились мы, пока держала меч рука.
Мы — шоры на глазах народа-простака.

Чернобараниыми считали мы себя,
Белобараниими считали мы себя.
То в Анатолии, а то в Азербайджане,
Как долг и честь велят, друг друга поражали.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака.

Потом пришел раскол. Делились пополам:
Тех принял хан Ильдрим, а этих — Тамерлан.
Потом и стон и крик стоял над Анкарой —
Там кровь пускали мы и исходили кровью;

Стрелки мы и мицень для доброго стрелка.
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Во славе — Тамерлан! Во прахе — Тохтамыш.
В Кызыл-Орде людей мы сбрасывали с крыши.
Но вот Кызыл-Орда, распавшись, опустела.
Тогда московский царь пустил дружины в дело.
И что же? Власть его для нас была сладка.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Султан Селим иль шах великий Исмаил,
Не помню, первым кто ислам наш раздвоил?
Но раздвоили нас: одни пошли в сунниты,
Другие — то-то грех! — немедленно — в шииты.
Тех и других судьба, увы, с тех пор горька,
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Недуг тот шах Надир поклялся излечить.
И, прежде чем в земле достойно опочить,
Войной решил пресечь он эти две болезни.
Где сыщешь средство ты разумней и полезней?
Но мы, его убив, за-были старика.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Вот зрелище опять! Какая, право, новь!
Из-за куска земли мы перегрызлись вновь.
И, воскресив слова "иранство" и "османство",
Мы вновь ведем войну и вновь чиним тиранство.
Мы подняли клинок и гибнем от клинка.
Мы — шоры на глазах народа-простака.

26 августа 1907

БОЮСЬ!

Когда я брожу по степям, по лесам,
Колючий топтать бурелом — не боюсь!

И если брожу среди знойных пустынь,
С диковинным встречусь зверем — не боюсь!
На море, когда на мой утлый челнок
Обрушатся буря и гром, — не боюсь!

Вопящую вижу толпу дикарей,
На встречу иду напролом — не боюсь!

На темную гору паду, словно луч,
Вулкана, что дышит огнем, — не боюсь!

В ущелье войду, словно легкая тень,
Увижу змею — что мне в том? — не боюсь!

А в заросли спрячусь, уйду в камыши,
Там встретиться с яростным львом — не боюсь!

На кладбище, если встают из могил
Вампиры во мраке ночном, — не боюсь!

В развалинах бесы и духи подчас
Кружатся, как мошки, столбом, — не боюсь!

Немало загадочных, странных людей
Встречаю в скитанье своем — не боюсь!

Короче, всего, что случается мне
Увидеть на шаре земном, — не боюсь!

Но — каюсь! — что вместе с бесстрашьем таким,
Как только — аллахом клянусь я святым! —
Войдет мусульманин в мой дом — я боюсь!
Мне страшно дышать между лживых, дурных!

Я вижу кровавые замыслы их,
Жить рядом с коварством, со злом — я боюсь,
Боюсь, боюсь, боюсь!

2 сентября 1907

* * *

На плов я в домах набредаю подчас и на мясо,
Бросаюсь — еда хороша даровая! — на мясо!

Хочу, чтобы люди всегда для меня не скучились
На вкусные яства и — так я мечтаю! — на мясо!

Подобно коту, что блудливо гуляет по крышам,
С урчаньем кидаюсь на дым шашлыка я, на мясо!

Завижу ли жирное мясо, висящее в лавке,
Как пес я ощерюсь и чуть ли не лаю на мясо.
Но слаше всего оно там, где голодные дети
Глядят со слезами, когда я глотаю, на мясо.
Родись я крылатым стервятником, я бы садился
Туда, где валяется падаль гнилая, на мясо!
Иные безумцы под праздник все деньги растратят
На масло, на зелень, — щедрость смешная! —
на мясо!

Ведь мясо вкуснее, когда оно даромдается,
Брать в лавке накладно, — цена дорогая на мясо!

Народ мне противен! Едва бедняка я увижу,
Похож становлюсь я, от злобы пылая, на мясо.

О, дивные деньги, в них скрыта души моей сила,
Зачем расточать их, родне отдавая на мясо!

Аллаха и веру продам, но — Бахлул, будь
покоен! —

Гроша беднякам не-отдам никогда я на мясо!

13 сентября 1907

* * *

К тайне жизни ключа я найти не могу,
Жить без разума в трудном пути не могу,

Вот теленок — и тот вырастает в быка,
Только я почему-то расти не могу.

Говорят: "Помолчи, постыдись говорить!"
Значит, правду держать взаперти? Не могу!

Если видят глаза и работает ум,
Солнцу в небе сказать: "Не свети!" — не могу.

Ливень хлещет меня, я ж, бездомный бедняк,
И укрыться, хоть ломиг в кости, не могу.

Говорят: "Надое! Не мели чепух!"
Я ж печали своей извести не могу.

Говорят: "Непоседа!" Но я ж, не трудясь,
Раздобыть и конек пяти не могу.

Говорят: "Бестолковый! Избавься! Умри!"
Правда, братец ты мой! Как я в мире ни бьюсь,
Но последней тропы обойти не могу!

13 сентября 1907

* * *

Не несись ты вскачь, Молла! Эй, с арены прочь, Молла!
Мусульман огнем сатир больше не порочь, Молла!
Ох, до адского огня очень ты охоч, Молла!
Сам себя же ты извел, как глупец точь-в-точь, Молла!
Ты немысливших ослов баснями морочь, Молла!
Мы же знаем толк во всем! Нам уже невмочь, Молла!

Ну-ка, прямо говори, что пристал ты к нам, как бес?
Мы ж ни благости твоей не видали, ни чудес!
Стал картинки рисовать — в обществе теряешь вес,
С малеванием своим в непрятность только влез.
Видно, скоро ты творца отрицать начнешь, Молла!
Правду про загробный мир заклеймишь, как ложь, Молла!

Ты ученый человек, мусульманин, ты бы сам
Стал каноны толковать, укрепляя тем ислам.
Заново перескажи "Сорок попугаев" нам,
А про совесть рассуждать перестань, не будь упрям:
Ну, к чему свобода ей? Вера ты упрочь, Молла!
Про гылманов, гурд нам пой и день и ночь, Молла!

О действиях святых нам поведай и о том,
Как нам ближнего раздеть, завладев его добром.
Вспомним о святых отцах, их посланья перечтем,
Пусть враги болтают нам что угодно о былом!
Ты постельку постели, ляг, свой пыл умерь, Молла!
Муж науки, что тебе делать-то теперь, Молла!

Ты в мечети возвещай небылицы — ждем давно!
И амбары наполняй ты пшеницей! Пей вино!
На народ иакинь узду, одурачивай умно!
Женщину раскrepоштать? Да тебе не все ль равно?
Сын Адама — человек, а совсем не дочь, Молла!
Дочь — животное, и ей плеть должна помочь, Молла!

Мучтендом лучше стань, навербуй себе друзей
И, в невежду превратясь, темноту повсюду сей!
Ты оставь сеидов, молл, с плутнями, с их сутью всей?
Не болтай об их грешках! Есть ли прок в беседе сей?
Ты смотри: они в чалмах, им почет великий, Молла!
Чтоб ислама не задеть, прикуси язык, Молла!

Связь меж богом и дождем, еретик, ты отрицаешь.
Истины о том, что мир держит бык, ты отрицаешь.
Что над нами — семь небес, направник ты отрицаешь.
Джиннов, бесов, ведьм, чертей — злой язык — ты
отрицаешь!

Слишком много ты познал, заблудился ты, Молла!
Богохульством не черни белые листы, Молла!

Обмотайся кушаком, четки где-нибудь добудь
И, рассказывая сны, истолковывай их суть.
Для чего тебе Иран выводить на новый путь?
Ты картинок не рисуй, дай от мерзких отдохнуть!
Для чего ты про Иран столько лжи наплеч, Молла!
Будто разорен совсем он руками молл, Молла!

География твоя нам нисколько не нужна.
И без всяких теорем жизнь загадками полна.
Геология! Смотри: лезет внутрь земли она!
Чем науки изучать, изучи Коран сполна!
О грехах умей судить, о спасенье душ, Молла!
Нам обряды важнее знать, а наука — чушь, Молла!

Лучше опиум кури, а войну и мир не тронь.
Ты на бога положись, а искусство брось в огонь!
На пожитки сироты набредешь — не проворонь!
Накурись — да на ковер, да под голову ладонь!
О торговле рассуждать начал ты опять, Молла,
Суевериями нам любо торговать, Молла!

Что вонишь ты, если вдруг крошку замуж отдают,
Если засуха была и не в меру голод лют,
Если что ни день гаджи новых жен себе берут,
Если не хотим сорвать мы с души отсталой путь?

Ты обычаев не троны, грех большой весьма, Молла!
Эх, бедняга, ты погиб, сиятил ты с ума, Молла!

Что? Не спится? И не спи! Сон со временем придет!
Но забудь, не трогай молл, не буди простой народ!
Ханов, беков не терзай! Пусть старинкой люд живет!
Пусть котел кипит себе, не бросай в него ты лед!

Мало пользы от наук чрево извлечет, Молла, —
Чрево ханов, беков, молл и других господ, Молла!

17 сентября 1907

ОДИН ОТВЕТ НА ДВА ВОПРОСА

Ты молод, не куражься, брат, не зазнавайся, черт возьми!
Не гогочи, как мальчуган из невоспитанной семьи!
Лицо твое еще в пуху, так не трещи ты, не греми!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Когда в делах порядка нет, дано ли им свершиться в срок?
Возможно ль полднико наступить, пока не заалел восток?
И приведет ли к нам весну один раскрывшийся цветок?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Казнили Атабека вы — не отрицаю я ничуть!
Но их ведь тысячи еще — или не так я понял суть?
Ворота новые у вас? О нет, меня не обмануту!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, сгинул Атабек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки, я спрошу? И где военный флот у вас?
Вы в банию старую пошли — а к новой путь ведет у вас?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Национальное, скажи, правительство дано ли вам?
Пришло ли стать короче им -напахам длинным и рукам?
Страной прошел ли паровоз, распространяя шум и гам?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

По Тегерану поброди, в его лечебницы сходи:
Как лечит хан Абульгасан, увидишь с трепетом в груди.
Как распрай отравил народ сановник этот — погляди!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Другие страны назову — читателя тоска возьмет,
И длинной речью утомлю — хоть прикрывай ладонью рот!
Вот почему сейчас мой стих короткий разговор ведет:
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Ручьи не понеслись пока!
Власть, даже цвета не сменив,
Свой нос задрала ввысь пока!
октября 1907

ВОПРОС — ОТВЕТ

- Не смей глядеть!
- Не смею, не гляжу.
- Молчи!
- Молчу, ни слова не скажу.
- Не слушай!
- Что ж, попробую и так.
- Не смейся!
- Смех могу зажать в кулак.
- Не думай!
- Стои! Вот тут уж дулки! Нет!
На мысль, прости, не выдуман запрет!
Коль я живу в бушующем огне,
Я вместе с ним пылаю наравне.
Спокойно тлеть немыслимо в пути,
И ты со мной так глупо не шути!

26 октября 1907

ПОСЛЕ ГОЛОДА – НЕ ЕДА, А БОЛТОВНЯ, ИЛИ ЛИСТОК ИЗ ЖУРНАЛЬНОГО ДРЕВА

Вот с подноса сняли ткань
Небывалой красоты.
Глянь! Расставлены на нем
Яства, будто бы цветы.
За столом обжор не счесть.
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шербет,
Сахар усаждаст рты.
Плов, белея как чалма,
Так и дразнит животы.
Предвкушенье этих яств
Сладостно до тошноты.
Посмотри: среди гостей —
Никого из нищеты.
Время ужина пришло, —
Проповедник, где же ты?
Без дельца делам не быть!
Без тебя пирам не быть!

Что ж, пора! Твой аппетит
Разыграться должен, рьяный,
Для постящихся людей
Наступает миг желанный:
Скатерть — в блюдах! Над столом
Пар встает благоуханный.
Эти яства, помолясь,
Вкусит знатный,кусит званый.
Здесь, куда ни поглядишь, —
Духовенство, беки, ханы!
Души жалких бедняков
Запах блюд изводит пряный.
Сердце ж знатных веселят
Эти жирные баары.
Потерпи, бедняк, пускай
В сердце муки, в сердце раны!
Без нужды рабам не быть!
Без тебя — скорбям не быть!

Наблюдая старый мир,
Вижу старые явленья:
У недужного — недуг,
У богатого — именья,
У голодного — мечты,
У купца — обогащенье.
С кровью сердца слезы лью
От обид и возмущенья.
Смогут ли мои глаза
Эти вынести мученья,
Если в сердце у меня
Не удвоится горенье,
И стихи не станут жечь
Грудь мою до исступленья,
И не станет подражать
Вешним птицам вдохновенье?

Нет, без слов певцам не быть,
Без певца — стихам не быть!

Так отдана печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Час настал, чтоб всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой живой
В их глазах оставил след.
От богатых благ не жди,
Если ты разут, раздет.
У бездушных богачей
Уваженья к просыбам нет.
Лей ручи кровавых слез,
Ты, поблекший с давних лет!
Без несчастий нам не быть!
Без тебя — слезам не быть!

11 ноября 1907

БОЖЕ, СЛАВА ТЕБЕ!

За твоих бессердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края карман, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горе народа всего,
Но почет получивших и сан, боже, слава тебе!

За покой мясорубок живых, тех, что знают одно:
Лишь бы был пожирнее баран, — боже, слава тебе!

За людей, утонувших в крови столько братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!

О, за кровь, что по воле твоей затопила Баку,
За страданий и слез океан, боже, слава тебе!

За рычащих твоих дикарей, за твоих кровопийц,
В чьих глазах лишь кровавый туман, боже, слава тебе!

За шакалов твоих городских, — их в пустыню б запнать! —
За кишащий зверями майдан, боже, слава тебе!

За честнейших людей, что всерьез помогают лжецам
Замышлять сверх обмана обман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье,
За бесчестных таких мусульман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно глядят на такие дела, —
Их же совесть не тронул шайтан, — боже, слава тебе!

Вопрошая, всевышний, тебя: как не сжег ты земли? —
Говорю я, от радости пьяни: боже, слава тебе!

Не решить мне загадки, лежащей скалой на груди!
Это только начало пути, жизнь еще впереди!

ПИСЬМО

Эй, Молдай, не злись! Что проку в том?
Не стой ты так упрямо на своем!

К чему нам что ни день, то новый лад?
К чему считать полезным школы яд?
Что толки о культуре нам суют?
Что с просвещением мы приобретем?

Мне ль за тобой, изменником, идти?
Я не сойду с отцовского пути!
Детей на муку в школу отвести?
Иди один неправедным путем!

Нет, ничего ты не втолкуешь мне,
Я не сгорю в науках, как в огне!
Ведь раскусил я твой обман вполне:
Что б ты ни сплел, мы тотчас расплетем!

Я — крепость! Я... я — старины скала!
Вселенную готов я скжечь дотла!
Кальян и опий — все мои дела!
Так я живу, так буду жить потом!

Не суй в глаза мне нацию мою!
Что мне ее свобода? Прочь! Прибыю!
Не будь отравой моему житью!
Давай мы речь об этом обойдем!

Душа моя рублем, рублем живет!
Пусть гибнет мир, а мне б — извлечь доход!
Что родина мне, право, что народ?
Гори они — я свой спасу лишь дом!

Противно мне смотреть на бедняков!
Их замечать? О нет, я не таков!
Для услаждения своих зрачков
Мы лучше горы золота найдем!

В ШКОЛУ

Цветик мой, моя весна,
Хватит, хватит спать, сынок!
В школу, умник мой, пора:
Ты оставь кровать, сынок!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Утро встало уж давно,
В доме больше не темно,
Солнышко глядит в окно —
Светит мальчику оно!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

У того, кто долго спит,
Голова, сынок, болит,
Долго спать велит нам лень,
Труд быстрей вставать велит.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Слушай, слушай мой наказ:
Без науки — как без глаз!
Не ленись, учись, родной:
Темнота — беда для нас!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

В школе слава, в школе честь,
В мудрой школе радость есть.
Шлет скрипучее перо
Нам о чудной сказке весть.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Эй, сынок, довольно спать.
Научись читать, писать!

Книга — первый друг тебе,
А второй твой друг — тетрадь!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Ты учителя щени,
Все слова его храни.
Пусть продлятся на года
Твоего ученья дни!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Поучись, экзамен сдай,
Удиви родимый край.
Чти науку, мой сынок,
Ради знаний жизнЬ отдав!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

1907

МАЛЬЧИК И ЛЕД

В школу мальчуган идет.
Вот он храбро стал на лед.

Шаг — и вмиг попал в беду:
Он лежит ничком на льду!

Встал, и что же сделал он?
Так вскричал он, раздражен:

"Ах ты, лед! Какой ты злой!
Человека — с ног долой!

Вот постой! Придет весна —
И тебе задаст она!

Станешь ты водою, лед,
Воду в море унесет".

1907

ДНИ ВЕСНЫ

Мчитесь, мчитесь, дни весны о
Хороши, теплы, ясны!

Снег, растай в горах скорей,
Растопись в садах скорей!

Зашуми, ручей, рекой!
Выэрей, колос, вот такой!

Сад, цвети высок, ветвист.
Стань с косынку каждый лист!

1907

НА ЧТО ТЕБЕ, АЛЛАХ?

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Сердца холодные как лед на что тебе, аллах?

Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней
человек, —

Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, аллах?

Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Влачить позор из года в год на что тебе, аллах?

Когда из горьких слез людских сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?

Зачем на тихие луга оленей выгонять,
Когда охотник их убьет, — на что тебе, аллах?

Когда от пашен и садов доход имеет бек,
Зерно взлелеявший народ на что тебе, аллах?

Труд — батрака, ярмо — быка, земля кругом — твоя, —
Лентяя бека жадный рот на что тебе, аллах?

Когда владычigt вечный мрак над скорбною землей,
Тот, кто страдальцам свет несет, на что тебе, аллах?

Гнев долгополых мусульман, что людям в сюртуках
Наслах бы тысячи невзгод, на что тебе, аллах?

И если им такая власть, хулиителям, дана,
То честных тружеников пот на что тебе, аллах?

Когда доносчики вершат свои дела хитро,
Шайтан, ленивый сумасброд — на что тебе, аллах?

Когда мужчина не к жене, а к мальчику идет,
Жена, что дома слезы льет, на что тебе, аллах?

Когда купец, пустив слону, за Сонеку спешит,
То Тукезбан в плену забот на что тебе, аллах?

Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

6 января 1908

ВОПРОС — ОТВЕТ

— Как город ваш? Растет? Мужает? Полон сил?
— Он тот же, видит бог, каким при Ноe был.

— Пришлось ли для детей построить школу вам?
— Немало медресе построил сам Адам!

— Газеты есть у вас? Читают люди их?
— Читают дураки. Но я не из таких!

— Открыта ли у вас читальня в парке днем?
— Открыта, но она давно стоит вверх дном!

— Приэрел ли кто у вас отверженных людей?
— Аллах поможет им. Ему с небес видней!

- Несчастным вдовам вы нашли к надежде путь?
- Выходят замуж пусть повторно как-нибудь!
- Ведут ли речь у вас о дружбе до конца?
- Ведут, но больше так... для красного словца,
- Шинт к сунниту злость копить в душе отвык?
- Что ты сказал?! Смотри... Я вырву твой язык!
- Вопросов больше нет. Я всё узнать успел.
- И черт с тобой, иди! Мотай, покуда цел!

Взглядите на него, на этот жалкий вид!
Как шапку носит он! Как глупо говорит!

13 января 1908

ЭЛЕГИЯ

Ты улетел, о щедрый чудодей!
Ты улетел, в душе танвший клады.
Зачем умолк ты, старый соловей?
Или в саду ты не нашел отрады?

О, истинный подвижник и творец
Чертога знанья в сумраке сердец!
Толпа ль невежд ускорила конец,
И ты не вынес тягостной осады?

Ты сеял правды чистой семена,
Тебе воздали близкнис сполна,
Испил ты чашу горестей до дна.
Дождался ли подмоги и награды?

Окончил Пахарь тяжкие труды.
При жизни всходов не увидел ты,
Иль эти похоронные цветы —
Твой урожай, скопой и небогатый?

Ужель для достославных сыновей,
Служивших верно нации своей,

Любви не вознесется мавзолей,
Хранищий свет блестательной плеяды?

Теперь в раю избавившись от бед,
Сеид-Азиму мой скажи привет.
Забудет ли о родине поэт,
Неведеньем небытия объятый?

Ширван, знававший славу и успех,
Теперь — берлога дрыхиущих калек.
Кого винить — наш просвещенный век?
Не сами ли мы в этом виноваты?

19 января 1908

ЧОХ

Стонят нам мозгами чуть пошевелить,
Как назло науке слышится "апчхи".
Брось дела! Примета подождать велит.
Опускаем руки — слышится "апчхи".

Закатаем дружно снова рукава,
На раскачку тратим годик или два.
Капитал вложить бы, думаем, сперва,
Но по всей округе слышится "апчхи"!

По всему Кавказу чох идет — беги!
За носы хватайся, доставай платки.
В Кахе и Казахе, в Шемахе, Шеки
Мир честной в испуге — слышится "апчхи"!

Этот чох не знает удержу уже.
Носится по свету в диком кураже.
Кто чихнет в Сальянах, кто чихнет в Гяндже,
Извелись от муки — слышится "апчхи"!

Что такое, боже, расчихались все!
Кто сперва, кто позже — расчихались все!
Не к добру, похоже, расчихались все!
Заглушив все звуки, слышится "апчхи"!

Никаких приличий чох не признает!
Никого — хороши ли, плох — не признает!
Лавка ли, мечеть ли — ох! — не признает!
В храме и лачуге слышится "апчхи"!

20 января 1908

ФИСИНДЖАН

Когда раздавлен ты судьбой, не думай: мир на слом идет.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идет.

Где бесталанный, где талант, теперь у нас не разберешь.
Просеяв, зерна соберем, пусть пыль за ветерком идет.
Волненье времени сравнить я с маслобойкою могу,
В которой пахтанье на дно, а масло вверх комком идет.

Кто любит человека, тот влюблен в свободу, верен ей.
Да, человечность вместе с ней всегда одним путем идет!

Ты просвещенным не тверди: "Вы на ошибочном пути".
Здесь о невежестве твоем, здесь речь о нем одном идет.

О просвещенных говоришь и об "ошибке" их твердишь:
Противоречие с твоим невежеством рядом идет!

Иль, может, просвещенья луч тебя, сверкая, ослепил?
Летучей мыши ты сродни — вот разговор о чем идет!

Уими пустое хвастовство: "Смотрите, мол, какие мы!"
Мы тех признаем, кто вперед, не прячась, прямиком идет.

Лиши краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисинджан, где ночью пир и днем идет.

27 января 1908

* * *

Не верю я, что речь твоя чиста, честна, святой отец!
Коль прав ты, пусть меня возьмет сам сатана, святой отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить скованный народ,
Как нож в ладони у кочи, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернишь по образу своей души,
Не перекрасишь душу ты — она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взимал,
Отвергнул бы свои труды ты все сполна, святой отец!

Не суй в глаза мне свой намаз, себя в работе покажи!
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

3 февраля 1908

НАМ ЧТО?

Если бедствия пришли раздавить народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Голодают, но богатств мы не завещали им:
Мол, идите — всё добро, не жалея, раздадим!
Есть у нас один закон: верность выгодам своим!
Наша роскошь перейдет к нашим детям, к ним одним.
Если бешеный буран погубил сирот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Все, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред!
Чтобы лопал это всё зангеузурский дармоежд?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Сядь, бельмо, им на глаза, чтобы им не видеть бед!
День и ночь голодный вой, посиневший рот — нам что?!
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Насреддин, оставь! Забудь! Все твои призывы — прах!
Нас на это не возьмешь! Сам сиди в своих сетях!
Нам глядеть на Зангеузур? Видеть в каждом доме страх?
Пусть в могилу лягут те, что замерзли там, в горах!
Не равину дал им бог, а гряду высот — нам что?

Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?
Не показывай нам, друг, то пристанище беды!
Летом мы гуляли там, на горах — цветы, плоды.
Но, поборы завершив, мы оставили сады.

На зиму — в Тифлис гулять: пить и петь на все лады,
Рвут бураны Зангезур, смерть ведет обход — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Мы оставили пока разоренные дома, —
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Лиз — прелестью сведут с ума.
У красоток — листры, блеск, а к Зале заглянешь — тьма!

Если эта тьма навек обняла народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

24 февраля 1908

* * *

Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя.
Слезою каждый твой сухарь омыт, мое дитя.
Не перечислить всех твоих обид, мое дитя.
Ты просишь есть, но зря твой крик звучит, мое дитя!

Когда бы человека вдруг в тебе народ нашел,
Он понастроил бы тебе национальных школ.
Увы, до этого еще народ наш не дошел —
И честь раздавлена твоя ордою всяких зол,
Глубоко в землю твой талант зарыт, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока!
Не повелось у мусульман беречь твои бока.
Нет, наши беки жрут и пьют, валяют дурака,
Грызутся из-за теплых мест и жирного куска.
Их не жемчужина, а грязь манит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит.
Пускай за это не тебя, а нацию винят.
Когда бы родиной ты был воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навзрыд?
Всё тело в шрамах у тебя, болит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел.
О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел.

Твой каждый шаг тебя на дно стремит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навсегда, мое дитя!

О нация, позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспречной быть, когда кругом стоит такая тьма!
Дитя мое! Пускай хрюпят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума.
Тебя унизили, а я забыл, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навсегда, мое дитя!

9 марта 1908

АЙ, ХВАЛА, ХВАЛА ТЕБЕ!

Вот как в мире ты живешь! Аи, хвала, хвала тебе!
Что ни слово — ересь, ложь! Аи, хвала, хвала тебе!

Значит, правда, что поэт с верой не в ладу давно
Что умение писать лишь безбожникам дано!
Всё их дело — отрицать, веселиться, пить вино.
Снова с книгой ты бредешь? Аи, хвала, хвала тебе!

Непохожий на людей, ну-ка — к зеркалу лицом!
Хлюю бороду намажь, будь заправским молодцом!
Ты благочестивым стань, палец свой укрась кольцом,
Чтоб сказали все: "Хорош!" Аи, хвала, хвала тебе!

Нет, несчастный, ты себя до могилы не поймешь!
Твой противный круглый глаз с молоканским, право, схож.
Чуть услышу речь твою — уж меня бросает в дрожь.
Ты теперь ко мне не вхож. Аи, хвала, хвала тебе!

Ты на истину взгляни ну хотя б одним глазком!
Вай! Портретами чертей ты зачем украсил дом?
Неужель тебе глаза не мозолит день за днем
Вид безбожных этих рож?.. Аи, хвала, хвала тебе!

Обезумев, ты забыл все дела для суеты.
С новым платьем приобрел даже новые черты.
Любишь блеск штиблет, галош! Это ты или не ты?
Ты в грехах великих сплошь!.. Аи, хвала, хвала тебе!
Боль мою в себе умножь! Аи, хвала, хвала тебе!

16 марта 1908

ПУСТЬ НЕ БУДЕТ

Отец

Сынок, на улице играй, будь равнодушен ко всему,
И никакого ремесла пусть у тебя не будет.
Сторонкой школу обходи, охоты к чтению, к письму
И к изучению числа пусть у тебя не будет.

Сын

Отец, работы не ищи, избави боже, не трудись,
На это времени, отец, пусть у тебя не будет.
Ты лучше каждый день женись и ежедневно разводись,
И чувства чести никогда пусть у тебя не будет.

Отец

Настанет ночь — из дому прочь,
По кабакам броди всю ночь,
Там имя доброе порочь.
Как совести, так и стыда пусть у тебя не будет,
И самолюбья никогда пусть у тебя не будет.

Сын

Настанет ночь — обмажься хной
И в ряд всех жен своих построй.
Когда же ляжешь ты с одной,
Того, чем женщинам ты мил, пусть у тебя не будет.
Ни настроения, ни сил пусть у тебя не будет.

Отец

Пусть по утрам встает заря,
А ты не поднимайся зря,
Лежи. Короче говоря.
Ни жажды знания, сынок, пусть у тебя не будет,
Ни прилежания, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын

Пусть по утрам заря встает,
Ты в жаркой бане парь живот,
А если вдруг болезнь придет,
Здоровья, что истратил ты, пусть у тебя не будет,
А заодно и красоты пусть у тебя не будет.

Отец

Когда ты день и ночь подряд
Без дела бродишь наутад
И люди все тебя стыдят,
К ним уважения, сынок, пусть у тебя не будет,
В душе смущения, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын

Когда выходишь ты во двор
И с девушкой через забор
Ведешь игривый разговор,
Красавица болтать с тобой пусть никогда не будет,
Твою верною женой пусть никогда не будет,
Играть твою бородой пусть никогда не будет.
Удачи в жизни никакой пусть у тебя не будет.

23 марта 1908

* * *

Если тем, кто заодно с темнотой,
Не угодно этот сон прекратить,
То сумеет ли народ наш простой,
Где аллах и где пророк, различить?
Светоч школы ведь затем и возник,

Чтоб цветок ума расцвел без шипов.
О, спешащий на заре в тот цветник, —
У твоих святых надежд нет основ!
Спи в невежестве, смирись, дорогой!

Как для спящего заря ни свети,
С черным белое слилось у него, —
Так больному, что лежит в забытьи,
Ввек, недуга не понять своего.
Лишиш цирюльники его излечить,
Всяк по-своему, мудрят вновь и вновь.
Нет, в сознанье ни к чему приходить,
Если даже потерял ты всю кровь!
С боку на бок не вертись, дорогой!

Слов "безбожник" и "гяур" не мечтай
Из родного языка ты изгнать;
Если жив Мирза-Ганбар, так и знай:
Всем проклятьям в словаре пребывать!
Не поймет он, что простой наш народ
В братстве с братьями всегда жить готов.
Неужель тот ясный час не придет,
Час, когда исчезнет звук этих слов?
Зная это, не очинись, дорогой!

30 марта 1908

СОВЕТ

Пусть будет боль твоя моей, эй, Мешади-Сижимкули!
Не думай ты, что в шестьдесят часы последние пришли:
Хвала аллаху, ты силен, еще не гнешься до земли!
Так не хватайся, не держись ты за презренные рубли!
Возьми товарец, он в цене, ты не скучись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Я с удивлением узнаю, что у тебя одна жена,
И потому-то жизнь твоя однообразна и скверна.
Жениться мог бы ты еще, не так уж плохи времена.
Тебе хотя бы три жены, а у тебя всего одна!

В соседстве нет? На стороне ты приглядись.
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Такого свата, как Сафдар, на целом свете не найти!
Ко всем красавицам, поверь, ему открыты все пути.
Ты в жены девочку возьми годочеков эдак десяти,
Теперь высокий рост у нас и мраморная грудь в чести.
К такой груди прильни во сне и насладись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Оставь же старую жену, подальше от нее уйди!
Все неудачи вместе с ней должны остьаться позади.
Ах, чернокудрую себе подругу жизни заведи,
Подругу с ангельским лицом спеши прижать к своей груди!
Героем будь в своей стране, расшевелись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Так мал, неопытен твой сын, что не способен понимать,
И лет исполнилось ему, я слышал, только двадцать пять,
И сладость очень многих дел ему еще не разобраты!
Зачем подобному жена? К чишу такая благодать?
Тебе жена нужна вдвое, прибодрись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей "женись!"

О, заклинаю я тебя, ты слышишь, верою твоей!
Ты хною бороду покрась, ходи ровнее, будь бодрой!
Благоуханьем юных жен себя ты окружи скорей!
Не трать добра на пустяки, на безделушки наших дней:
Газеты пусть сгорят в огне, не соблазнись!
Твой, грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Подумай, кто установил — иметь жену всего одну:
Еврей да русский. Да, да, да, уж я тебя не обману!
А правоверный что ни год заводит новую жену.
От наслажденья ты умрешь, лишь я перечислять начну!
Не хочешь? Будущей жене божись, клянись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

ШИРВАН

Швырнешь ли, Насреддин, в корзину мое посланье, — не беда!
Случайно ль, с умыслом забыли все о Ширване, — не беда!

Я не беспомощен, сумею свой город описать в стихах.
Коль бросит в дрожь моя картина, скажу заране: не беда!

На пей лентяи и невежды в кругу беспечных и тупых, —
Ах, если в городе старинном так много дряни — не беда!

Заброшены библиотеки, закрыты школы с давних пор,
И если нету у ширванцев образованья — не беда!

Здесь чайханы за кабаками, за чайханами — кабаки!
Что в них сидят и днем и ночью все мусульмане — не беда!

Коль кровь сосет бездельник сытый из жил голодных бедняков
И гурдий им молла сбывает, весь век дурманя, — не беда!

Что ж, не печатай этих строчек, но хоть прочти их и пойми!
А если их совсем оставишь ты без вниманья — не беда!

13 апреля 1908

* * *

В одном кармане — векселя, в другом — рубли, рубли, рубли!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!
И пусть для родины моей часы последние пришли —
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

О, если вереница гор ко мне с поклоном подойдет
И у голодных из очей забьет поток соленых вод,
Я не сморгну, я погляжу — растет ли в кассе мой доход?
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Пусть будет родина в крови — подобна маковым полям,
Тиранов гнет и братьев кровь не потревожат сердца нам,
Мы предадимся всей душой веселью, праздности, пирам!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Умри — я медяка не дам: богатству полнота нужна
Затем, что в мире каждый миг одним деньгам растет цена.
Пускай народа моего судьба грядущая темна —
Такую сладостную жизнЬ, аллах, продли, продли, продли
Где нашей нации права? Где слава? Где ее расцвет?
Как быть? Ни уваженья к ней, ни голоса, у бедной, нет!
Мне стать игрушкой этих слов? К чертям — последний мой
ответ!

Такую сладостную жизнЬ, аллах, продли, продли, продли!
Что совесть? Глупое словцо! Его за шиворот — и вон!
Меня не тронет никогда несчастненьких голодных стон.
Душа тогда лишь расцветет, когда ты скажешь:

"Миллион!"

Такую сладостную жизнЬ, аллах, продли, продли, продли!

13 апреля 1908

СПАСИТЕ!

Ай, спасите! Рифмачи одолели. Сущий ад!
Вы подумайте: Ширван превратить в Гянджу хотят!

Разоренные дома разорят они совсем:
Школу, жизнЬ, привычный быт изменяют все подряд.

Не довольно им того, что отступники они,—
Правоверных мусульман сбить с дороги норовят!

Эй, зачем зовете нас к просвещенью? Ясно всем:
Вы хотите осквернить нашу веру, наш уклад.

Мы ислам не предадим! Никогда и ни за что
Не откроем кошельков мы для школы, для растрат!

Ведь живем мы не в Баку, не в какой-нибудь Гяндже,
Чтоб для дьявольских затей не жалеть своих деньжат!

Вы пытались провести, обмануть пытались нас, —
Что ж, узнали, как моллы проклинают ваш разврат?

Раскусили нас теперь? Наша доблесть вам видна?
Ведь сумели ж подобрать мы гяурский к вам наряд!

Что ж, ступайте говорить всюду о себе, о нас
И о том, как завлекли в школу новую ребят!

21 апреля 1908

ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый к слову был бы
строг —

И растерянный народ что-нибудь понять бы смог.

Если б милая с другим не встречалася тайком,
Не пришлось бы жениху обходить ее порог.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы наш не знал подозрений и тревог.

Если б истиной ложь праведник не называл,
То от жгучего стыда лжец давно бы изнемог.

Если бы стяжатель-плут нам не напевал "бай-бай",
Сон невежества никак не нашел бы к нам дорог.

Если б щеки раздувать перестали болтуны,
То у свечки бедняка не погас бы фитилек.

Если бы проклятый гром над правдивым не гремел,
Разве истину танять был бы у него предлог?!

21 апреля 1908

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Очаровательный шалун, как ты хороши, дитя!
Для мусульманина твой взгляд — как в сердце нож, дитя!

Любой народ в тебе всегда свой день грядущий зрит,
Перед твоей мечтою он все двери отворит.

Но мусульманину твой лик страдания дарит,
Он страсть к тебе в своей душе никак не усмирит.

Ты страстно жаждущих тебя с ума сведешь, дитя!
Очаровательный шалун, как "ты хорош, дитя!"

Опасно одному гулять по улицам у нас,
Достопочтенный аксакал с тебя не сводит глаз.
О мой кеклик, о мой малыш, куда идешь сейчас?
Тот дядя — похотливый кот, хоть и творит намаз.

Творящих для души намаз ты не найдешь, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

Ты дяди сторонись, малыш, тебя завидев лишь,
Заманит в лавку похвалой, в горсти подаст кишмиш.
Не будь доверчив, не бери его даров, малыш,
Он злой, хоть с виду добр, в его ты лапы угодишь.
Унижен всеми, пропадешь ты ни за гроши, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

Он знает цену всем вещам, тот, кто пленен тобой,
Не знает счета лишь деньгам тот, кто пленен тобой,
Швыряет их к твоим ногам тот, кто пленен тобой,
Молла, гаджи, невежда, хам — вот кто пленен тобой.
За что ты ими так любим, потом поймешь, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

28 апреля 1908

БЛАГОДАРИ СУДЬБУ

Жена! Наш сын герой! Хвала ему! Хвала!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

На улице стою и вижу я вблизи:
Шагает, в стельку пьяни, наш милый сын Файзи.
Ударил старика — и тот лежит в грязи.
Ах, как похож наш сын на льва или орла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Пускай себе растет! Зачем ему мешать?
Нас храбростью своей он будет утешать,
А всех людей вокруг он будет устрашать.

И скажут о тебе: Рустама родила!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Сам правильный толчок я дал его уму
И в школу не послал ребенка потому,
Что в школу отослать — как засдить в тюрьму.

А голова его и без наук светла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

И вправду говорят — какой от школы прок?
Чтоб глупым болтуном он стал в короткий срок?
Чтоб дерзости урок из школы он извлек?

Ученье — это бред! Оно источник зла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

А если б в школе он неверье приобрел?
В религию бы внес и смуту и раскол?
Нет, не напрасно я противник этих школ!

Наука бы ему несчастье принесла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Мы — люди, милый друг.
Для нас опасен круг
Искусства и наук.

Ведь правда, Хансанам?
Зачем все это нам?
Мы — люди, милый друг!

12 мая 1908

ТЕРПИ!

Пусть гибнет земля от бесчисленных бед.
Пусть огненной лавой зальется весь свет —

Любезный, ты спи, одеяльцем согрет,
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть жаждут соседи обняться с весной,
И даже свободы добьется иной —
К мечтателям тем повернись-ка спиной,
Не слушай их бред о народе смешной!
Ты вьешься ужом, хоть, как люди, одет!
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть беки повсюду усилили гнет,
Пусть хан голытьбе ничего не дает,
Пусть, бедный, совсем обездолен народ —
За долей хоть в поле, хоть к черту идет!
Тебе горевать, огорчаться? Ну, нет!
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Мой друг, не пускай ты наследника в класс,
В неверного он превратится как раз.
Разбойничий нож для него б ты припас,
Он выполнит свято отцовский наказ.
А свяжут злодея, очей твоих свет, —
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Моллу не замарывай славой дурной.
Хоть блуд освятит он с чужою женой,
Пускай из дрянных он и самый дрянной,
Проделки его обходи стороной!
Ворчать на подобную мелочь в ответ?
Дитя, не волнуйся, молчи — мой совет!

Какая б напасть ни стряслась над тобой,
Над братом твоим, над родных ли судьбой,
Пусть хлеб твой отравит противник тупой,
Пусть слезы тебя захлестнут, как прибой,
Пусть будешь, несчастный, живьем ты отпет.
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

* * *

Ой, мама, с красной бородой старик —
Яхши лабазник, не простой старик.
Его глаза сурьмой подведены,
На голове не сыщешь седины,
Молитвы в лавке целый день слышны, —
С умом и любящей душой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

В речах — суфист, привычками — мулла,
Как у мюрида, жизнь его-светла,
Как у гаджи, у мешади — дела,
Во всех действиях святой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

По скромности ему подобных нет,
В походке легок, как во цвете лет,
С лица его как бы струится свет,
Степенный, скромный, золотой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

Он говорит: "Послушай, мальчик мой,
Когда был жив отец покойный твой,
Вот в этой лавке он сидел со мной,
Какой барыш имел он, твой старик!"
Яхши лабазник, не простой старик.

"Отныне лавка будет вся твоей,
Что хочешь делай: вдоволь кушай, пей,
Карманы лучшим кишмишом набей,
Всем счастьем делится с тобой старик!
Яхши лабазник, не простой старик.

Такой мужчина — равных в мире нет!
Он говорит, лишь кончится обед:
"Сыночек, завтра приходи чем свет,
Не дай, чтоб изошел тоской старик!"
Яхши лабазник, не простой старик.

То проведет он по лицу рукой,
То поглядит в мои глаза с тоской,

То прижимается к щеке щекой,
То тихо говорит со мной старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

21 июля 1908

СЕТОВАНИЯ

Слушай, нас до этих дней уважал всегда народ:
Люди кланялись молле, где он, бедный, ни пройдет.

Изобилье, благодать вековали на земле
Выполнял простой народ приказания господ.

Что бы я ни повелел — тут как тут убогий люд.
То, что белым я назвал, кто же черным назовет?

Низко голову склонив, каждый дело вел свое,
Нас никто не задевал, а совсем наоборот.
Мусульманство и прогресс разве можно совместить?
О народе речь не шла, был закрыт науке вход.

Дорогие, как понять, что болтает молодежь,
Будто ей ходить в мечеть, чтить обряды — не идет!

Нечестивцы стали все на гяуров походить —
И неверьем отдает к мусульманству их подход.

Ох, встревожили они племя, спавшее досель,
Безмятежности былой нам никто уж не вернет.

Даром хлеб чужой вкушать было нашим ремеслом,
И никто нам не пенял, не пускались козни в ход.

Тот, кто шел наперекор, был анафеме предан.
Да и кто тогда с хулой выйти бы посмел вперед?

Ах, прошли те дни, когда власть у нас в руках была,
Нынче даже детвора нам проходу не дает.

Да, прошли, прошли они, золотые времена!
Я в покое пребывал, а народ — во тьме невзгод!

28 июля 1908

ДОЧЬ ГЯУРА

Поверь, не знаю я, как быть, любезный Насреддин!
Она вогнала в хворь меня, жена, гяура дочь.

Уже шестнадцать лет, — нет-нет! — уже семнадцать лет
Живет в моем дому, в семье она, гяура дочь.

Трех-четырех ребят родив, осталась без зубов, —
И, как старуха, вся черна, страшна гяура дочь.

Я убедить ее хочу: "Послушай, ты стара,
И, как хозяйка, ты забот полна, гяура дочь!

Позволь же молодую взять: мне — в жены, а тебе
В помощницы, ведь ты всегда одна, гяура дочь".

Нет! Как собака на меня она всегда ворчит.
Ах, отравила жизнь мою сполна гяура дочь!

И ей никто не говорит: "Постой! Тебе-то что?
Неужто мужу ты во вред дана, гяура дочь?

Чуть свет вставай, дои коров да масла больше сбей,
Следи, чтоб в кизяке была стена, гяура дочь!

Ты шерсть расчесывать должна, палас, попону ткать,
И печь топить, варить и печь должна, гяура дочь!

Согнув свой стан, стирай белье, мети починце дом,
Служи супругу своему без сна, гяура дочь!

Какое дело, мол, тебе, что ищет он жену?
Раз ты жена, то будь во всем верна, гяура дочь!

На то и муж, чтоб по-мужски гарем свой пополнять,
А ты молчи и чашу пей до дна, гяура дочь!"

28 июля 1908

* * *

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

О Турция, чем ты горда, любимая страна?
Что конституция теперь сынам твоим дана?
Но для соседей не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова была здесь снесена,
И о погибшем сыне мать рыдает не одна!
Нет, конституции и вперед не возрастет цена!
Не верь, щади родную мать, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Свободу слова вам дадут--мол, говори, народ.
Открыто говори о том, что душу мучит, жжет...
Когда ж министры те слова услышат в свой черед,
Они смекнут, что ваша речь их по карману бьет,
Любыми глуптями они закроют правде рот!
Османец, слово о правах тебе во вред пойдет!
Не смей собраний созывать, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Допустим, бросить вызов ты правительству сумел
И слово в дело претворил, всегда правдив и смел,
И слух об этом до ушей "ученых" долетел, —
Там не Мирза ли Алевбер на коврик свой присел?
О, сколько мечет он в тебя громов, снарядов, стрел!
За вольнодумца ж постоять никто не захотел!
Брось это чушью называть, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Османец, право, ты чудак! Ты весь в пленау прикрас!
Вам конституция дана — уж ты пустился в пляс.
Иль Фазлумах и Мир-Хашим не водятся у вас?
Нет, их немало, только вам их не узнать сейчас.
Когда ж узнаете — ой-ой, раскаетесь не раз!
А как раскаешься, глядишь: один-другой без глаз!
Не смей глупцами злых считать, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Свободу совести и мы однажды обрели,
И наш счастливый смех летел к народам всей земли.
Мы не заметили, как в дом к нам хищники вошли!
Детей не стали мы держать от мерзостных вдали —
И вмиг развратники себе по мальчику нашли...
О, если скажут лжемоллы: "Аллаха восхвали!" —

Не смей их вере доверять, храни тебя аллах!

Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

4 августа 1908

* * *

Я — могущественный шах, подо мной — страна моя!
Как ее ни называй: Рей, Иран, — она моя!
Вся в руинах она иль обновлена — моя!
Конституция — ничто! Власть еще сильна моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Конституцию в свой час мой отец вам даровал,
Был он набожный старик, мягок был, стыдлив и вял,
Но политики, клянусь, он совсем не понимал,
Ну-ка, вшивую чоху надевай и стар и мал!

Я — на троне золотом, всем парча видна моя!

Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя?

Не иранец я ничуть, а великий Менделеи!
Я — тиранства волчья пасть, предо мною вы — в пыли!
Я — беда над головой у подвластной мне земли!
И неважно, что меня вы пиявкой нарекли:
Мясо, кровь и кость — мои! Туши толщина — моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Укрощая вас, я был — помните? — неукротим,
Сын лабазника в те дни полководцем стал моим.
По меджлису дав огонь, превратил его я в дым.
Я присягу растоптал, я отверг Коран, бог с ним!
Что мне слово, что обет? Воля мне верна моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Пусть из Турции до нас докатился чей-то крик,
Крик, одобренный людьми в красных фесках в тот же миг.

Знай, ревнитель старины, от него я не поинк:
Не заставят те умы побледнеть Ирана лик!

На арену вышел я, рядом — старина моя!

Весь народ — он мой! Над ним сталь занесена моя!

А таврицы неужель были слепы в те годы.

Как со мною день и ночь пировали без стыда?

Я, наследник шахский, был всем им по сердцу тогда —
И меня на трон отца подсадила их орда.

А теперь что нужно им? Власть им, что ль, нужна моя?

К разным женщинам всегда страсть обращена моя!

Нет, иранец должен быть все забитей, все темней,
В унижение жить, в нужде, в рабстве с первых детских дней,
На чужбине изнывать, гибнуть меж чужих людей.
Прочь, иранец! Вшей иди ты в худой чохе своей!

11 августа 1908

★ ★

Он идет, чурбан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

О, закрой скорей поплотнее дверь!

Человек ли он — этот страшный зверь?

Разве это муж? Нет, не муж, поверь!

Крокодил! Кабан!.. Тетя, не пускай!

"Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Сватали вас — я глядела в пол.

Он за юношу с ваших слов сошел.

Вижу я теперь — вот каков орел!

Сжег меня обман!.. Тетя, не пускай!

Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Душу, душу мне холодит испуг:

Я боюсь, что грудь разорвётся вдруг.

Сердце бьется так, будто в нем недуг.

Он злодей, шайтан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Глянь: труба на нем — не папаха, нет!
Я в бровях его вижу выюги след!
Знаю, знаю: он — твой ровесник, дед!
Он вампир, тиран!.. Тетя, не пускай!
Ах в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Нестерпимый дух от него идет.
И слюнявый мне так противен рот!
Как змеи, боюсь я его забот.
Мне на гибель дан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

18 августа 1208

ЕЩЕ МАЛЫШ

Слушай, муж, оставь ребенка! Он еще у нас малыш!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыш!

Прахом, дедушки прошу я: дай ты малому покой!
Ну, ругнет он тетю, лядю, ну, шутнет разок-другой,
Ну, пошлет тебя подальше... Эко дело, страх какой!
Ведь ему всего двенадцать... Он еще у нас малыш!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыш!

Не учи, не мучь ребенка, книжку в нос ему не суй,
Не скликай соседей сдуру, как последний обалдуй,
Подари при всех дитяте не щелчок, а поцелуй!
Он резвится, он играет, он еще у нас малыш!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыш!

Ах, как люб мне муж соседки, осчастливленной Агджи!
Он сынка за ругань хвалит и ласкает от души,
Даже льнет к нему с конфеткой: "Ну-ка, крошка, обложи!"
Вот и нам бы так же с нашим! Он еще у нас малыш!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыш!

Слушай, муж, не досаждай мне! Слово "школа" не тверди!
Не кори мальца за ругань, ставить в угол погоди,
Лучше дай ему гостинец да прижми к своей груди.

И не лезь к нему с пинцетом! Он еще у нас малыши!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыши!

Слава богу, не армяне, чтоб сынику образовать.
Вон, взгляни, каков в натуре наш хваленный дылда эзть.
Он зубрил, учился в школе, а чего нам с зятя взять?!

Нет, не дам учить малютку! Он еще у нас малыши!
Пусть сынишка сквернословит, он еще у нас малыши!

25 августа 1908

НАШЕ БУДУЩЕЕ — ОДНО СУЕСЛОВЬЕ!

Не верю!.. Зря не говори, что станет мир хороший,
Что будет он в лучах зари с небесным раем схож,
Свободы солнце, мол, блеснет, и ты легко вздохнешь...

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всё — суесловье, ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Что о свободе нам вспомнить?! Молчи, мой друг, молчи!
Свободе юной нечем жить у нас, в глухой ночи!
Дитя успеют удушить туневые палачи!

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всё — суесловье, ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

"Учись... Коль много будешь знать, свободен ты везде..."
Всё так... Но где нам знанья взять? Где школы?..

Школы где?..

Нет школ! И детям — возрастать в невежестве, в беде!

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всё — суесловье, ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Свободы помнишь ты рассвет в сияющих лучах?
И вот опять — свободы нет. Мир превращался в прах,
Пока о Рее смутный бред не позабыл наш шах!..

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всё — суесловье, ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Ты много ль на пути своем, скажи, встречал улад?
И мне он тоже незнаком — блаженства райский сад.
А краше ль станет мир потом, когда уйдем?.. Навряд!
 Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всё — суесловье, ложь!
 Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

25 августа 1908

МОЛОДОЙ

Дом богат мой и велик,
Мне мулла служить привык,
Для чего ж грозить разводом?
Разве я совсем старик?

Правда, согну я в дугу
И жевать я не могу —
Нет зубов, но не старик я,
Верь, что я тебе не лгу!

Мне от слов твоих — беда.
Борода моя седа,
Хной я бороду покрашу,
Потемнеет борода.

В доме есть лаваш и плоэ,
Ты же, мой пороча кров,
Говоришь — в отцы гожусь я.
Не бросай подобных слов!

Мне всего лишь пятьдесят,
И к тому же я богат,
О красавица, останься,
Всё у нас пойдет на лад!

Умоляю, чуть дыша:
Будь со мною хороша!
Если с виду постарел я —
Молода моя душа.

25 августа 1908

АХ!

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ с темнотою дружил тогда!

Разобраться в правах не пытался он,
Революции не улыбался он,
Перед книгами не преклонялся он —
Так невеждою и оставался он!

Сколько вздора я в речи вложил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пытаясь пороков искать страна.
Зло добром научилась считать она.
Нас увидеть желаньем была полна,
Нам везде и повсюду росла цена.

Нас почетом ислам окружил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, но пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Вор в поклоне всегда поникал у нас,
Вкусный плов уваженье снискал у нас,
День ли, ночь ли — я в гости спешил тогда,
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы — не видал народ,
Что со святостью дело вразрез идет, —
И у нас вырастал, вырастал доход.
Нас и наше вранье окружал почет.
Наш закон правоверных страшил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Мы абой прикрывали любой порок,
Всё, что нам приносили, копилось впрок.
Нам ни жадность, ни алчность не шли в упрек,
Почитался целительным наш порог.
Многим дом наш Кабой служил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Божеством и святынею были мы,
За хранителей веры сходили мы.
Всем казалось, что вправду светили мы.
Их гроши трудовые копили мы.

А скупых я проклятьем глушил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче бес настоящий живет в любом.
Посмотрите: шайтаны кругом, кругом.
Осаддали и сдут на нас верхом.
Неужели мы прошлого не вернем?

Наш народ с темнотою дружил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

8 сентября 1908

* * *

Приходит утро, вижу я: ко мне почтение растет,
Приходит вечер, вижу я: мое значение растет.

Не отвернуться, я на дверь, подобно нищему, смотрю —
По угощению что ни день мое томление растет.

За вечер три, а то и шесть я приглашений получу —
Прията мне такая честь, а самомнение — растет.

Раз голова моя в чалме — меня все болыше люди чтут,
Чем я важнее, тем сильней их уважение растет.

Приметой мудрости — наряд, как побрякушка, торгаша...
Сижу и чванюсь, а ко мне расположение растет.

Я о святых рассказ веду, цветистых слов не жалко мне,
Мелю я чушь — а предо мной благоговение растет!

Пока дымится жирный плов и яства разные лежат —
Душа парит, не жалко слов, я лгу — и рвение растет.

Нафарширован баклажан, горой — жаркое и халва...
Не три ли глаза у меня: всё съесть — желание растет!

Не пробуждайся, спи, народ, не размышляй, не шевелись:
Проснешься если — горе мне! Как опасение растет!

15 сентября 1908

НАСТАВЛЕНИЕ

Эй, святоша, будь красив, хоть нутром ты груб и дик:
Если ты душой урод, сделай благостным свой лик!

Просвещенным назовись, а науку отрицай
И ученых мусульман ловко загоняй в тупик.

Если, как скотина, ты по уши в грязи увяз,
Тотчас козин заведи, выкрутись в единий миг!

Причиняй народу вред, знай лишь выгоду свою.
Зорок, ловок и хитер, ты обманывать привык.

Если надо — лицемерь! Будь овечкой для одних,
Для других же волком будь, в кровожадности велик!

Чуть стесненье ощutiшь — с убеждениями простись,
Стань доносчиком, шпионь, чтобы в страхе враг поник!

Всех, кто правду говорит, поголовно проклинай,
Против истины иди неуклонно напрямик!

Мусульманам в картузах жить на свете не давай,
Цо у ханского крыльца прахом ляг, святой старик!

22 сентября 1908

* * *

Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан — для нас!
Таким просторным стал майдан, и весь майдан — для нас!

За, трапезой у нас, гляди, сидят владельцы благ.
Они почтенья к нам полны, как повелел аллах.

Пред нами — сотни дивных блюд, всё остальное прах,
Из жирный плов и чихиртма пред нами на столах.
Фирни, терек, долма, пити и фисинджан — для нас!
Ах, на тарелке баклажан, ах, баклажан — для нас!

О нищий, не гляди ты в дверь: ты можешь сглазить нас!
Не подвы — и! Ударю так, что вмиг исчезнешь с глаз!
Обе ты пиу поищи — найдется в добрый час!
А нет — гол щым ляжешь спать, тебе не в первый раз.
Обилье этих тонких блюд не для дехкан — для нас!
Утеша, слава, вся еда — для тех, кто зван: для нас!

Покамест мы едим и пьем, за дверью ты постой!
Останется, возможно, плов - стол, видишь, не пустой.
Оглодки наши на полу ты взглядом удостой,
А после — соберешь в суму: ты ж человек простой.
Пока ж и скатерь, и шербет, и твой казан — для нас!
Казан, и чашка, и стакан, большой стакан, — для нас!

Тебе никто не запретил просить у всех дверей.
Одежды нет? Добудь тряпье, прикройся поскорей!
И без приправы сможешь съесть немного сухарей!
А нет — привыкли голодать, крепись, не захирей!
Нас почитают: и шашлык, и весь баран — для нас!
Каймак и кофе — всё для нас, да и кальян — для нас!

Уйди, оставь в покое нас! Эй, не мешай ты нам!
Легко ль, наевшись, говорить? Прочь, ничего не дам!
Обман — источник наших благ, ты понимаешь сам,
Ведь мы же говорим слова наперекор делам.
Всё это — роскошь, и купец, и бек, и хан — для нас!
И полный доверху карман, тутой карман, — для нас!

И важный сан — для нас,
И бек и хан — для нас,
А если рамазан,
То и майдан — для нас!

О ЧЕМ ПИСАТЬ?

Призван я быть поэтом. Стих — честный голос мой.
Пишу о хорошей славе и о молве плохой.
День обвожу лазурью, ночь покрываю тьмой,
Кривое кривым рисую, прямое — строкой прямой.
Зачем же ты так таращишь, читатель, глаза, скажи?
Иль в зеркале ты увидел себя целиком во лжи?

Едва только я печально раскрою свою тетрадь,
Перо, как смычок послушный, придушил за рукоять.
Едва побегут чернила по белой бумаге — глянь,
Ты цап-царап мою руку! Язык норовишь связать!
Странно! С дороги правды ведь я свернуть не спешу.
О том, что воочию видел, и четверти не пишу.

И четверти не пишу я о том, что кричит: "Пиши!" —
А ты меня хлещешь бранью от всей своей злой души.
Суди о себе по чести, не подличай, не греши,
Взгляни на свои поступки — чем они хороши?
Пойми свои недостатки, не злобствуй, других кляни,
И вместе с собою этим не огорчай меня.

Служителям слова знают, каков твой живой портрет,
Какою ты мерзкой жизнью живешь уже много лет.
Всё знают писаки точно, но, ведая к правде след,
Они и двадцатой доли про то не напишут, нет!
Они ведь себя считают, к небу воздев персты,
В тысячу раз превыше низменной суеты!

Как я даже четверть правды не пропускаю в стих,
Так малой двадцатой доли ее не найдешь у них.
Вот если бы ты воскликнул: пиши, мол, чего затих!
Тогда б я тебя в натуре разделял без запятых.
Увидев себя без грима, ты б вздрогнул, уверен я,
И волосы встали б дыбом от ужаса у тебя!

CATTAΦ-ΧΑΗΥ

Меня безумцем не сочти, читатель: я восторгом пьян!
Взволнован голос мой — и ты его не примешь за обман.
Мой стих — жемчужное зерно, талант мой — море-океан,
Я смело славлю красоту, и пафос мне свободный дан.
Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Лишь в Тегеране разгромил народное собранье шах,
Таврицы двинулись к тебе: проклятый шах — ваш враг!
И вы разрушить поклялись тиранства дикого очаг,
Готовясь к смерти за народ, держа в геройстве
дружный шаг.
Но жертву главную принес тот, кто возглавил
братский стан:
Тебс, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

И вам, азербайджанцам, рок услугу оказал свою:
"Зоххаку из Каджаров — смерть!.." — раздался клич
у вас в краю.

Привет святому праху тех, кто голову сложил в бою!
Не знаю, где и пребывать героям, если не в раю?
Их кроны навеки сохранят в земле Тавриз и Тегеран.
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Вот поглядите, Саттар-хан занес высоко свой булат.
Не только шаха — целый мир его деянья удивят.
И честь ислама поднял он, и славу родины — стократ.
И на страну его теперь все с уважением глядят".
Да, на воспрянувший Иран обращены глаза всех стран!

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!
Тебя азербайджанца долг и долг иранца в бой увлек,
И не сгорал ты на огне, как легкокрылый мотылек.
Бесстрашный в битвах Саттар-хан, кто бросил бы тебе упрек?
На повелителя страны позор всемирный ты навлек.
Ты спас любимую страну, ты к жизни возвратил Иран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тавризы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!
И рукоищают вам друзья, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посыпает свой привет.
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!
Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

20 октября 1908

* * *

А ну, укладывайся, эй, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Пророка именем верша скорый суд,
В мечети лавку ты открыл, старый плут,
Там продавал фасоль, горох и кунжут.
Но покупатели теперь не берут
Товара в лавочке твоей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Торгаш, ты был самой судьбой принужден
К вождю свободы поспешить на поклон.
Но нет, не выполнил ее ты закон.
И вот ты проклят, Мир-Хашим, посрамлен.
Хитрить, лукавить ты не смей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Ты сжечь Каабу замышлял в тишине
И вышел, словно Эбрехе, на слоне.
Но, видя ваши козни, бог в вышине
С камнями в клювах птиц пустил по стране,
Он истребил твоих друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не позабудь, что ты теперь уж не тот.
Пред кем склонялся до земли весь народ!
Ты видишь сам, очнулись все в свой черед.
Ушли и слава от тебя, и почет,
Народом свергнутый злодей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Напрасно песню ты пропел, захрипев,
Ни песня не обманет нас, ни припев!
Теперь и шептуны орут, обнаглев.
Сынов свободы одолеть не сумев,
Скликай родину свою, друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не ты в паденье виноват, дорогой.
Усердно ты тянул назад, дорогой!
И вот уныньем ты объят, дорогой!
За жадность проклят ты стократ, дорогой.
Ты не шербест, а воду пей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!
Саттар грозит башке твоей, Мир-Хашим!

20 октября 1908

НЕТ ПОДОБНОГО МНЕ!

Хвала тебе, боже! Подобного мне не найти!
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Вот помню: я отрок. Лица молодого черты
За мною повсюду влекут знатоков красоты.
О встрече со мною кутилы лелеют мечты —
И рву потихоньку я кое-какие цветы!
Я видел, что мальчика, равного мне, не найти,

Кто б в доме гаджи была со мной наравне — не найти!
Когда же подрос я и стукнуло мне двадцать пять,
От прежних занятий я стал кое-как отвыкать.
Но всё ж не в безделье нашел я тогда благодать,
Однако не будем истории темной вскрывать —
Прошло и забыто!.. Подобного мне не найти!
Кто, так же как я, утопал бы в казне — не найти!

Принявшиесь за дело, к себе я скликал знатоков,
И ставил я сети — и брал за уловом улов.
Но время менялось — и я применялся без слов,
Для новой затеи отречься от старой готов.

И видишь: в народе подобного мне не найти,
Кто здесь в благочестье мне равен вполне — не найти!

Увидя, что ветрены наши святые мужи,
Я стал мешади, а со временем стал и гаджи.
Вернувшись из Мекки, сказал я: с аллахом дружи,
Свой разум усердно с вопросами веры свяжи!

Я понял: и вправду подобного мне не найти,
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Читатель, пойми же, когда ты разумен, смыщен:
Любой недостаток скрыт хитрецом, затаен,
Но честный пусть явит достоинств хотя б миллион,
Порочному глазу злодеем покажется он,

Ему от проклятий пути к тишине не найти.
Нигде лицемера, подобного мне, не найти.
Подобного мне, хоть сгори ты в огне, — не найти!
Нет, схожих со мною в почете, в цене — не найти!

10 ноября 1908

МУЖЧИНА

Не вставай, не вставай, спи пока, человек!
Ничему не дивись, спи века, человек!
Одеяло заткни под бока, человек,
Лишь бородку погладь и — пока, человек!
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Ты весь день провалялся без дела — вот так,
Обленилось во сне твое тело — вот так,
Ты не жаждешь иного удела — вот так,
Спать весь век тебе не надоело — вот так.
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Жизнь прошла, ты уже побелел, как мука,
Борода твоя стала как шерсть ишака,
Зубы выпали, грудь твоя стала узка,
Но привычного яда всё ищет рука,
Чтоб дурман тебя вновь превратил в дурака,

А затяжка кальяна крепка, человек,
Одуреешь совсем от дымка, человек.
Отдышишь и покашляй слегка, человек,
И засни — не вставай с туфяка, человек!

14 декабря 1908

* * *

Ну давай, ханжа-отшельник, обнажимся мы хоть раз,
Нашу суть не станем прятать — всё, что скрыто, напоказ!
Сокровенное народу мы откроем без прикрас:
Пусть рассудит он и скажет, что он думает о нас.
Белым черное зовется... Потерял ты стыд, ханжа!
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит, ханжа!

Фраз пустых забудь потоки, ложью правду не глуш!..
Обнажимся, все покровы сбросим с зеркала души!
Пусть на нас посмотрят люди, укрываться не спеши:
Если совесть ты имеешь, ты им совесть покажи!
Белым черное зовется... Твой обман раскрыт, ханжа.
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит, ханжа!

Сбросим титулы и званья, эти панцири не в счет!
Скинем смело одеянья, что приносят нам почет!
Соберем друзей, знакомых, разберется пусть народ,
Кто из нас чего достоин, кто и как из нас живет.
Дело плохо, мир смеется: от стыда сгорит ханжа!
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит, ханжа!

Нашу жизнь давай опишем, не солжем притом ничуть,
Объясним и растолкуем нашу истинную суть,
Всем дадим слова послушать, на дела дадим взглянуть,
Пусть народ поймет — и кто мы, и куда ведет наш путь.
Черным душам всё нечестивые, пусть их стыд спалит, ханжа!
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит, ханжа!

28 декабря 1908

СПОР ДЕРЕВЬЕВ

Однажды яблоня, сосна и дуб
Поспорили среди зеленых куп.

Дуб начал восхвалять свой мощный стан,
Кичиться, что он ростом великан:

"Гордиться могут мной и сад и лес:
Я достаю макушкой до небес!

И так огромна тень моих ветвей,
Что даже горы могут скряться в ней!

Толкают ветры, бури в грудь меня,
Но где им, немощным, согнуть меня!

У прусь ногую, напрягусь плечом,
Пусть молния — и та мне ни почем!"

А яблоня ответила ему:
"Твоя чванливость, сударь, ни к чему!

Ты хоть и наделен величиной,
Но как равняться толстяку со мной!

Ведь желуди твои — ты извиши! —
Пригодны в пищу только для свиньи.

Я ж пред людьми стою во всей красе:
И цвет мой и плоды признали все!

Их запах, вкус рожают восторг в серцах,
Кто б ни отведал, восклицает: "Ах!..""

Сосна, услышав их, вступила в спор:
"Друзья мои, к чему весь этот вздор?

Подумайте, как голы вы зимой —
И спорить вы не станете со мной!

Я зелена весь век, я всякий час
Ношу наряд, похожий на атлас.

Я так нужна тому, кто строит дом,
Я дверью быть могу, бревном, крыльцом,
Я в стужу согреваю людям печь,
Я всех полезней, сколько ни перечы!"
1908

ШАХНАМЕ

Мой шах, венценосец, прославленный шах!
О, столько народов повергнувший в прах!

Когда ты изволишь спросить обо мне,
То рапорт прими, достоверный вполне.

В тот день, как мой конь повернул от тебя,
Дорогой к Тавризу направился я.

Я шашкой достать Саттар-хана хотел —
Проверить, насколько он ловок и смел.

Желанье в душе клокотало моей
Скорей с поля брани прогнать бунтарей.

Сказал я себе: "Не в мечтаньях, а въявь
Ты золотом шитое знамя прославь!"

Скакала охрана моя по бокам,
Любой из нее — современный Рустам!

Пехота потоком неслась впереди,
Наездники мчались с отвагой в груди.

Блестел патронташ на любом, как доспех,
В руках револьверы и ружья у всех.

И трубы и флейты тревожили высь,
И к небу победные крики неслись!

Трещали весь день барабаны в пыли, —
На пыльных повозках мы пушки везли.

С таким ликованьем, с величъем таким
Я мчался путем незабвенным своим!

Со мною надежды на счастье неслись —
И вот наконец показался Тавриз!

Велел я немедля, под музыки гром,
Лазутчикам в город пробраться тайком.

Я думал, что нету пустяшнее дел,
Но мне подчиниться никто не хотел.

Тогда, ослушаньем таким разъярен,
Я город велел обстрелять с трех сторон!

Открыли огонь — ужасающий вид! —
Казалось: на землю он с неба летит!

Пришлось бунтарям кое-что испытать:
Четыре убитых и раненых пять!

Увидя внезапную кровь, Саттар-хан,
Как молнию, выхватил свой ятаган:

"О братья-повстанцы! Герои, сюда!
Докажем, что в жилах у нас не вода!

О, если последний остался нам час,
Докажем, как мил он и дорог для нас!

Ведь все, что добыто в борьбе за народ,
Один этот час отметет иль спасет!"

И вдруг всколыхнулся воинственный стан,
И вот что услышал в ответ Саттар-хан;

"Зачем умирать? Мы пойдем убивать!
А сгинем — и гибель для нас благодать!.."

Тогда-то из города вышли враги,
Я с ужасом слушал проклятых шаги!

Шаги бунтарей! Ох, дышал я с трудом —
Их топот казался мне страшным судом!

И вдруг на колени упали они,
И клятву священную дали они!

И смолкли и встали, в лице изменясь...
О боже! и так налетели на нас,

Что в страхе попятились наши войска...
Не знал я, что наша погибель близка!

Такого позора не видеть бы впередь, —
Я издали даже боялся смотреть!

А хан!.. Что за хан!.. Этот голос!.. И взор!..
Бунтарь — и такой беспощадный напор!

В испуге возвел я глаза к небесам.
Я плюнул на войско — ведь гибну я сам!

Я думал о жизни бесценной своей,
Решил я на гору взобраться скорей.

Я смело взобрался, над бездной скользя!
О, что я узрел! И представить нельзя!

Когда бы стоял ты бок о бок со мной,
И ты б любовался подобной войной!

Как зайцы, бежала могучая рать!
Я звал: "Продержитесь! Зачем удирать?"

Я звал, но никто в эти просьбы не вник —
Глаза государства ослепли в тот миг!

Раздавлено войско! О горе и срам!
Все ружья и пушки достались врагам!

Я понял, что плохи дела у меня,
И всё же надежда была у меня:

Я двадцать казаков призвал — и к тебе
Помчался, душой благодарный судьбе!

Вот так с бунтарями закончился бой!
В моем донесенье я весь пред тобой!

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?
Ни денег, ни жизни не стану жалеть!

Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!

4 января 1909

ПОЖЕЛАНИЕ

Хоть бы не было ремесел, школ, наук и обученья,
От наук и обученья ждут нас только огорченья.

Ни скамей бы и ни досок, ни столов бы и ни мела,
Ни к перу бы, ни к бумаге чтобы не было влеченья.

Чтобы не было училши, а у наших милых деток
Чтобы не было с рождения никакого разуменья.

Чтоб наставников не стало, просвещенных, энергичных,
Чтоб от спячки пробудиться не спешило населенье.

Чтоб сочувствия к народу молодежь бы не питала,
Чтоб ее с народом вместе взяли б черти в довершенье.

Проклят будь тот день, в который кто-то выдумал газету,
Чтобы выдумщика тоже дьявол взял на попеченье.

Чтобы не было журналов, журналистов, типографий,
Чтобы не было редакций, — вот о чем мои молены.

Чтобы не было Востока, что для нас примером служит
И в народе возбуждает столь опасные стремления.

Чтобы не было изданий, рассуждающих свободно,
Чтобы не было в Иране этих споров и кипенья.

Чтобы не было на свете конституции турецкой,
А в сердцах у младотурков чтобы не было горенъя.

Чтобы вновь не воскресили скорпиона — "Насреддин"
Чтоб фанатики не знали снова страха и мученья...

Старикам про современность и про новые порядки
Говорит, стыда не зная, молодое поколенье.

Пусть на все таланты ваши перейдут мои болезни,
Потому что вы безумцы, вот мое какое мненье!

18 января 1909

РАЗГАДКА ЗАГАДКИ

"Не дылда он и не плюгав,
Он духом мертв, а телом здрав,
Права гражданские поправ,
Лишил сограждан всяких прав.
А пузо — во! А шея..." Стоп!
Кончать не надо фразу:
Что это Мемдели — узнал я сразу!"

8 февраля 1909

* * *

Найдем предлог какой-нибудь — отныне до скончанья дней,
Чтоб к жизни прежней край вернуть — отныне
до скончанья дней!

Прикроем верой старину, должны мы новшества изгнать,
Чтоб все забыли, в чем их суть, — отныне до скончанья дней!

Журналы догмой подавив, должны науку мы убить,
Чтоб ей ни охнуть, ни вздохнуть отныне до ончанья дней!

Зачем газеты издают? Чтоб в мире множить суету?
Да спинет, братья, эта муть — отныне до скончанья дней!

В подмунном мире был я чтим, куда ушли благие дни?
Не смей на знатных посягнуть — отныне до скончанья дней!

Всех проходимцев, всех писак изгоним из родной страны
И преградим обратный путь — отныне до скончанья дней

Развейся, сгинь, влиянье их! Ты, слава, улети от них!
Чурек, дорогу к ним забудь — отныне до скончанья дней!

Тетради, книги их порви, разбей чернильницы, народ,
Но галемдан не тронь отнюдь — отныне до скончанья дней!

Ох, если б только удалось нам уничтожить их печать,
Чтоб их писанья зачеркнуть — отныне до скончанья дней!

В ком разум теплится еще, тот, несомненно, сретик!
Ему мы скажем: "Проклят будь — отныне до скончанья дней!"

Спасайтесь, братья! Поскорей друг другу руки подадим!
Пусть единицем дышит грудь — отныне до скончанья дней!

Но если денег нам дадут, — простим и в новую дуду
Мы станем что есть силы дуть — отныне до скончанья дней!

22 февраля 1909

* * *

От горя свет померк дневной:
Дубина, знать, тому виной!
Страна — вверх дном, позор
сплошной —
Дубина, знать, тому виной!

Зачем, Иран, твои сыны
Безумца жертвой быть должны?
Сове ль развалины нужны?
Судьба ль забыла край больной?
Дубина, знать, тому виной!

Друг друга силятся понять,
Сердца чего-то ждут опять.
Меджлис разогнан, не сыскать!
Повсюду слышен лай шальной —
Дубина, знать, тому виной!

Где конституция? В пыль!
Наглеют слуги Мемдеми!
От жира вздулись, оплыли!
Шайтаны правят всей страной —
Дубина, знать, тому виной!

Он клятвами уверил всех!
Но не его ль мы слышим смех?
Так почему же без помех
Плюет злодей на край родной?
Дубина, знать, тому виной!

Зачем нарушил клятвы он?
Зачем приказы рвут закон?
Зачем Коран испепелен
И нож блестит во тьме ночной?
Дубина, знать, тому виной!

Рад хулиган из кожи леэты!
И вера продана и честь,
И всех невинных жертв не счесть,
Хоть отправляйся в мир иной!
Дубина, знать, тому виной!

Красноречивый — тих, как сон,
Мятежный — за решеткой он.
А склочник свято сохранен
И скалит пасть, как пес цепной!
Дубина, знать, тому виной!

Вот мудрый — что же проклят он?
Зачем достойный оскорблен?
И слышен вольнолюбца стон
Из страшной лужи кровянной?
Дубина, знать, тому виной!

Своих поступков не стыдясь,
Шах всё живое топчет в грязь!
Зачем же месть не поднялась
На выродка с душой двойной?
Дубина, знать, тому виной!

1 марта 1909

БУДУЩЕЕ — НАШЕ!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не говори, что рабства ночь уже изгнала наш край родной,
Не видишь разве, что она еще темнее над страной?
И разве не погиб наш край под тираннической волной?
Тиранство всей вселенной кровь своей измерило ценой,
Не видишь разве: кое-кто стоит за деспотов стеной!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не лги, что храбрости клиники слепят глаза у всей
страны, —
Скажи, что языков клиники, чтоб проклинать, обнажены!
Те, что поносят смелчаков, себя причислить к ним волны!
Сейчас за правду проклянут, другой не подыскав вины.
Эпоха дивная! Тебе ни ум, ни знанья не даны!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!
Сказал ты: муджахидов стан сумел возвысить свой Иран.
Но это может ли стерпеть покорный шаху рабский стан?
Но согласится ли с этим знать — ее усердье, совесть, сан?
Лишь тем, кто жертвует собой, подобный путь от века дан.
И где теперь найдешь ты честь? Ты крепче стой за свой
карман!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!
Нет, стала ты теперь и вправь ареной огненной, страна!
И тем, кто на арене той, отвага львиная дана.
Но хитрость множества лисиц теперь то здесь, то там видна.
А люди спят, но вдруг поймут, что вся страна разорена!
"Придут, придут бывшие дни!" — твердит лисица не одна.
Что ж, можете свободу клясть: вам глотку
не заткнуть никак!

Что ж, говорите: в дом ее не поведет наши путь никак!

15 марта 1909

* * *

Что делать мне, аллах? Погиб наш род!
Как расплодились джинны без бород!
В стране число их с каждым днем растет.
Они в любое дело знают вход.

Эй, старики! Эй, пожилой народ!
Эй, не пускайте: край наш пропадет!

По сотне всяких дел вершит любой,
На сходках речью устрашит любой.
Суннита радует шиит любой.
Суннит к шииту в дом спешит любой
И, словно с братом, разговор ведет.
Их честь погибла! Каждый — сумасброд!

Они религии своей не чтут,
Народ спасают, что ты скажешь тут?
Единой цели посвящен их труд.
Обычай отцов при них умрут.
Пустые люди — пусть их гром убьет!
Ни кызылбashi, ни сунниты — сброд!

Нарушили родства законы — зачем?
Суннит к шииту устремлен — зачем?
За человека принят он — зачем?
Чтоб дружбой был народ сплочен — зачем?
О люди с головой! Что веру ждет?
Эй, не пускайте лживых без бород!

Раз удалось их цели нам узнать,
Их сборище должны мы разогнать.
Нам их нетрудно будет доконать:
Где ни увидим — тотчас проклинать!

Скажите им: проклятье их сожжет,
Разрушивших религии оплот!
Они друзья неверных, ад их ждет.
Их честь погибла, в голове — разброд!

* * *

Боль разрывает сердце, душит горло,
Дыхание в груди от гнева сперло.

Прислуги участъ менее горька,
Чем быть женой такого дурака!

Ни с крыши не глазела я, ни в щелку,
Не растекалась в сплетнях я без толку,

Я не была болтушкой, и к тому ж
Не знала, как живет с женого муж.

В землянке у отца сижу, бывало,
Иль матери на кухне помогала.

У бабки в волосах искала вшей,
Отец сует халат, штаны: "Зашей!"

С утра должна была доить корову —
И никому о помощи ни слова!

Лепила кизяки я на стене,
И ни к чему наряды были мне.

Отец мой зеленщик, а дед — лудильщик,
Ткач — брат мой старший, дядя мой —
красильщик,

Гадалка — тетка... Но в роду у нас
Не знали грамотеев: бог нас спас!

Хотя наш дом всегда был полной чашей —
Залейся молоком и простоквашей, —

Но этой дряни — книжек — ни одной
Не видел никогда мой дом родной!

Росли мы в доме, как цветник веселый, —
Не знали ни учителей, ни школы,

А это слово мерзкое — тетрадь —
Не приходилось даже и слыхать.

В дому, благочестивом и достойном,
Я вырастала кипарисом стройным.

Несчастной стать пришлось, однако, мне:
С замужеством пришла беда ко мне!

Я думала: муж — человек примерный,
Счастливейшей женой буду верной!

Могла ли знать тогда я, как теперь,
Что муж иной — не человек, а зверь!

Я слышала — мужья бывают всяки,
Но чтоб читаки были и писаки!..

Подумайте, для жен какое зло!
Мне именно вот так не повезло!

Какой же это муж, будь он иладен, —
Поэт! Ему лишь книжки да тетради!

До смерти не прощу я ни за что вам
Свой брак с писакой этим непутевым!

То он читает, то, в тетрадь строча,
Задумается, что-то бормоча,

Как бы в беспамятстве, с застывшим взглядом,
Не видя ничего с собою рядом.

Всю ночь иной раз он не спит — молчит
Иль как сорока до утра трещит.

Иной раз ляжет рано, а без толку:
Не спит, ворочается очень долго,

Вдруг из постели вскочит, бос и гол,
Засветит лампу — и строчить пошел!

Какой-то в нем огонь пылает вечно,
Пожар! Да он ведь не в себе, конечно!

Поймите вы, как меня муж мой злит,
А всё же сердце за него болит.

Что ему горе, что ему нужда!
Ни устали не знает, ни стыда!

Хвать карандаш, и — смотришь — на бумажке
Ползут, плодятся черные букашки!

Заплыли бы вы к нам в дом и поглядели:
На полках, в нишах, даже на постели,

В комоде, в платяном шкафу — бумага,
В тарелках, в казане — тъфу, тъфу! — бумага!

А книги! Кучи, горы в доме книг —
Нет ничего как будто, кроме книг!

Я говорю: "Одумайся, послушай,
Протри глаза, дурак, прочисти уши.

Все деньги ведь на книги ты извел —
Мы по миру с тобой пойдем, осел!

Дурной ли глаз, шайтана ль наважденье?
Ослепнешь скоро ты на этом чтенье,

Чахотку поживешь себе, глупец,
Весь высохнешь — и сдохнешь наконец!

Возьмись за ум, найди себе занятье —
Иль провались! Напасть моя, проклятье!"

26 апреля 1909

МНЕ НЕ ПОВЕЗЛО

Я в плену невзгод теперь, мне не повезло, поверь!
Душу боль гнетет теперь, мне не повезло, поверь!
Бесом стал народ теперь, мне не повезло, поверь!

Благ судьба не шлет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: "Вай-вай!"
Ведь еще кальян — твой!

Из-за чванства своего я беды не смог понять,
Из-за чванства мне пришлось с головы корону снять.
Корень вырван из земли — отрацу ль его опять?
Безрассудный, я хотел конституцию попрать.

А она живет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не удриай,
Не зови врага в свой край:
Ведь еще майдан — твой!

Мне нисколько не помог самый тонкий ход — ой, жаль!
Мир узнал мои грешки все наперечет — ой, жаль!
Всё, что делал я, пошло вдруг наоборот — ой, жаль!
Как ни бился, я не смог обмануть народ — ой, жаль!
Мне юлдузские дворцы хитрость не вернет — ой, жаль!

Прахом всё идет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, ты через край
Свой карман всё набивай:
Ведь еще карман — твой!

То не трубы раздались, то не барабаны бьют —
То звучит во всех сердцах страшный зов на Страшный суд.
Тридцать лет я власть держал — отобрали в пять минут.
Я, султан Абдул-Гамид, выгнан вон, меня не чтут.
Весь мой труд — не в счет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!

Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: "Вай-вай!"
Видишь, Тегеран — твой!

Шах любезный, до конца продолжай со злом союз!
Я богатство накопил — где ж он, мой бесценный груз?
Это всё бы ничего — я за жизнь свою боюсь.
Как бычок, ты с детства был с толстой шеей, толстопуз.
Стянут мой живот теперь, мне не повезло, поверь!!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, да это ж рай:
Мясо ешь и шерсть сбирай!
Ведь еще баран — твой!

Дал я клятву, но, увы! Я ошибся! Это — бред!
Вот к чему меня привел злой Кямиль-наши совет!
Вздумав подражать тебе, я нарушил свой обет.
Ведь присяге роковой был я верен столько лет.

Рухнул мой оплот теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: "Вай-вай!"
Ведь еще айран — твой!

Стон рабов родил гроуз — мне удара не отвесь.
Я злодействами успел и аллаху надоесть.
В Салоники я попал, там большая крепость есть:
Стал изгнаником султан, потерял и трон и честь.

Крепко заперт вход теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, беги давай!
Не кичись, уйми свой лай!
Ты с меня бери пример:
Гнев рассудком усмиряй!
Я клянусь творцом земли —
Ты же смертен, Мемдели:
Твой баран уйдет из рук,
Твой кальян уйдет из рук,
И не только Тегеран —
Весь Иран уйдет из рук!

3 мая 1909

Ах вот как здесь поставлены дела!
Здесь вместо школы сущий кавардак!
Детей здесь учит вовсе не молла,
А сумасшедший, взбалмошный чудак.
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Он внес хаос в грамматику, ей-ей!
И "а" и "б" не знают места в ней.
Он, как ишак, "е" тянет вместо "ей",
Где надо мягкий, твердый ставит знак...
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Чудак учитель, он же сумасброд,
Толкует каждый слог наоборот.
За весь его хваленый огород
Гроша б я не дал! Где уж там пятак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Учитель строг: то вслух велит читать,
То под диктовку начисто писать,
То вдруг выводит в школьный сад гулять,
Из кротких малых делает гуляк!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

А то, глядишь, открыв окно во двор,
Полсотни ртов поют, представьте! Хор!
Комедия! Не школа, а позор!
Да разве бы молла позволил так!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

"Земля кругла, — плут детям говорит, —
И вертится она, а не стоит".
И делает при этом важный вид Гяур!
Отступник! Нашей веры враг!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Совсем не дорожат уж стариной!
Молла для ледов был величиной,
Одною шапкой спорить мог с луной!
А нынче что? Не шляпа, не колпак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Теперь любой мошенник — грамотей!
Напялит феску, в школу мчит скорей
И ну вещать про разных жаб и змей.
А простофили ахают: "Мастак!"
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Каков бы ни был новый лад житья,
Обычай ледов чту достойно я
И впутать в грех не дам свое дитя!
Здесь каждый час безбожием набряк,

Здесь вздор несут и сеют ложь и мрак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!
Срамить и презирать
Такую школу надо
И чаще посыпать
Ее в объятья ада!

17 мая 1909

ПРОДАЮ!

Молла! Я от власти теперь в стороне,
Пускай надо мною смеются в стране!
Даю объявление: я счастлив вполне,
Открыв распродажу по сходной цене,
Я множество всяких вещей продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Торговля широкая! Выбор богат!
Здесь — всё, что хранили Джемшид и Губад!
Иные иранцы упрямко хотят
Внести в мое дело разор и разлад.
Но что мне до этих затей?! Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Большое владенье — большая беда!
Оно огорченья приносит всегда!
Что Каспий соленый? Морская вода.
Пусть кто пожелает — продам без стыда.
Я знамя твое — о мой Кей! — продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Мне свет — ненавистен. Пусть будет Иран
Темнейшей, невежественнейшей из стран!
Я город оставил, я дикостью пьян!
Я большие не шах! Я всего только хан!
Сюда!.. Сабзавар, Меялей продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Имущество ваше и платье — мое!
И совесть и стыд без изъятия — мое!
Всё ханство Каджаров со знатью — мое!
Продажа страны — вот занятие мое!
Что вам до торговли моей?.. Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Чем мне ограничивать шахскую власть,
Чем мне под влиянье народа подпасть,
Чем армию слушать и жизнь свою клясть,
Уж лучше быть хамом и пьянствовать всласть!
Эй, кубок налейте полней... Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

7 июня 1909

ПАХНЕТ ОБМАНОМ

"Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?"

— "Шах велик! он правитель наш, он покровитель народа!
Пусть желанья твои расцветают смелей год от года!" —
"Вот спасибо! Но часто, увы, при крутых поворотах
Отвечает нам эхом в ущелье пустая порода.
Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?"

"Не хочу с тобой спорить! Невежда, подумай хоть малость.
Шах из рода Каджаров — великая честь нам досталась.
Не сегодня, так завтра! Подумай, какая в том жалость?
Конституция, брат, неспроста под сукном залежалась.
Неспроста конституции шах не дает мусульманам.
Шах велик и правдив. Ты не смешишай правду с обманом".

"Брось душою кривить! Правде в очи взгляни хоть однажды.
Шах несчастен! Ну да. Это знает на улице каждый.
Он страдает, бедняга, томимый духовною жаждой!
Ну, не тяжко ль народ свой в неделю обманывать дважды?

Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?"

14 июня 1909

ТЕБЕ ВО БЛАГО

Усердье, что явил ты столько дней, — тебе во благо будь!
Твоя страна — ведь шахствуешь ты в ней — тебе во благо!
буль!

Любой кутеж в тени твоих аллей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!
С тех пор как место предков дорогих ты занял, Мемдели,
Ты лишь о горьких нуждах помышлял своей родной земли.
Усилил справедливость ты, как мог, — аллах твой век продли!
Себе и внукам славу ты добыл; вас чтут вблизи, вдали!
Неутасимый свет твоих путей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

Хвала обетам искренним твоим, твоим словам святыц
И, данным в подкрепление тем словам, веленьям золотыми
Корана, которым клялся ты не раз, — стократно он хвалим!
И приванным тобой со всех сторон — хвала гостям твоим!
Веселый пир в кругу твоих друзей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

Чего-чего ты только не совершил, чтоб у служить стране,
В которой независимым ты был владыкою вполне!
Теперь тобой гордится вся земля, а твой Иран — вдвое!
Гордится честью, именем твоим — ты, шах, в большой цене!
Оценка справедливейших людей — тебе во благо будь!
Усердье, что являл ты столько дней, — тебе

во благо будь!

Страна, живущая шесть тысяч лет, — пойми, шесть
тысяч лет! —

Такого шаха, как Мамедали, еще не знала, нет!
Желаниям, убеждениям святым, мечтам твоим — привет!
Твоя забота — милость лишь одна, в твоей стране
расцвет!

Твоя корона в зареве лучей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!
И цепи, что наброшены тобой, о шах, на шеи львов,
И сабли, что умели не щадить тех избранных голов,

И те дома, которые ты сжег, те тысячи домов, —
Все, все твои деяния, Мемдели, достойны лучших слов!
О сын Умми-Хаган, размах тех дней — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

12 июля 1909

* * *

Опять пеймется голытьбе — умерь ее, аллах!
Взыграла кровь у персиян, и мести блеск в очах!
Вельможи тоже хороши — попрятались в кустах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Горит нутро, не погасить, всех бед моих не счесть!
От Мемдели от сироты пришла дурная весть:
Спихнули с трона, говорят, и в грязь втоняли честь,
Беднягу консул приютил: царю был другом шах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Нет, право, я не ожидал, — негодовать к чему?
И с прошлым, добрым и благим, нам порывать к чему?
Мы ж не османцы! Мы есть мы, — нам бунтовать к чему?
Страцаю? Или глухи вы? Но ведь наступит крах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Злодеи вы — еще бы год покейфовать ему!
Не зная никаких забот, покейфовать ему!
И, обирая свой народ, покейфовать ему!
Но нет, прогнали, трон отняв, печаль в его глазах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Ну, чем не угодил он вам, мой бедный сирота?
Ходил по вашим головам мой бедный сирота? Что, что?
Не слышу!.. Шум и гам!.. Мой бедный сирота!
Гореть в аду он обречен, проклятье на устах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Что? Прикарманил он казну? Но разве только он?!
И силе подчинил страну? Но разве только он?!

Нарушил клятву не одну? Но разве только он?!
Где ж состраданье? Совесть где? Их нету в земляках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Толкуют все: "Свобода!.. Тыфу! Кому она нужна?
Не знала горестей и бед шесть тысяч лет страна!
Был рай... Увы, пришли теперь другие времена,
Грохочут пушки, льется кровь, всё нынче пыль и прах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Как горд и важен Синехдар — ты только погляди!
И баихиарон вождь — сардар — ты только погляди!
И в бой идут и млад и стар — ты только погляди!
Ну и дела!.. Каков порыв! И дух един в войсках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Тьма-тьмущая вокруг вождей идут, идут войска.
"Эй, Мемдели! — ему грозят. — Победа уж близка!"
В три дня спершилось — нынче трон усопшему доска, —
Сбежали ханы, шах бежал — какая прыть в ногах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Златые были дни — ушли: красоток быстрый пляс,
И пежий стан, и томный взгляд огнем горящих глаз,
И ханы, слуги, верный страж — отброшено всё враз!
И ханом нынче стал Ефрем, и держит меч в руках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Шах знает, грабить где и красть, — приучен, ибо шах!
Про пузо знает и про пасть, — приучен, ибо шах!
Кого, когда на плаху класть, — приучен, ибо шах!..
д стон народа — это ж звук: растает в небесах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Ну да, а пламя всё сильней, — я разве не о том?
И с гневом не шуты, ей-ей! — я разве не о том?
А впрочем, что жалеть людей? — я разве не о том?
К тому же к подданным своим давно приучен шах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

ПАРОДИЯ НА ЛИРИКОВ

Твой лунный лоб пленил меня, тревожка и мания,
Джейраны страстные глаза твои полны огня.

И, как колодцы в знойный день, две ямки на щеках,
И губы — мед, и тело — лен, и брови — тетива.
И шея блещет, как графин, и стан с чинарой схож,
И с плеч спадает ливень кос, как за змеей змея.

И, как ишеничное зерно, веснушка у виска...
Ха-ха! Ты чучела смешней, красавица моя!

26 июля 1909

ВЫКЛАДЫВАЙ!

Н а р о д

Зилли-султан! Ты нам грозил — и всё у нас потом забрал,
А ну, выкладывай сюда всё, что, свистя кнутом, забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д

Ведь ты в Европе проживал! Зачем же ты бегом-бегом
Опять направился в Иран? Не ожидал, что грянет гром?
Ты сам дал повод, чтоб тебя всемиши в этот серый дом!
Теперь ничем уж не помочь! Сиди, любезный, под замком!
Попридержи язык! Верни, что ты, чиня разгром, забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что со своим двором забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д

Припомн по порядку всё, что ты готов забыть сейчас:
Как ты сливал в бутылки кровь, лишая этой крови нас,
Как летом на зиму сушил плоды чужие про запас!
Хоть вылезут глаза на лоб, срыгни, срыгни-ка всё зараз!
Попридержи языки! Верни, что ты у нас живьем забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что со своим зверьем забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д

В стране полвека ты, злодей, свои обдевывал дела,
К тебе в готовом и в сырому — во всяком виде пища шла.
Не скаль клыков: довольно ты принес народу бед и зла!
Снимай-ка саблю, что тебе побед немало принесла!
Попридержи языки! Верни, что ты у нас мечом забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что вместе с палачом забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д

Народ иранский, как лягтя, тобой был в люльке усыплен.
Следила стражка, чтобы он, заплакав, не прервал свой сон.
Но вы забились по углам, едва зашевелился он.
Выкладывай, Зилли-султан, что натаскал со всех сторон!
Молчи, подай сюда добро, что ты петлей, ружьем забрал!
Выкладывай сюда всё то, что ты у нас с ножом забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

ПОДРАЖАНИЕ ФИЗУЛИ

Имей я стыд, да разве смерть я не призвал бы сам тогда?
Будь честен, разве пред людьми не вскрыл бы весь
свой срам тогда?

Умей от недругов друзей я хоть немножко отличать,
Да разве б подошел Шапшал иль Фазлумах к делам тогда?

Когда бы я предвидеть мог ваш ход, Асад и Сипехдар,
Да разве вражеских голов я не отсек бы вам тогда?

Когда бы мог я обрести в Иране тихий уголок,
Да разве счастлив, как султан, я не был бы и впрямь
тогда?

Когда бы знал я, что народ меня страхиет, да разве б я
С добром в карманах не удрал, на зло моим врагам, тогда?

Смекни я, что из рук моих уйдет когда-нибудь Иран,
Да разве б не смешал его я с пеплом пополам тогда?

А в миг, когда Таги-заде меня отверг, имей я власть,
Да разве б жалкий труп его не пал к моим ногам тогда?

Пусть говорят, что Мемдели мечтой в Одессу унесен, —
Но разве, получив Менджиль, не зажил бы я там тогда?

13 сентября 1909

СКАЖИ, ЗАЧЕМ?..

Эй, проповедник, ты певцов клянешь, скажи, зачем?
С недоброй тучей, с тьмой ночной ты схож, скажи, зачем?

Хоть весь народ неверным стань — ты глазом не моргнешь.
Но тех, кто понял твой обман, ты жжешь, скажи, зачем?

Воров проклятьями громишь, твердя: "Мир — суeta!"
Но, если это так, — тебе грабеж, скажи, зачем?

Приснилось мне, что ты в раю средь гурий ликовал,
О ночь, ты мне такие сны несешь, скажи, зачем?

Ты лицемерие клеймишь всечасно, как порок.
Но каждый день ты множишь ложь на ложь, скажи, зачем?

Я вовсе лживости твоей не думал испытать,
Ты сам о ней душе погнать даешь, скажи, зачем?

О, не рассчитывай, что нас ты сможешь обмануть,
Но простодушных ловишь в сеть ты все же, скажи, зачем?

20 сентября 1909

* * *

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем,
Человеческий образ утратим и ползать начнем.

Если мы пожелаем спокойно по-прежнему жить —
Проклянем все науки, потребуем школы закрыть.
Сталем ямы коварства, как прежде, для ближнего рыть,
А простому народу полезно в невежество быть.
Пользы в знаниях нет, а вреда не исчислить потом.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем!

С головой одеялом накрайся, чтоб крепче заснуть.
Чтоб никто не будил, надо уши получше заткнуть.
И пускай суеверными снаами волниуется грудь.
Ты проблемы ислама и нужды народа забудь!
Пусть друзья наши плачут, а радость владеет врагом.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Всех разгоним мы, кто о науках болеет душой.
Жизнь отравим им, чтобы бежали их сон и покой.
Мы уйти их принудим, пусть в край уезжают чужой.
Будем жить без наук, но зато со спокойной душой.
Мы народ неученый всегда за собой поведем.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры дерзают, как птицы, на крыльях летать,
Правоверные могут полеты во сне совершать.
И еще поученье ахулиа нельзя забывать:
"Мир ничтожен, нельзя ему сердце свое предавать.
Вот когда мы умрем — мы блаженство в раю обретем!"
Так погрязнем в невежестве, век в темноте проживем.

Жизни будущей образы — в снах. Презирай эту явь
И жиши в сновидениях. Мир этот ложный оставь.
Спи! К чертогам эдема полет сновидений направь!
Насылающих сны благодатные духов прославь.
Счастлив тот, кто в мечтаньях живет, упивается сном.
Так погрязнем в невежестве, век в темноте, проживем.

Спи, и в сонном виденье откроется рай пред тобой,
И гылманов и турий пленительный явится рой.
Спать голодным ты лег — наслаждайся небесной едой.
Пусть владеют гяуры с шайтанами грешной землей.
Реять в ангельском сонме мы будем в виденье ночном.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры в искусствах достигли великих высот,
Пусть их изобрели телеграф, паровоз, пароход. —
Заплати за билет — и тебя паровоз повезет!
Не пристало с неверным тягаться тебе, мой народ.
Лучше в рабстве, как прежде, влечиться

под чуждым кнутом.

Погрузимся в невежество, мирно свой век проживем!

11 октября 1909

* * *

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Что там слава мне, что там знатный род!
Облик, совесть, честь и душа — не в счет!
Будь в пороках ты с головы до пят —
Лишь мошна тебя от невзгод спасет!
Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Пусть таланта нет и не блещет ум —
Миллионщику не до мрачных дум:
Хоть злодеем будь, все же, когда умрешь,
Окружит тебя вечной славы шум.

Человек с мешкой — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Ты бессовестен? Не беда опять!
У народа кровь не бросай сосать!
Наберешь слишком пять грошей с лихвой —
Уважать тебя станет наша знать.
Человек с мешкой — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

25 октября 1909

НЕ ДАЮ!

Дорогой Насреддин, погляди: пред тобою купец Хан-киши!
До чего и квартира, и дом, и имение его хороши!
На богатство, на лавки его, на доходы взглянуть поспеши!
Изучи эту совесть, и честь, и сокровища этой души
И ответь нам: с подобной душой может стать
благодетелем он?

Иль скорее с подобной душой он накопит себе миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Хан-киши — не бездомный бедняк; хлеб, конечно,
у знатного есть.

Хлеб-то есть, разумеется есть, только сил не имеет он есть.
Страсть его только в том, чтоб копить, чтоб считать
и считать, и не счесть.

Быть владыкой колонн золотых он почел бы за высшую
честь.

Ты ответь нам: с подобной мечтой может стать
благодетелем он?
Иль скорее с подобной мечтой он накопит себе миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Не сочтешь на лугах у него и овец, и коров, и коней.
Стань их больше хоть в тысячу раз — он во столько же
станет жадней.

Поклоняется золоту он чуть не с первых младенческих
дней.

Ты не думай, что я клевещу, — сам он скажет: нет слова
честней!

Ты ответь нам: с подобной чертой может стать
благодетелем он?

Иль скорее с подобной чертой он накопит себе миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Очень стар он, ему уж восьмой иль девятый десяток идет.
Вся семья его — он да жена; на двоих целиком весь доход.
С каждым годом богатство его, с каждым месяцем,
часом растет.

Всё фальшиво у старца: аршин, и пудовая гиря, и лот!

Ты ответь нам: с подобной лихвой может стать
благодетелем он?

Иль скорее с подобной лихвой он накопит себе миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Десять шаек — полтинник один — всё, что за день
расходит плут.

Хоть монеты в его сундуки так и катятся, так и бегут.
Станет деньги считать кто-нибудь - у него уже слюнки"
текут.

Он от жадности лаять готов, как собака голодная, лют.
Ты ответь нам: с подобной слюной может стать
благодетелем он?

Иль скорее с подобной слюной он накопит себе миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Говорю ему: "Эй, Хан-киши, о кончине подумать пора!
Ведь другому достанется всё - и супруга и горы добра!" —
"Что решать за судьбу?" — говорит. — Ведь ко мне
она с детства добра.

Может, раньше супруга умрет, хоть не очень она и стара?.."

Ты отвѣтъ намъ: съ подобной судьбою можетъ стать
благодетелемъ онъ?

Иль скорѣе съ подобной судьбою онъ накопитъ себѣ миллионъ?
И пристойно лѣкъ къ такому лицу обращаться за милостью намъ?

"Ты бы выделилъ часть, говорю, на поминъ многогрешной души
Да на школы, чтобъ чтили тебя, что-нибудь, говорю, отпиши!"
Онъ въ ответъ: "Ни копейки не дастъ на такие дела Хан-киши!
Можешь самъ оставлять ты добро для помина своей же души!"
Ты отвѣтъ намъ: съ подобной душой можетъ стать

благодетелемъ онъ?

Иль скорѣе съ подобной душой онъ накопитъ себѣ миллионъ?
И пристойно лѣкъ къ такому лицу обращаться за милостью намъ?

Насрединъ! Пусть и трудно тебе, всѣ же выполнитъ
просьбу мою:

Объяви неотложно друзьямъ, — я отъ нихъ ничего не таю! —
Чтобъ на школу никто не просилъ у него, — онъ не буде въ раю!
Ибо онъ мнѣ вчера заявилъ: "Что стесняться въ своемъ же kraю?..
Я не трусъ, я открыто скажу: "Не даю! Не даю! Не даю!""
Ты отвѣтъ намъ: съ подобной моншой можетъ стать

благодетелемъ онъ?

Иль скорѣе съ подобной моншой онъ накопитъ себѣ миллионъ?
И пристойно лѣкъ къ такому лицу обращаться за милостью намъ?

29 ноября 1909

ЛУЧШЕ ПРОПАДОМЪ ПРОПАСТЬ!

Лучше пропадомъ пропасть и не думать ни о чёмъ,
Чемъ дышать, и понимать, и гореть въ огнѣ такомъ!

Жилъ бы съ темными людьми тоже темный человекъ —
И тенета темноты рвать не вздумалъ бы вовекъ.

Принималъ бы, не кривясь, горечь снадобий, какъ медъ,
Пелъ бы песенку свою, какъ въ мечети плутъ поетъ.

Подтверждалъ бы всѣ, что онъ слушателямъ лжетъ своимъ,
Связанъ, взнудзанъ, запряженъ, мирно тялелся бы за нимъ.

Что поделаешь теперь? Дело сделано — и ты
Мукъ немало перенесъ отъ хулы и клеветы.

Хватит жалоб! Никого не вини в своем краю:
Что б с тобою ни стряслось, на судьбу пений свою!

Отвечай, зачем ты стал различать добро и зло?
И зачем "кукареку" спел, хотя не рассвело?

Правоверным был бы ты, соблюдал бы дни поста
И смиренно б лобызал руки, ноги у плута.

А теперь — или казнись ты за все свои дела,
Слыши, как тебя клянут из-за каждого угла!

6 декабря 1909

НЕТ, НЕ НАПИШУ!

Твой, Молдай, котел бушует — не шути!
Ты предводитель всех, кто сбит, сошел с пути!
Как за весной твоей осенним днем прийти,
Когда со всех сторон к тебе несут статьи?
А мне отсюда — как? Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Народа не задев, тайком не напишу!

Вовек в мое письмо не просочится ложь,
И, как моллу, меня за взятку не возьмешь!
Гаджи-Кязиму честь я не продам за грош
И не соглу Фахри: "Свободной ты живешь".
Ну, как советуешь: тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Коль не вольюсь в поток, рывком не напишу!

Я, заключив кябин, не растекусь медком
И в сторону Фахри не погляжу тайком.
Молитву став читать, не ошибусь ни в чем,
Гаджи-Бадала я не подразню потом, —
Чтоб за глаза не клял!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!

Уж лучше я тебе потом не напишу.
Коль так черкиу, то сяк добром не напишу!

Ласкаться к богачам я никогда не мог.
Коль грустно, я грущу: фальшивый смех — подлог!
Не стану чистить я у пристава сапог.
Достоинство свое храню я, видит бог!
Тебя не посрамлю!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу,
На телеграф пойду — письмо не напишу.

Картежник, отойди! Подарка не приму!
Сомнительный доход мне просто ни к чему!
Чтоб дали мне почег, я не сошлюсь на тьму.
Оставшись, ничего не украду в дому,
Не то — потерян стыд! Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
На ветер никогда в твой дом не напишу!

Я проповедь скажу — и ей поверю сам.
И, прежде чем народ, свой грех огню предам.
Мои слова легко проверить по делам,
А плохо поступлю — приму на душу срам!
Сам постыжу себя!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Прогонят из дома — о том не напишу!

Я не из тех, кто льстит, а за глаза клянет,
Ругает про себя, а вслух — наоборот!
Не лицемерю я: передо мной — народ!
А лицемерю — кто меня стыдом проймет?
Уж разве что аллах!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Начну хитрить, займусь трудом — не напишу!
Решив идти с тобой, я вспять не поспешу!

ПАХАРЬ

Весь мир в чудесных солнечных лучах,
У пахаря сегодня гордый шаг.

Хотя железный плуг велик, тяжел,
Его усердно тянет крепкий вол.

Взрыхляет землю пахарь, весь в поту,
Бросает зерна в землю, в темноту.

И чем работа жарче и трудней,
Тем больше у него охоты к ней.

Он знает: только мужество и труд
К заслуженному счастью нас ведут.

Пусть ныне трудно, но зато зимой
Придут к нему и отдых, и покой.

Он с поля добрый урожай сберет,
Прокормит и семью, и свой народ.

1909

* * *

Отшельник верит, что во сне при жизни рай он обретет,
Что он над бездной в райский сад, как тень крылатая, порхнет.

Едва уляжется, во сне — гылманы, гурин пред ним.
Проснется — вспоминает сон, молитва в голову найдет.

По мнению этого балды, рай — что-то вроде Бухары,
Где на большом базаре он притон с гылманами найдет —

И в этом цель его молитв. И ведь уверен старый плут,
Что он молитвою своей людей и бога проведет.

Да если не во сне найдет, а наяву подобный рай,
Он мигом набожность свою продаст и глазом не моргнет.

Ты дай ему земной гарем, и вволю есть, и пьяно пить —
Забудет он поклоны бить и четки в угол зашвырнет.

И если бы ему внушить, что, мол, безбожье — эликсир, —
Неверье с верою смешав, он в ересь новую впадет.

3 января 1910

* * *

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

Кавказцев старых ты видал? Храбрецы!
Мы все с энергией, с умом — молодцы!
Речисты мы, говоруны, мудрецы!
А как до дела — мы в плену суетни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Вон где река, а мы уже босиком!
Едва весна — уж мы в огне целиком!
Даем мы слово — и в кусты кувырком,
И что не сдержим мы его, — не вини!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Пускай заснет весь мир, но нам не заснуть:
Ведь гордость нации хранит наша грудь!
Своих друзей мы никому, не забудь.
Не продадим за жалкий грош! Ни-ни-ни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Не по лучше ни козни нам, ни раздор.
В работе яростны мы все с давних пор.
Вот так выводим мы ислам на простор!
Мы служим нации своей! Мы одни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Ах, сколько обществ — погляди! — есть у нас.
Для дела время впереди есть у нас.
Желаний множество в груди есть у нас.

Ах, ликованье и восторг нам сродни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

В kraю открытых нами школ не сочтешь.
Искусствам помогли рублем все мы сплошь.
Мы нарушили свой обет? Это ложь!
Скорее строгий приговор измени!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Чернорабочих или слуг — нет у нас!
Несчастий, нищеты и мук — нет у нас!
Не занятых работой рук — нет у нас!
На счастье нашей детворы ты взгляни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Исполнен наш отцовский долг целиком,
Детей мы любим, мы для них и живем.
Еще плоды своих трудов мы пожнем,
Когда зайдутся сыновья воровством,

Когда под стражею войдут в серый дом..
К блаженству нацию свою мы ведем!
Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

10 января 1910

Среди руин Ширвана никогда
Я радости не знал за все года.

Одним страданьем век наполнен мой,
Мне стала родина моя тюрьмой.

Я вместо счастья видел столько зла —
И прахом, прахом жизнь моя пошла!

Не знал я друга в этой стороне,
Мои друзья врагами были мне.

В приятелях я недругов нашел,
Удел же одиноких так тяжел!

Чем больше терпит человек в пути
Мучений, тем трудней ему идти.

Чем больше человека давит гнет,
Тем к избавлению он быстрей идет!

И вот иссякли силы у меня:
Хоть и Сабир, я не терпел и дия!

Не стал никто опорой земляку —
И, гордый, я направился в Баку.

Поэт расстался с родиной своей,
Заветный сад оставил соловей.

Что мне сулил, что дальний значил путь?
Готовый ко всему, я начал путь!

Закончить все дела помог мне бог,
Хотя бежать никто мне не помог.

И, наконец, увидел я Баку —
Возвышенных и чутких душ края!

Принес мне вдоволь сахару тростник,
На пальме упований плод возник.

О, сколько здесь отзывчивых людей
Для истомившейся души моей!

У каждого — высокая мечта,
Мечта с мечтами общества слита.

Сознательности с верностью союз,
Несокрушимый дух, тончайший вкус!

Но в славном этом обществе, мой друг,
Я сердцем одного приметил вдруг.

Летами молод, опытен умом,
Почтенностью отмечен он во всем.

Прекрасный и душою, и собой,
Он благодатной наделен судьбой.

Чисты его и думы, и дела,
Ему — тысячекратная хвала!

Доверчивый, доверья ищет он,
Но ишакий им не будет пощажен!

Достоин он желанное найти,
Быть за свои деяния в чести!

Нет, к вероломному такой почет,
Поверь ты мне, вовеки не придет!

Коль человеком назовешь плута,
То это будет злая клевета.

Мы только верность в человеке чтим,
А называться всякий может им!

О ты, земляк чистосердечный мой,
Ты к радости открыл мне путь прямой!

Я знаю каждого — ведь я поэт,
И дорог мне радушный твой привет.

С тобою дружбы не было у нас —
Откуда ж эта теплота сейчас?

Всё оттого, что чувств мы не таим,
Всё благородством рождено твоим!

От солнца — свет и благодать кругом,
От тучи — гром и молния с дождем.

От пальмы — финик, от дурмана — яд,
А с ивы только листья к нам слетят.

Так добрая душа всегда добра!
Так нам от злого не видать добра.

Когда хоть малое добро творят,
Понятливый благодарит стократ.

Чем я воздам за тьму твоих услуг?
Стихи — вот всё, чем я богат, мой друг!

Добро иль зло поэту окажи —
Он всё опишет без малейшей лжи!

Как я скажу, что был ты нехорош?
Куда с пути пристойного свернешь?

Молю я провиденье лишь о том,
Чтоб окружило милостью твой дом,

Чтоб за свои дела благие ты
Сполня осуществил свои мечты!

Желаю многих радостей тебе!
Благословение твоей судьбы!

С возлюбленною в дружбе ты живи,
Любовь и мир твой брак благослови!

Да будет весел круг друзей твоих,
Да будет враг твой немощен и тих!

Услышь мое желание, аллах!
Так молится Сабир в своих стихах:

Пускай заботы друга не томят,
Пусть участи своей он будет рад!

20 января 1910

МАРШ СТАРИКОВ

Хоть я годами староват, но, как верблюд, силен.
В моей упряжке, говорят, пять-шесть красивых жен.
Сегодня — на одной женат, а завтра — разведен...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Надену перстень золотой, на нем сверкает лал.
Покрашу я бородку хлой — и сам я засверкал!
Вовек красотки молодой мой глаз не пропускал...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Блюду я свято уразу, творю всегда намаз
И умиления слезу готов пролить из глаз,

В молитвах гурию-красу воображу не раз...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Аскетом пред людьми держусь, закутавшись в абу.
Кротчайшим ангелом кажусь, за всё хвалю судьбу.
Пройдет девчонка — встрепенусь, должно быть, и в гробу...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Когда порой случится мне увидеть на пути
Дитя прелестное вполне лет, скажем, десяти,
Рукой спешу по голове, по глазкам провести...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

О страшном божеском суде я рассуждай вслух.
Я с просвещеньем во вражде, оно мутит мой дух.
Курятники мои — везде, в них я один — петух...
Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

29 января 1910

МАРШ УМНИКОВ

Любой из нас, считай, гусар-интеллигент:
Девиз у нас один — не дрейфь, лови момент,
В неделю раз смени красотку в шелке лент!
Долой пустой закон гнилых семейных пут!
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут! —

С невеждами дружить — один самообман.
Не надо женщин нам из круга мусульман!
На черта нам Фатъма! Плевать на Тукезбан!
У нас на Аию глаз! У нас на Сопо зуд!
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

Находятся глупцы, читают нам мораль,
Но критиков таких, сказать по правде, жаль.
Одернуть темных их открыто не пора ль:
На что он сдался нам, ваш дряхлый, глупый суд?!

Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

Подумать только: им, неграмотным ханжам,
Неважно, что мы все привыкли к кутежам,
Что вместо верных жен неверных любим дам!
В укромном кабаке находим мы уют!
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

Высок наш интеллект, как луч на маяке!
Зазорно нам болтать на тюркском языке!
Он должен быть от нас, разумных, вдалеке.
По-турецки говорить для нас постыдный труд!
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

Пусть даже пользу мне порой несет она,
На тюркском языке газета не нужна.
Простой язык отцов! Какого в нем рожна?!

Пускай газета — там, а я — с бочку, вот тут.
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

Мы рады бы пригреть в своих сердцах ислам,
Но с неучами как общаться, умным, нам?!

Забава — в клубе днем. Услада — по ночам.
Начхать нам свысока на всякий пересуд!
Мы — бравые орлы! Дела у нас идут!

12 февраля 1910

К ДЕТЬЯМ-ШКОЛЬНИКАМ

Дитя рождается у отца в дому,
Расти в объятьях матери ему.

Отец идет работать каждый день,
Какой бы ни был труд — ему не лень.

Без отдыха, всегда неутомим,
Он ищет счастья малышам своим.

Всегда в поту, почти голодный сам,
Он добывает хлеб своим птенцам.

Всю ласку детям посвящает мать:
Дитя не спит — и мать не станет снать.

Бедняжка гонит сон от глаз своих,
Чтоб сон младенца сладок был и тих.

Покой оберегая, то и знай
Она качает ляльку: "Баю-бай!"

Ах, сколько в детстве горя и забот
Родителям любой из нас несет!

Мы, ныне заменяя их в пути,
Должны путем завещанным идти.

Спросив у них согласья каждый раз.
Получим мы полезный их наказ.

"Наш рай лежит у материнских ног", —
Священные слова мудрец изрек.

Должны мы истины рабами быть,
Должны послушными сынами быть!

Дитя, которое не чтят отца
И матери не служит без конца, —

Весь век свой будет жалким и пустым
И не проявит верности другим.

О, дети! Детства золотые дни —
Основа жизни будущей они.

Кто с радостью за свой берется труд,
Чьи знанья каждый день и час растут,

Тот получает счастье от труда,
Спокойна совесть у того всегда.

А тот, кто знает только лень и сон,
Кто играми одними увлечен,

Кто подружился с темнотою, тот
Всю жизнь свою страдальцем проживет.

Мои родные! В жизни два пути,
Но лишь одним вам надобно идти.

Вы ни минуты не теряйте зря,
Живите, жаждой знания горя.

Работайте не покладая рук:
Достоинство исходит от наук.

Должны вы счастье новых лет добыть,
Должны вы честь и славы свет добыть.

Народная надежда в вас живет,
Об этом вечно говорит народ.

К речам его склоните жадный слух,
Не будь никто к его призывам глух.

Спасите жизнь народа своего,
Залогом счастья будьте для него!

14 февраля 1910

БОЖЕСТВО ВЫ МОЕ!

Деньги, вы свет моих глаз: — всё существо вы мое!

Вы бережливость моя — не мотовство вы мое!

Роскошь, величье, почет, власть — торжество вы мое!

Мекка, Медина, Коран — с богом родство вы мое!

Вера, святыни, мораль, честь — божество, вы мое!

Годы и годы провел я в добывании вас.

Пусть я совсем изнемог — вас я немало припас.

С вами навеки душа в смертный останется час.

Сила, и радость, и жизнь — всё существо вы мое!

Вера, святыни, мораль, честь — божество вы мое!

О вы, жестокие! Вам жизнью пожертвовал я.

Мир наслажденья от вас мне — как венец бытия.

Слышиу наследников торг, близится гибель моя.

В чей же карман вам попасть? О волшебство вы мое!

Вера, святыни, мораль, честь — божество вы мое!

Деньги, уж вам не лежать в прочных моих сундуках.

Тратить вас в тысяче мест каждый начнет вертопрах.

Вас в ресторанах сожгут, в клубах и в прочих местах.

Будут вас грызть, говоря, мол, плутовство вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Ах, наступил, наступил час вашей муки большой.

Чуя несчастье, моей вы завладели душой.

Грудь моя вами полна, мозг мой для вас не чужой.

Словно красавица — страсть и колдовство вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Если бы мог, никогда я не оставил бы вас!

Смерть, не считаясь ни с чем, вас удаляет от глаз.

Знайте ж, я буду шептать даже в последний мой час:

"Деньги, вы свет моих глаз — всё естество вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!"

19 февраля 1910

БЛАГОДАРНОСТЬ

На нашу улицу, моллы, пришел байрам сегодня!

Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Закрыть решили школы мы — всё зло от просвещенья,

Но если власть в чужих руках, как выполнить решенья?

Чем больше школ, тем меньше к нам в народе уваженья,

Забыли люди про мечеть и жертвоприношенья,

Росли печали с каждым днем, а где взять утешенья?

Теперь возрадуйтесь, друзья, окончились мученья!

Отриньте от себя печаль, воскрял наш храм сегодня!

Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня! —

Нет слов таких, чтоб восхвалить ваш ум, миссионеры,

В Санкт-Петербурге был совет на благо нашей веры.

Какой резон для мусульман открыть в науку двери?

Родной истории зачем им нужно знать примеры?

Зачем им алгебра нужна и прочие химеры?

Нет, право, ни к чему о них заботиться сверх меры!..

Хвала аллаху — проклянем весь этот срам сегодня!

Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Миссионеры, зная толк во всем, взялись за дело.
А что же нам сидеть? И мы пойдем за ними смело!
Ведь мы отцы святых наук, хоть тело затучило,
На школы ринемся мы в бой, бой поведем умело!
Позор! Дитя невежды вдруг учиться захотело,
Чтоб душу дьяволу продать, а вместе с ней и тело..
Но нынче праздник наш, и мы сметем сей хлам сегодня!
Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Миссионеры, будьте вы творцом благословенны!
Един аллах на всей земле, могучий и нетленный,
Утихомирил мусульман порыв ваш вдохновенный!
Не будет большие школ у нас, обрушатся их стены,
С землей сровняет их поток, бурлящий, многопенниый,
Получат горлопаны враз урок весьма отменный!..

О!.. Безработный педагог для нас — бальзам сегодня!
Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

21 февраля 1910

ПЕСНЯ НАЦИИ

Мир усердьем удивив, ты ушла вперед теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Очень много всяких дел ты свершила тут и там.
Нас на секты разделив, укрепила ты ислам.
Счета нет твоим делам, счета нет твоим словам.
Видишь, не один народ сзади нас идет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Ты, пока весь мир дремал, стала тормошить своих,
Разбудила наконец, возвеличила ты их:
Каждый славу заслужил, высших степеней достиг.
Ты прекрасна в торжество. Кто тебя забьет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

После этого смешон тот, кто действовать спешит.
Мы по-новому живем, и у нас не прежний вид:
Любит школу наш народ и науки свято чтит.
Он ослам и лошадям поезд предпочтет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Чтобы по небу летать, вдруг придумали баллон.
Паровоз, автомобиль — шум и гам со всех сторон.
И о выдумках своих толковать пошли в салон.

Заблудились в новизне. Кто их разберет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Целый мир куда-то ввысь вздумали они поднять.
Ну а мы в загробный мир вознеслись мечтой опять.
Жизни срок — мгновенный срок — мы не вправе сокращать.
Раб таких земных затей в рай не попадет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Иноверных мудрецов, нет, не признает ислам.
Мы вовек не подойдем к их расписанным дворцам.
Ожидать отправки в рай на земле осталось нам.

Встречи с гуриями там мусульманин ждет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

26 февраля 1910

ЖАЛОБА

Зенбур-ага! Стал говорить ты невипад, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам.

Ты набожным доселе слыл — и вдруг такой искренний тон!
Зачем какой-то человек тобой в чалме изображен?
Кто на руках его повис? И что собой являет он?
Ты забываешь всякий стыд, когда молчат, сдается нам!
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

И что за цепи там висят? И кто в цепях закован тех?
С кого ты это рисовал? Над кем и чем, скажи, твои, смех?
Ислама образ осмеять — ужель ты думаешь, не грех?
Ты отдаляешься от нас, твой злобен взгляд, сдается нам!
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Стараясь тайну приоткрыть, ты действуешь наверняка:
Ты добиваешься того, чтоб стала наша жизнь горька.
Ты очень дерзок. Берегись! Возмездье сыщет смельчака!
Тебя не трогают, а ты — наглей стократ, сдается нам.
Ты на обычай напал, на наш уклад, сдается нам!

Допустим, что рисунок твой от сначки пробудил народ.
Допустим, испавиство твоя теперь в сердцах у всех живет —
И всё же нас разоблачать, скажи, какой тебе расчет?
Зря, зря затеял с нами ты такой разлад, сдается нам!
Ты на обычай напал, на наш уклад, сдается нам!

Ты говоришь: связали мы сынов ислама по рукам!
Так что же? Разве это грех? Мы лишили слезы за ислам!
Спасали веру мы свою, а дьявола — ко всем чертям!
Ты, обвиняя нас во всем, сам виноват, сдается надо.
Ты на обычай напад, на наш уклад, сдается нам!

Не станет нас, а кто ж тогда к исламу обратит свой, взгляд?
Всего дней пять пройдет — и вот увиает этот пышный сад.
И новшества войдут в ислам и всё, что свято, загрязнят.
Не понимая нас, бредешь ты наугад, сдается нам.
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Ты ожил, ты повеселел, глаза горят, сдается нам.
Бездельник с книгою тебе и друг и брат, сдается нам.
Любые сплетники к тебе гурьбой спешат, сдается нам.

Послушай, прекрати свой срам,
Исправь свою ошибку сам!
Не то проклятием тебя
Придется опозорить нам!

5 марта 1910

二〇

Шесть десятков лет напрасно погубил я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомнил о тебе я, Ардебиль!
Думал я, что нет прекрасней места в мире, чем Иран.
Думал я, что он приятней всех иных на свете стран,
Думал, женщин нет красивей, чем Фатъма и Тукезбан.

Но в России тьма красавиц, тьма прелестниц, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспоминю о тебе я, Ардебиль!

Полагал я, что для гурий ты, моя отчизна, рай,
Но едва тебя покинул и в другой приехал край,
Встретил я таких волшебниц, что воскликнул: "Ай-яй-яй!"
В каждой нега, в каждой свежесть, в каждой прелесть,
Ардебиль!

Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я. Ардебиль!

Я—в Баку. Чудесный город! За него любой отдашь.
Проплывают в нем, на зависть разным прочим городам,
Вдоль по набережной — толпы восхитительных "мадам".
Всем хорош товар холеный, ты затмился, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомнишь о тебе я. Ардебиль!

Пылко Соню полюбили тысячи таких, как я.
Взоры к рюмке обратили тысячи таких, как я.
О молитвах позабыли тысячи таких, как я,
В прошлом праведников ряных, в прошлом скромных,
Ардебиль!

Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я. Ардебиль!

На балконах, на бульварах вижу дивных этих дев.
В магазинах, в цирке, в парке так и пялюсь, обалдев.
Можно год прожить, наверно, всех, увы, не оглядеи!
Я, признаюсь, растерялся, о, мой боже, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Я, Иран свой покидал, как предписывал ислам,
Ехал только для наживы, ехал только по делам,
И клянусь, что я не думал о красотках, о "мадам"!
А теперь детей забыл я, дом забыл я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Чем красавиц этих больше, тем сильней они влекут.
Я, как юноша, пытаю, и меня желанья жгут.
Но возможности у старца от желаний отстают.
Ограничены стремления ветхой плотью, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомнишь о тебе я, Ардебиль!

Был я тихим домоседом, очень робкий человек,
Но, Иран родной покинув, я границу пересек,
Всё, что я за неё увидел, потрясло меня навек.
Я подавлен и растерян! Боже правый! Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомни о тебе я, Ардебиль!

7 марта 1910

* * *

Достоинство нации — где оно? Нет! Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Гляди, вольнодумец, сторонник свобод пробужден!
Мутитель народа — ученый урод пробужден!
Бесстыжих газетчиков мерзостный, сброд пробужден,
Под кличкой поэта злодей рифмоплет пробужден —
Иными словами, источник невзгод пробужден.
Я думал: неважко, что темный народ пробужден.
Но, прах мне на голову, купчик — и тот пробужден!
Суётся во всё! Справедливости свет? Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

У нации этой был старый прекрасный завет:
Когда покидала душа мусульманина свет,
То, прежде чем будет омыт он и в саван одет,
Лежал он в постели, к нему с уважением зашел,
За чтеньем Корана над ним мы встречали рассвет.
Глава отзвучала — мы рубль получали в ответ:
И нам уваженье, и мертвый, как надо, — отнет.
О, где ты теперь, уваженье? Хоть след?

Не найдешь!

Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Совсем изменились характеры наших купцов,
Как будто они разгадали, что значит наш зов.
Уж нет приношений, стоим у остынивших котлов:
Ни доли — молле! Ну хотя бы какой-нибудь плов!
Хотя бы кусочек халвы! Но и тот не готов!
Хоть много уловок мы знаем, но жалок улов!
Ах, ах, всемогущий, где благо минувших деньков?

Иль мы согрешили, и счастья тех лет не найдешь?
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Когда собирался в святые места богомол,
К творящим молитву всегда за советом он шел.
Он думал о боже, а мы — чтоб сундук был тяжел.
Своими речами его мы спасали от зол —
Мол, нужно, чтоб он освященные деньги обрел
Себе для пути, — это было полезно для молл!
Как жаль, что почет, пилигримов ласкавший, отцвел!
Паломники, где вы? Кто верой согрет? Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

О, если бы в будущем новых не ведать нам бед!
Однако боюсь, что надежды на счастье уж нет.
Проснется народ — и увидят глаза его свет,
И он разберется, где вправду молитва, где бред.
Где предан забвению торжественно данный обет, —
Наложит на взятки, на все подношенья запрет.
Не почесть, а ненависть — нам и павстречу и вслед!
И скажут: "Молла, где роскошный обед?"

Не найдешь!

Долма? И терек? И фирни? И шербет? Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

12 марта 1910

* * *

А ну-ка, бездомный бояк, замолчи поскорей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!
Действительно, мы собрались, чтобы спровести помин.
Да, верно, стол гнется от кушаний разных и вин.
Ажурному блюду под пару хрустальный графин.
Но ты-то при чем тут с поганой сумою своей?
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!
Мы люди имущие, любим кутить-пировать,
К нам в гости приходит одна именитая знать —
Вольготная сытость, вальяжная жирная гладь,

Отборная белая кость, благородная стать,
Зады не обмерить, кули-животы не обнять.

Здесь розы да маки, а ты голодранец-репей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Какое нам дело, что ты отошел и оброс,
Что дети твои собирают на свалке отброс,
И блеют, как овцы, и слепнут с рожденья от слез!

Ты мерзок нам, нищий! Протягивать руку не смей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Зачем богачу вместо важных и гладких господ
Задрипанных пищих одаривать благом щедрот!
Урод, он и есть, как ему ни потворствуй, урод.

И незачем с каждым рваньем обходиться добрей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Запомни, голодная, нудная голь, навсегда:
По брюху краюха, по тонкому вкусу еда.
Чем ждать подаянья, ступай-ка в могилу, балда!
Отведай землицы, сырою водицею запей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Богатому с бедным за общим столом не сидеть,
Чай не гонять, не жевать калорийную снедь,
Заплат не кроить, доморощенных вшей не иметь.
Отстань! Отвяжись! Не торчи! Не канючи!
Не глазей!

Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

29 марта 1910

* * *

Не веришь ни во что, но всем внушаешь веру.
Неужто не устал? Пора тебе знать меру!

Страна твоя во сне, и уж который год
Ты песенкой своей баюкаешь народ.
Куда бы ни пришел — тебе везде почет.
Ницдают все вокруг, а ты наоборот,—
Чем твой народ худей, тем толще твой живот.

Твердишь ты: "Взятка — грех", а сам берешь
не в меру.

Живется хорошо на свете лицемеру!

Твердил про скотный двор, что это божий храм,
В одежды правоты рядил фальшивый хлам.
"Уверуйте!" — кричал, но сомневался сам.
Добро ты называл противным небесам,
Всё давал себе, всё запрещая нам.

Но время ложь твою развеет, как химеру,
И наконец тебя не станут брать на веру.

Ты жили отворял, как ловкий шарлатан.
Во имя благ земных пускался на обман.
И головы дурил, и наводил туман.
Почтенней нищете учила ты мусульман,
А сам построил дом и набивал карман.
Твердишь, что взятка — грех, а сам берешь
не в меру.
О, долго ли прощать мы будем лицемеру!

Ты часто говоришь, что богохульство — грех,
И в ереси винить готов был вся и всех.
Но я тебя постиг. И знаю: ты из тех,
Кто разрешает грех без всяческих помех,
Коль золото тебе подсунут для утех.

Но скоро весь народ поймет твою манеру,
И проклянет тебя, как язву и холеру.
Хоть с виду ты смирен — ты волк, а не овца.

И жадности твоей нет меры и конца.
Доколе будешь ты испытывать творца! Довольно!
Ясен ты теперь и для глупца.
Уже не сможешь ты улавливать сердца!

Пред всеми отвечать придется лицемеру.
Довольно. Отдохни. Пора тебе знать меру!

4 апреля 1910

* * *

Мы — орава дармоедов, наше дело — вздор болтать.
И писать мы разучились, и отвыкли мы читать.
Наше главное занятие — сплетничать и клеветать.
Мы — невежды, а посмотришь — важны, будто всё
мы знаем,
Но, где можно, для остротки, правоверных проклинаем.
Мы грехи у бедных видим в слове, в действии любом.
Самый робкий светоч мысли гасим грязным сапогом.
Но за то перед начальством как виляем мы хвостом!
Приношенья и подачки на лету, как псы, хватаем,
Но, где можно, для остротки, правоверных проклинаем.

Мусульман мы в страхе держим без особого труда.
Ведь у нас в делах подобных поседела борода.
Мы ислам на откуп взяли испокон и навсегда.
Потрясая бородами, наставу адом мы пугаем
И вседневно, для остротки, правоверных проклинаем.

На заре в мечеть идем мы и творим святой намаз.
А уж как мы бьем поклоны, поглядел бы ты на нас!
Но приманка для разврата не минует наших глаз.
Гнусный грех свой — детоложство — святостью
мы прикрываем,
Но зато уж, для остротки, правоверных проклинаем.

Повод мы найти умеем, чтоб затеять шум и спор.
Где бы ни были, мы сеем клевету, навет и вздор.
Чтоб не рухнул дом господень, всковых лишась опор.
Мы моления аллаху громогласно воссыпаем
И вседневно, для остротки, правоверных проклинаем.

Нам эдем сулен за гробом, а не бездна адских мук.
Нам ученый — враг заклятый, а невежда — первый друг.
Мы враги свободы, чести, просвещенья и наук.
Мы в нечестье и в безбожье всех ученых обвиняем
И вседневно, для острастки, правоверных проклинаем.

Возвращаемся с почетом, путь свершив к святым местам.
Это мы храним и держим незагятанным ислам.
Засыпаем — толпы гурий и гылманов снятся нам.
Так живем мы в лоне веры и других забот не знаем,
Но вседневно, для острастки, правоверных
проклинаем.

11 апреля 1910

ПРИМИРИСЫ!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!
Гибнет с голоду семья? Что же, снова примирись!

Стал ты пленником забот — бедный, покорись ты им!
Не старайся, не трудись, волю дай слезам своим!
Против бога не пойдешь — плачь, стенай, ходи нагим!
Мусульманином ты будь — преклонись перед благим!
Ждешь богатств? Они придут. Помни слово: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Жизнь твоя тебе горька? С горем дружбу ты сведи!
Брось надежды, будь ленив, нет просвета впереди!
Перед волею судьбы, голову склонив, ходи!
На вознесшегося ввысь ты без зависти гляди!
Он, неверный, не постиг смысла зова: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Угнетатель гнет тебя — думай: это злобный рок!
Повелитель бьет тебя — думай: так велел пророк!
За бессилье — не к себе, отнеси к другим упрек!
Верь, что ближний иль чужой на нужду тебя обрек.
Не отвергни ни того, ни другого — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Станет слишком тяжело — плачь, хоть нам противно, плачь!
Средств иных и не ищи — только непрерывно плачь!
Ты от мира откажись — жалобно, призываю плачь!
Ни о чем не рассуждай! Долго, неизбыточно плачь!
Плюнь на гордость и на честь! Жизнь сурова — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Вздумал сделать что-нибудь — сделай, как велит ислам!
И любую кладь носи, уподобившись ослям!
Сей, коси, а толстый бек с хлебом справится и сам!
О правах своих не знай, спи, доверься небесам!
Спи, не мучься, не вставай против злого — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

На неверных не гляди, соверший без них свой путь!
Выбирай полегче труд, о канонах не забудь!
Добывая детям хлеб, услаждай молитвой грудь!
Чтоб души не омрачать, ты чернорабочим будь!
Деньги беск забрал твои? Ты без крова? Примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого! Примирись!

Если ж сила в теле есть и крепка твоя рука,
Если стыд глаза не ест, брань не сходит с языка, —
С болью, горем и нуждой ты кончай наверняка!
Есть на свете ремесло, славное во все века:
Режь — бери! Громи — бери! Взял — готово!
Возгордись!

Ни седого не щади, ни грудного! Возгордись!
Обнял злого — возгордись!
Смял родного — возгордись!
Что там совесть? Что там честь?
Грабь и снова — возгордись!

2 мая 1910

六

Ты, Соня, прелесть и краса, небесный свет!
Мне, Нагди-беку, без тебя и жизни нет!
К тебе любовью воспылав, бреду волед.
Твои желанья для меня — закон, завет.

Я весь дрожу, твоими взглядами согрет,
Что ни попросишь — только "да!" тебе в ответ!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

О розоликая, твой стан как стебелек,
О белотелая, мой ангел ты и бог.
От этих прелестей я сердцем изнемог,
В чем виноват я, чем немилость я навлея?
Стал сад пристанищем ворон, увял, поблек,
В чужих руках моя сирень, удел жесток!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

Ты мне сказала: "Покорись!" — я покорен.
Сказала ты: "Красой пленись!" — и я пленен.
Сказала: "Жизни ты лишись!" — и я лишен.
"В любви, — сказала, — разорись!" — я разорен.
"В немого стражи обратись!" — я обращен.
"Нуждайся в хлебе!" — и влечусь я, истощен!
Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

С тех пор как жизнь тебе вручил, любовь моя,
Я дни в мучениях влечил, любовь моя...
Лишен от нетерпенья сил, любовь моя,
Я всё, что мог, тебе носил, любовь моя.
Но мне и взгляд не брошен был, любовь моя,—
Тебе другой сегодня мил, любовь моя!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

Велела мне безумным стать — я стал таким,
В любви и разум промотать — я стал таким.
Стать жертвой страсти, боль познать — я стал таким,
Позор паденья испытать — я стал таким,
Честь потерять и растоптать — я стал таким.
Нести ничтожности печать — я стал таким.
Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

Сказала ты: "Забудь почет!" — и я забыл,
"Забуль добро, жилище, скот" — и я забыл,
"Забудь родино, и труд, и пот" — и я забыл,
"Забудь семью, забудь народ" — и я забыл,
"Забудь и чувств, и мыслей ход" — и я забыл,
"Забудь достоинство и род" — и я забыл!

Чем, я красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

Была подругой ты моей, душа мила,
Своим любимцем ты всегда меня звала,
Вином поила, а сама трезва была —
Иные замыслы таила и дела!

Всё, что имел я, отняла, потом ушла,
Меня низвергнула, себя же вознесла!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

Я пал, но муки пережить готов опять!
И с прежней верностью служить готов опять.
К тебе, любимая, спешить готов опять,
Страстями сердце иссушить готов опять,
Жизнь в долгой спячке проводить готов опять,
Паденьем даже дорожить готов опять!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

Всё потому, что милосерден род мужской,
Когда любовью он охвачен и тоской.
Будь и почтенен ты, и знатен, но какой,
Красотку видя, не терял из нас покой?
Рабы страстей, в ногах валяемся порой,
За миг блаженства жизнью жертвуем самой!

Чем я, красавица, могу тебе служить?

Я за тебя готов и голову сложить!

* * *

Сочувствовать школе? Ну что за народ!
От школы доход не растет, не растет!

В глазах твоих ужас, газетчик, возник,
Ты ей посвятил и перо и язык!
Я ж верное слово скажу напрямик:
Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растет, не растет!

Наслышатся в школе: "Свобода! Права!" —
И станут ценить год из года права!
Молле же противны народа права.
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
От школы доход не растет, не растет!

Мне пользы от школы совсем не видать —
Проклясть мы такую должны благодать!
И всем это ясно! О чем рассуждать?
Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растет, не растет!

Начнут эти дети учиться сейчас,
Получат бесчисленных знаний запас,
А после, конечно, возьмутся за нас.
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
От школы доход не растет, не растет!

Вот если бы школьное дело тишком
Доверили в руки мои целиком!
О, я дорожил бы подобным куском!
Теперь же что толку от этих забот?
От школы доход не растет, не растет!

Ах, старое время, благие дела!
От каждого дома мне доля была:
Плов, масло, и сахар, и чай, и... хвала!
Что делать? Ичезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Теперь вообще мы попали в беду:
И трех приношений не видим в году!
Мы рады терпеть и такую нужду —
Не стало бы хуже. Где хлеб, где почет?
Живот не растет, не растет, не растет!

Проводят собранья у нас без числа,
На нескольких фразах кончают дела.
А слава моллы отцвела и ушла.
Что делать? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

16 мая 1910

* * *

Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!
На всю страну, из края в край, и шум, и вой идет!
Плестись в хвосте удел других — вихрь огневой идет!
Такая прыть, такой порыв — как на разбой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Всю нацию собрав в кулак, сумей ее увлечь!
О благе ближних толковать да не скучится речь!
Привычны мы валить и бить, кромсать, тощить и жечь!
И в кровь загнать коней своих, и головы отсечь!
Свобода? Равенство? Ну да: за строем строй идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Века прошли — но шли и мы, честь нации храня.
Бывало всякое в пути — и ссора, и грызня.
Мы нации и острый меч, и крепкая броня.
Пять лет уже как скакем мы, — никак не слезть с коня!
И мчится с гиканьем табун, как будто в бой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Ах, все не так?! Безбожно лгу? Я вру и пустобрех?!

Сомненьем на душу свою берешь ты тяжкий грех!

Что, что? На головах людей разбить хочу ореш?!

Молчи! Я слышать не хочу! Противен мне твой смех!

Быть может, ис за нами край, за голытьбой идет?

Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Коль зряч — гляди, не глух — услышь, себе на ус мотай:
Где правоверные живут — узришь блаженный рай!
Османцев вспомни иль возьми ты персиянов край, —
Цветет Марокко, шик и блеск, а как расцвел Китай!
И в паре полумесяц наш — он со звездой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

И арияты — погляди! — жива там в каждом честь!
Клокочет и бурлит Казвин — какая страсть и месть!
А Крит? Из наших там борцов немало тоже есть!
Йемен возьми иль Бухару, — и дел благих не счасть!
Перемешались племена, чужой ли, свой идет?..
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Ну, а теперь Россию пусть захватит пылкий взгляд.
Во славу правоверных тут, куда ни глянь, трубят!
Как пятница, воскресный день — шумит торговый ряд,
О процветанье там и сям и в Думе говорят!
Что? Ложь? Обман? .. И снова дух зловредный твой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

"Кавказ! Кавказ! .." — поют уста. А вот вам и Кавказ:
Красотки тут, красотки там — лови веселья час!
Казна державная щедра — в беде не бросит нас,
А коль такая жизнь пошла, пускайся в быстрый пляс!..
Пусть тьма кругом и инщета — день золотой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

И нам ли пытать и унывать? Гони, гони коней!
И с каждым годом наша мощь и наш порыв сильней!
Кончай о совести болтать — нужды нам нету в ней!
А что не так, судить не нам: всевышнему видней!
Что слезы лить, когда кругом веселый той идет?
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Одна у нас и цель, и жизнь, и кров у нас один!
Одна печаль, один карман, и плов у нас один!
И стон, и смех, и вопль, и бред, и зов у нас один!
И на могилу скорбный путь — без слов — у нас один!

Не иой, заткнись, с дороги прочь — кто враг, с хулою идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Не сыщешь трещинки в дому — неведом нам раздор!
И взяточ не берет никто: не пойман — и не вор!
И речи умные у нас, а не какой-то вздор!
И славит нации вождей подобострастья хор! ..
То не юнец, что несмыщен, — он с бородой идет!
И, пасть разинув, то не волк, а муж хмельной идет!

Он с виду ангел, два крыла, а с сатаной идет!
Держи пошире свой карман, — отец родной идет!
И в стужу лютую идет, и в адов зной идет!..
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

30 мая 1910

ЛИЦО НАЦИИ

Кто видит богача бесстрастное лицо —
Тот видит иноземства ужасное лицо!

Пусть я ослепну, если здесь, у нас,
Найдется хоть одно прекрасное лицо!

Одна печаль меня гнетет: и в Судный день
Увижу нации злосчастное лицо!

13 июня 1910

* * *

Эпоха с нами говорит, а мы как в рот воды набрали.
Грохочут пушки, гром гремит... Проснуться всё же не пора ли?
Других несет аэроплан, они по небу мчат, как птахи,
А мы узрим: автомобиль! — и шасть в кусты в священном страхе.
Давним-давно, давним-давно моллы нам солнце заслонили,
И мы глядим на жизнь других сквозь полог тьмы и сырость гнили.

14 июня 1910

* * *

Да, брат, персидский жив народ! Всем страсть
его сейчас видна!

Горячка новых обществ нам уже не в первый раз видна.
Куда ни глянь — сверкает мысль! Она в сиянье
глаз видна!

И что ни шаг — прогресс, расцвет! Весна и без
прикрас видна!

Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Ах, боятся скорбные сердца живей при чтении газет.
От этих радостных вестей исчез былого горя след.
И так светло у всех в груди, что из-под век струится свет.
Волна событий со страниц сквозь темень обиц фраз видна,
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

И если обратим свой взор мы на турецкие дела,
На помыслы ученых душ, на бекско-ханские дела,
На чудо-чудеса у нас, на горлопанские дела,
На то, как сотни партий в день рожают дворянские дела, —
Увидим, что измен здесь нет: их жизнЬ нам вся зараз видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Возникла партия одна. Она умеренной слывет.
Мила ее программа нам, стремленье тихое вперед.
И ни к кому из бедняков теперь беда не подойдет:
Ведь эта партия отдать всю кровь готова за народ!
Нам редкостная прыть ее к делам народных масс видна!
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Горсть шустрых ханов-заправил и тучных, медленных казн
Вошла в меджлис — и узнаем мы про заем, вообрази!
И слава новая зажглась, а старая лежит в грязи.
Благослови ты их, аллах, а прочих громом порази!
Страна - как райский уголок нам в сей блаженный час видна.
Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

Хотя разрушен и сметен землетрясеньем был Тавриз
И над развалинами край себе от горя пальцы грыз,—
Увы, услышав дальний гул, не дрогнул лишь один меджлис:
В нем склонность денежки считать — о том и наш
рассказ! — видна.

Хвала аллаху! Наконец удача и у нас видна!

18 июня 1910

ВРАЧ И БОЛЬНОЙ

Однажды к врачу обратился больной:
"Ах, доктор, не знаю, что нынче со мной!
С утра нестерпимо болит мой живот!
Ой-ой, умираю! Спасите!" А тот
Прислушался к пульсу и молвил: "Ответь
Без всяких утаек, что съел ты за снедь?"
Страдалец ответил: "Свидетель господь:
Я съел... подгоревшего... хлеба... ломть...
А больше, клянусь, я... не ел... ничего!"
Тут пристально доктор взглянул на него
И, капель в пипетку набравши глазных,
В глаза ему влитъ вознамерился их.
"Жив-вот!.. - мой бедняга воскликнул стены.
Вы, доктор, не поняли, видно, мен-ни!"
Но доктор сказал: "Эх, чудак человек!
Когда бы не слабое зренье, вовек
Того ты не ел бы, что вредно для нас.
Давай-ка приступим к лечению глаз!"

18 июня 1910

СТАРЫЙ САДОВНИК

Шли по дороге юноши гурьбой
И вдруг ограду видят пред собой,
За нею — сад, в саду столетний дед
Стучит лопатой, немощен и сед.
Дрожащими руками старина
Какие-то сажает семена.
Смеясь, юнцы спросили: "Эй, старик!
В чем смысл твоих усилий, эй, старик? Старик:

"Я рою землю, чтоб она
Мне яблони взрастила семена".
Они опять: "А много ль проку в том?
Сегодня ты живешь, а как потом?
Когда созреет то, что сеешь ты?
Пока взойдет, уйти успеешь ты!
Оставь свой труд напрасный, отдохни:
Плодов не вкусишь за свои ты дни!"
Старик в ответ: "Сажали и до нас,
И труд отцов мы хвалим всякий раз.
И вот мы тоже труд свой отдаем
Для тех, кто завтра вспомнит нас добром".
21 июня 1910

СВЯТОШЕ

Эй, не лги нам, приятель, и вэдор не мели!
Сам себя наставляй, сам себе и внемли!
Черным белое видишь, прямое - кривым.
Не терзай нас, но зренье свое исцели!

22 июня 1910

МУРАВЕЙ

Видали раз, как малый муравей
Большую муху по камням тащил.
Сказали: "Как под ношкою такой
Он, слабенький, не выбылся из сил?"
Ответили: "Тут не в размерах суть.
Основа силы - труд, стремление, пыл".
О сын мой! Будь подобен муравью:
В усердье он великое совершил!
Ты не считай в заслугу легкий труд:
Кто мало сделал - мало заслужил!
Нет, славен тот, кто, все преодолев,
В большое дело жизнь свою вложил.
Сметает горы мужество людей —
Хочу, чтоб мужем ты на свете жил!
Чтоб для народа шел ты впереди,
В сознанье долга высшего служил.

Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.
Умри, чтоб имя — это ли не честь? —
Родной народ в сказаньях оживил!

23 июня 1910

* * *

Когда я весел и здоров — как будто злится небо,
И сотни гибельных даров послать мне тщится небо.
И я в отчаянье пришел, но вновь надежду я обрел.
Какой же дар мне ниспослать опять стремится небо?
Ужели рухнут небеса, коль буду счастлив полчаса?
Зачем же новою бедой тогда грозится небо?!

Мы все пустылись в хоровод, посмотрим, кто же упадет:
Душа, любовь ли, Рыба лъ, Бык, коль накренится небо?

24 июня 1910

ПАТРИОТЫ

Речь заводят патриоты, что свободы ждет народ.
Всех в мечеть зовет святоша. Что ж, он тоже патриот!
Патриоты в шевиотовых костюмах говорят:
"Лишь была бы патриотка, что с любым из нас живет!"

25 июня 1910

* * *

Ах, спиши ты, дядюшка Молла, в краю грузин туманно"
Хоть раз пожаловал бы ты к почтенным мусульманам.
Ты б погулял у нас в Баку и гостем был желанным,
С гаджи сидел бы по ночам в беседе над Кораном.
Ты бы узнал, что и у нас есть тоже душки, дядюшка,
И что укромные места есть для пирушки, дядюшка.

Ты по бульвару бы гулял в передвечерний час,
Когда еще последний луч на небе не угас.
Узнал бы, сколько ливных жен и девушек у нас —
С челом Венер, с походкой пав, прекрасных без прикрас.
Они красавицы у нас, они болтушки, дядюшка.
Ты убедился б, что они такие душки, дядюшка!

Но ты решишь, что на бульвар выходит только сброд?
Здесь правоверные одни гуляют взад-вперед.
Они, как ты или как я, — солидный всё народ,
Здесь и гаджи и мешади пошли в круговорот.
Они святые все от пят и до макушки, дядюшка.
И вера в господа для них - не безделушки, дядюшка.

У них в сто зерен четки есть, они творят намаз,
Л молятся они весь день пред господом за нас.
Бог упаси, чтоб согрешить могли хотя бы раз,
Они "на женщин и мужчин не поднимают глаз.
А ежели про их грешки твердят старушки, дядюшка,
Я б за подобные слушки не дал полушки, дядюшка.

Я их за то и не корю, что ходят на бульвар,
Не говорю, что идут там они гнилой товар.,
Но что там делают они, надев чужой наряд?
Да кто их знает! Ведь они про то не говорят.
Они не вынут свой секрет из-под подушки, дядюшка.."
Я б мог сказать. Но верят мне одни пьянчужки, дядюшка.

27 июня 1910

* * *

Из борцов за свободу всегда и везде
Правдолюбцы, герои, титаны выходят.
Лишь из нас почему-то всё время одни
Миротворцы, скоты, интриганы выходят.

2 июля 1910

ПИСЬМО

Вам такое письмо и во сне не приснится.
Сто ошибок, не меньше, на каждой странице.
А ведь это письмо от директора школы,
И к нему наши дети приходят учиться.

4 июля 1910

* * *

Слуги верные мои! Не спать — вставать пришла пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!
Собирайтесь тайно в круг, совет держите меж собой!
Пусть Зенджан и Решит свой мрак забросят в уголок любой!!

Конституцию чернить должны вы все наперебой!
О владычестве моем пускай напомнят ваши разбой!
Затевайте мятежи, вам наступать пришла пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора!

Пусть послания мои в урочный час не сгинут зря,
Пусть решения мои — молю я вас! — не сгинут зря,
Пусть веления мои — наказ, приказ — не сгинут зря!
И обеты пусть мои — в который раз! — не сгинут зря!
Мемдели Кязима честь вам поддержать пришла пора!!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора

Агали, что в Одессе я плел за интрижкою роман:
Помни вотчину свою, тянул я нити в отчий стан.
Смею ли я уронить богом данный шахский сан?
Ах, в душе всегда хранил я Решит, Казвин, Керман, Зенджан!
Я наладил все дела, вам — продолжать пришла пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла порац

Не считайте, что теперь в Иране нет моих людей:
Тысячи их прибегут, как только крикну: "Слуги! Эй!"
Я приказы что ни день им посылаю всё лютей, —
До могилы мне стоять на страже тьмы, штыков, пистей!
Помощь мне в моих трудах вам оказать пришла пора!
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла порац

Видите, какой разброд? В каком огне мой край сейчас?
Растерялся весь меджлис, безумный страх его затряс.
Что корабль до мачт в крови — уже ничей не видит глаз!
Конституцию никто от изыхания не спас! Не зевайте ж!
Нам страну к рукам прибрать пришла! пора
Просыпайтесь, прыть свою явить опять пришла пора

То клянется человек, то вдруг в отставку подаст, —
Разве ж непонятно вам, какой полезный это ход?
Наджафа мучтенд не зря ведь вам посланья шлет!
Шлет их честная рука — клеветникам зажмите рот!
Нужно действовать, друзья! Открыто встать пришла пора!
Просыпайтесь, прыгь свою явить опять пришла пора!

4 июля 1910

БУКЕТ ЦВЕТОВ

Иранец говорит: "Я правде рад всегда".
Османец: "Мой народ свободе брат всегда".
Ну а святоша что? "Пусть оба пропадут,
Лишиь был бы я один сыт и богат всегда!"

Барышник, он всегда купить-продать готов:
Посредник торгашу подмогу дать готов.
А вот молла - поспать, вскочить, свершить намаз,
Перехитрить, надуть, обворовать готов!

Журналы вышли в свет, чтоб их читал народ,
Чтоб из статей себе примеры брал народ.
Что ж мыслит тот, кто нос ученый свой задрал?
"Пускай возьмет себе такой журнал народ!"

Не думай, что в мечеть свершать намаз спешит,-
Нет, нет, отец святой не с тем как раз спешит:
Он коврик нынче сбыл, что своровал вчера,
И вот он за другим туда сейчас спешит!

4 июля 1910

* * *

Нет, нет, святоше не давай!.. Нет, мой портрет не для него:
Себялюбивые глаза до тьмы низводят правды свет!
Пускай на скромный мой портрет взирает светлый человек,
Который, истину любя, во всем находит правды свет!

6 июля 1910

* * *

Я убеждения привык менять на каждом слове,
Я как вода: любой арык и путь любой — мне внове,
Как мне взбредет, так и скажу, что хорошо, что плохо:
Хочу — ударю по гвоздю, хочу — и по подкове!

9 июля 1910

* * *

Когда бы объявил аллах, что за безделье он
Из рая гурий выгнал вон с гылманами зараз,
Святоша, правду мне скажи, ни слова не скрывай,
Ты расстелил бы коврик свой, чтоб совершить намаз?

11 июля 1910

* * *

"Кто просвещенный?" — я спросил и услыхал в ответ*
"Тот, кто религию отверг и святости лишен".
Тут про святошу я спросил и услыхал в ответ:
"Всего лишенный, лишь карман большой имеет он!"

12 июля 1910

* * *

Ребенка надо воспитать. Зачать и жизнь ребенку дать
Твой долг родительский, поверь, не в этом заключается.
Учи ребенка и расти, веди по трудному пути,
Пойми, что этим человек от зверя отличается,

13 июля 1910

АЙ ДЖАН, АЙ ДЖАН!..

Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!
Травле праведных — конец! Тишина! Ай джан, ай джан!

От писак и волоска утаить мы не могли,
Из-за подлых нам пришлось быть посмешищем земли.
Ах, как вышло хорошо! Все дела на лад пошли!
Сразу стала жизнь сладка, нетрудна. Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Ну-ка, ветер, наш привет ты молле Каваму грани,
Пусть молле Саламу шлет поздравление в Ленкорань.
Чтобы всех друзей-невежд он поздравил в эту рану!
Пой в мечети и пляши, старина. Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Облети Владикавказ, громогласно объяви:
Нет журналов и газет! Всех к молитве призови!
Явно, тайно ли — грехи! Как надумал — так живи!
Что б ни делал — наша честь спасена! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Ты молле Гаджи-Баба, что в Кубе, пропой:
"Хвала! Нет газет! Холера их без пощады унесла!"
Эй, мюриды, все сюда! Чья душа невесела?
К нам - сподвижники из сел, все спомни! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Нет газетчиков! Простор, о собратья, только нам!
Скоро пост — и весь доход, без изъятия, только нам!
А в мечети и хвала и проклятия — только нам!
Будь ты проклята навек, новизна! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

1 августа 1910

162-му НОМЕРУ "СЕДА"

Я — зеркало моей эпохи, я — поэт.
И не один во мне, я знаю, отражен.
Так, Некто поглядел недавно на меня —
И в зеркале себя увидел сразу он!

17 сентября 1910

* * *

Сказал везиру шах: "Я плачу потому,
Что в зеркале урод мне виден раз в году".
Везир ему в ответ: "Представь, как плачу я,
Когда ты у меня всечасно на виду!"

8 октября 1910

* * *

От ума все людские несчастья бывают, да-да.
Тот, чей разум убог, — знать не знает ни бед, ни терзаний.
Чем умней человек, тем несчастий длиней череда,
Только силой ума измеряется степень страданий.

12 октября 1910

* * *

Мое несчастье только в том, что ни одна болезнь
Не поселяется во мне хотя бы на день и ночь.
Пошло такое их число походом на меня,
Что продержаться лишний миг любой из них невмочь!

13 октября 1910

* * *

- Скажи нам, в чем его вина, за что ты бьешь беднягу?
- Да сам не знаю я, за что, попутал, знать, шайтан!
- Зачем же все свои грехи приписывать шайтану?
Не занимается шайтан делами мусульман!

15 октября 1910

ВЫБОРЫ ГЛАСНЫХ

Гласным не станешь у нас в Государственной думе,
Прежде чем душу и совесть свою не продашь.
Два есть для этого верных испытанных средства:
Первое — взятка, второе же — скрытый шантаж.

17 октября 1910

БАКИНЦЫ ГОВОРЯТ

Шемахинцам, бездельникам, станем ли мы подражать,
И властям телеграммами станем ли мы досаждать?
Столько дел здесь у нас в чайханах и в публичных
Что ни жен, ни детей уже некогда нам вспоминать!

18 октября 1910

* * *

Вчера и впрямь аэроплан, как птица, воспарил,
Тысячелетнюю мечту осуществив на деле.
Но мы о том, чтобы летать, не смеем и мечтать.
Мечтаем, лежа на боку, о гуриях в постели, домах.

22 октября 1910

* * *

Детским почерком письмо ты подложно написал.
Сколько всяческих угроз разбросал ты по письму!
Но бабайками путать можно разве что ребят,
А тебя узнал Сабир, — сказки не страшны ему!

3 ноября 1910

* * *

Чей-то глас:
Что значит сей вояж Мамедали?
Его поползновения - к чему?
С Зилли-Султаном, с консулом вдали
Пустился в объяснения - к чему?
Венский телеграф сообщает:

Он первому племянник, и зазря
Соваться в отношения — к чему?
Европу обозреть решил Мирза,
Секретов нет, волнения — к чему?
Газета "Найе-Фрайе-Пресс" сообщает:

Послушайте иранскую печать,
Поймете, эти бдения к чему.
Свободу жаждет бывший растоптать,—
Восторг освобождения — к чему?

Берлинская печать серьезно сообщает:

Россия знает цель его забот
И все его стремления к чему:
Похоже, вновь он шахский трон займет, —
Твой, народ, мучения — к чему?

Российская печать пишет:

О дальних странствиях мечтал он встарь,
Ему бразды правления - к чему?
В политику не лезет государь, Постиг урок падения...
К чему? Теперь меджлис лишил его всех благ.
Что делать? Словопрения — к чему?
От консула узнает о делаах,
Какие, мол, явления — к чему...
Как осчастливит родину вновь шах,
И знаки проридения — к чему?

Знаменитый профессор Вам бери говорит:

Почтительна к правителью толпа.
Богатства без служения - к чему?
И консул повеления столна
Поймет без промедления - к чему.

И мы говорим:
Забылись подданные тяжким спом.
Морока пробуждения - к чему?

Их одеяла савану сродни,
А прочие сравнения к чему?!

5 ноября 1910

* * *

Пой, восторгом окрылен, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!
Наконец-то в мире вдох услышан твой,
Ясный месяц блещет вновь над головой:
Шах твой вспомнил о тебе, мой дорогой.
Так сияй, как небосклон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!
Тень владыки своего ты восхвали!
Уйму всяких благ несет он издали.
Слушай, едет в гости к вам сам... Мемдели!
Мчись встречать во весь разгон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!
Как тебе печаль и скорбь не растоптать!
В миг желанный возгласи: "Ах, благодать!"
И до Страшного суда ты можешь спать.
Да увидишь светлый сон, иранец мой:
Прогони все беды вон, иранец мой!

5 ноября 1910

ОДЕЯЛО МОЛЛА НАСРЕДДИНА

Уж полночь. И сон золотой не один
Увидел в постели Молла Насреддин.
Вот так и смотрел бы до самого дня!
Вдруг слышит - на улице крики, возня.
Укрыв наготу одеялом, Молла
На улицу выбежал: что за дела?
Какие-то люди - взгляните на них! -
Ну так вот и лезут один на других!
Он двинулся к свалке, пытаясь узнать
Причину той драки, узнать и разнять.

Но вор в это время подкрадся к Молле,
Стащил одеяло - и скрылся во мгле!
Молла удрученный вернулся домой
И молча поник пред своею женой.
И просит жена: "Расскажи что-нибудь
Об уличной драке! Узнал ли ты суть?"
"Мое одеяло рассорило их:
Как только убрали - раздор и утих".

23 ноября 1910

МАЛЬЧИК И ДЕНЬГИ

Мальчишка второпях вбегает в дом
И матери кричит, дыша с трудом:
"Ах, мама, вот!.. Скорее получи!..
Мы счастливы теперь!.. Мы - богачи!"
А мать в ответ: "Но как же вышло, сын,
Что мы разбогатели в миг один?
Скажи скорее, что в твоей руке?" -
"Богатство наше в этом кошельке!
На улице какой-то старичок
Вдруг уронил вот этот кошелек.
Тут потихоньку я его схватил
И побежал домой что было сил!.."
Уразумев поступок сына, мать
Не стала гнева своего скрывать:
"Откуда кровь такая у тебя?
Да есть ли честь людская у тебя?
Несчастный мальчик, что ты совершил?
Свою ты совесть этим очернил.
Ты истину отверг из-за чего?
Как ты посмел пойти на воровство?
Тому не быть, что мы чужим добром
Возвысимся, богато заживем!
Нет, нет, мой сын! Несчастны будем мы,
В глаза глядеть не сможем людям мы!
Окажешься преступником - и что ж?

Достоинство свое продашь за грош!
В деньгах немало блага есть, мой сын,
Но нам всего дороже честь, мой сын!"

23 ноября 1910

КУРБАН-БАЙРАМ

Идет, идет курбан-байрам к нам опять,
И все, кто важен, толстобрюх - наша знать,
Велят барашка изловить и заклать.
У них обряд, Халил-уллах, в честь тебя.
А нищие вогнат, аллах, в честь тебя.
Соседи вышли, как всегда, на порог.
У них и нация одна, и пророк.
Но вот у этого - мясцю, и жирок,
И праздник свят, Халилуллах, в честь тебя.
А тот потупил взгляд, аллах, в честь тебя.
Сын одного идет гулять - разодет.
И галстук и воротничок - краше нет.
Отец с улыбкою глядит сыну вслед,
Глаза блестят, Халилуллах, в честь тебя.
На бедном - тьма заплат, аллах, в честь тебя.
Смотри, смотри, Гаджи-Пирин нам идет.
Не даст и кости никому, живоглот!
Сосед бедняга палец свой знай сосет.
Гаджи пузат, Халилуллах, в честь тебя.
Распухнет он стократ, аллах, в честь тебя.
"Гаджи, - сказал я толстяку, - загадай:
Куда по смерти попадет скупердяй?
Бараны шкуры николярам ты отдай!
Согрей ребят (Халилуллах, в честь тебя!)

Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя".
"Обычай не велит, - Гаджи молвил тут, -
Отдам, а женщины начнут пересуд.
Во что тогда они кванишо завернут?
Отдать я рад, Халилуллах, в честь тебя,
Но пусть в дому лежат, аллах, в честь тебя!"

30 ноября 1910

* * *

Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу свободою биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но рутанью этой я буду гордиться всегда.

15 декабря 1910

ИСКАНДЕР И НИЦЦИЙ

Под солнцем, у дороги, на камнях,
Сидел один бездомный, ницци и наг.
Премного на него насыло мух,
Томилось тело, и томился дух.
Дорогой той, суров и величав,
Шел Искандер. Беднягу увидав,
Он сжалился: "О пленник ниццеты!
Скажи, нужду какую терпишь ты?
Я, царь царей, склонен к твоим словам:
Проси - и я чего захочешь дам!"
"Мой шах, - промолвил ницци, - этим днем
Тебя прошу я только об одном:
Чтоб возвратить покой душе моей,
Вели ты мухам улететь скорей!"
"Эх, человек! Могу ль прогнать я их?
Они же не из поддаенных моих!
Проси о чем-нибудь таком сейчас,
Что сразу разрешил бы мой приказ".
"Мой шах! Когда так немощен ты сам,
Не говори: "Чего захочешь дам".
Ведь муки - что в глазах людей они?
Сословий всех людских слабей они!
И если ты, о шах, настолько слаб,
То что с тебя возьму я, жалкий раб?"

20 декабря 1910

БОЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНИН

Один крестьянин тяжко занемог -
И дни и ночи только: ох да ох!
Поговорить с больным зашел сосед,
Исполнить долг пред ним зашел сосед.
Спросил: "Чего, сосед, ты хочешь есть?"
К чему, мол, у больного склонность есть?"
Тот отвечал: "Мне плохо. А в беде
Я не могу и думать о еде".
"А сливы? Ты бы не поел их? Слив!
Янтарно-желтых, вкусных, спелых слив!"
Тот простонал: "Ах, как поел бы я!
Я б от души благодарил тебя!"
Сосед сказал: "Теперь не лето -да?
Вот перетерпим зиму, а тогда..."
"Страшусь конца недели этой ждать, -
Сказал больной, - иу где мне лета ждать?
Ох, скрутит смерть до той поры меня,
Сгниет и прах до радостного дня..."
Мы так привыкли к случаям таким,
Мы сами часто схожи с тем больным.
Увидев наши нужды, богачи
К спасению подбирают нам ключи.
"Поможем! - обещают. - Наш народ
При нас, мол, никогда не пропадет!"
Одни, другой вступают в умный спор,
Вдруг денежный начать предложат сбор.
Но лишь на деньги прозвучит намек,
Тут каждый благодетель - наутек!
Не время, мол, сейчас, как на беду:
Начнем уж лучше в будущем году!

21 декабря 1910

ОТШЕЛЬНИКУ

Закрыв глаза, открай в молитвах рот,
Не принимая смысла их в расчет!
Ты с любопытством не гляди на мир,
Где яркий свет над истиной встает!
Тот не постигнет таинства любви,
Кто лицемерные поклоны бьет.
В плеину молитв не отрицай любви:
Кто любит, к божеству все ближе тот.
Меджнупом Рейса зря не называй,
Пока лицо Лейли не промелькнет!
О, не сиди, мужчина, в уголке,
В нем ожидая истины восход!
Стремишься к милой? Покажу, иди!
Глаза открыты? Вот родная, вот!
Ты видишь совершенство? Восхвалить
Оно уменье мастера зовет!
Но где тебе иметь правдивый глаз,
Чтоб видеть блеск ее земных красот?
Чтоб с взглями по ::глам ты бродил,
Моленъя не свершив ни разу в год!
Чтоб ты в проклятьях подражал певцу,
С его стихами уходя вперед!

23 декабря 1910

ВЛАДЕЛЕЦ БУЙВОЛИЦЫ И НАВОДНЕНИЕ

Некто имел буйволицу. Удай
Он продавал, разбавляя водой.
Выпали как-то большие дожди,
В горе хозяин: доходов не жди!
Всё наподнением объято село -
Ох, буйволицу водой унесло!
Плачет хозяин: "Конец мне, конец!"
Сын же сказал: "Успокойся, отец!"
Столько смешал с молоком ты воды,
Что наконец дождался и беды:

Эта вода разлилася в краю -
И унесла буйволицу твою!
В горе своем ты судьбу не кляни -
Сам ты накликал несчастные дни!"

26 декабря 1910

ДУША МОЯ!..

О сокол стремлений, душа моя, вдаль,
Как дума моя, воспаря, унесись!
Лети, поднимайся в бескрайнюю высь,
А в теле моем обитает печаль!
В обители этой ты будешь пылать,
Поверь, ты для муки останешься в ней:
Не сможешь забыть ты печали моей -
И, нежная, станешь сама горевать.
Покинь это тело! Оно ведь не я!
Тебе не под силу разлука со мной?
Но ты - это я, только облик иной,
Но я - это ты! Ты навеки моя!
Уйдешь ты - уйду я с тобой заодно!
Мы пленники в немощном теле, увы.
Враги! Мое смерти не радуйтесь вы:
Покуда есть мир, мне пропасть не дано!
Мы счастья, душа, на земле не нашли!
Скорее же в мир неизведанный тот,
Где сын человека забвенье найдет,
Лишь в землю опустится горстью земли!
Когда я уйду - ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зары!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

28 декабря 1910

МОЛЛА НАСРЕДДИН И ВОР

Шапку схватив у Моллы на ходу,
Вор убежал и укрылся в саду.
Что же Молла? Огорчен, омрачен,
Мчится не в сад, а на кладбище он.
Видя Моллу у печальных ворот,
Люди спросили, чего же он ждет?
"Шапку украл нечестивец мою -
Вот я без шапки теперь и стою".
"Что же ты медлишь? - ему говорят. -
Ведь убежал он, бессовестный, в сад!
Если ты в сад побежишь поскорей,
Выйдешь оттуда ты с шапкой своей".
Он им в ответ: "Что искать мне в саду -
Здесь я его непременно найду!"

2 января 1911

ПАУК И ШЕЛКОПРЯД

В листве заметив шелкопряда вдруг,
Заважничал, расхвастался паук.
И говорит: "Ну до чего ж ты, брат,
Медлителен! Как вяло ткешь ты, брат!
Вот на меня взгляни: я ловок, скор -
В короткий срок я тку большой узор!
Достаточно лишь взгляда одного,
Чтоб оценил мое ты мастерство!"
Тот выслушал и усмехнулся: "Что ж?
Ты много всяких занавесок ткешь,
Но от твоих изделий проку нет
И, может статься, есть немалый вред!
А я, хотя и не могу, как ты,
Другим служить примером быстроты,
Да только всё сработанное мной
Высокой измеряется ценой:
Красавиц я одел своим трудом
И ждут меня с любовью в каждый дом".

10 января 1911

* * *

Земля на краткий срок жилищем нам была.
Пусть ни один вопрос не разрешен земной,
Но с каждым годом был всё шире стан врагов
Затем что жили мы лишь правдою одной!

16 января 1911

* * *

Если родного народа участь плачевна и зла,
Если рождают горечь думы его и дела,
Если он дик и темен, бедствиям нет числа, -
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!
Если твоим собратьям не писан закон - не беда!
Если безумно и тупо усердие их всегда,
Если ни в ком не увидишь ни чести ни стыда, -
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!
Если у нас смехотворных выходок хоть отбавляй,
Глупенький, близко к сердцу это не принимай!
Что бы ни вытворяли этот и тот кербелай, -
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!
Рели служитель веры снова вещает нам,
Как расколол пророк наши в небе луну пополам,
Как чудодействовал где-то в Бири-Аламе имам, -
Не говори ни слова - это минует, пройдет!
Если и денно и нощно мелет свое пустозвон,
Рели с минбара не сходит, ложью своей упоец, -
Выдержи время лихое, лучших дождись времен,
Ты не ропчи, не печалься, это минует, пройдет!
Если в мечеть набились томы невежд и пройдох,
Если тебя истязают, благом считая порок,
Если шахсей в разгаре, крови льется поток, -
Ты прикуси язык свой, это минует, пройдет!
Если и дым и коноть заволокли мечеть,
Если и сила не осталось это мученье терпеть,
Под марсию придется притворно рыдать и скорбеть, -
Ты повздыхай, похныкай, это минует, пройдет!

Если у марсияхана помыслы грязные сплошь,
Если народ он грабит, требует - винь да положь!
Если посулы о рае - только обман и ложь, -
Не говори ни слова, это минует, пройдет!
Вот по башке дубасит нас удалой торгаш,
Чтобы увлечь примером, входит - бедняга - в раж,
В деле благом уверить мученик сиится наш,-
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!
Если в мечеть затесался самый прожженный вор,
Если стащил калоши или другое спер,
Если тебе разутым покинуть придется сбор, -
Ты не ропщи, не печалься, это минует, пройдет!..

18 января 1911

УКРАШЕНИЕ МАТЕРЕЙ

Я украшением зову не жемчуг и не лал,
Не вижу я теперь, чтоб жизнь нам камень украшал.
Так что ж вас, женщины, влечет к бездушным тем камням?
Будь самым крупным камень тот - для гордых душ ом мал!
Твоим бы украшеньем я, о истинная мать,
Не мертвый камень, а дитя здоровое назвал!
Коль хочешь имя сохранить великое свое,
Мать, воспитай, взелей дитя - начало всех начал!
Пши жемчуг знаний украшать достоин нашу жизнь,-
Це ни разу смерти дух его не побеждал!

25 января 1911

ОБРАЩЕНИЕ К ЯЗЫКУ

О воплощенье света и ума,
Цветенье нашей речи и письма!
О снизошедший к нам с небесных круч,
К сокровищнице мудрости ты ключ!
Ты открывал нам тайны всех наук,
Ты был податель благ и верный друг!
Сладкоречивый попугай, каких
Ты был ларцом жемчужин дорогих!

Ты был звездой божественных речей
И в цветнике отчизны соловей!
Ах, отчего ты стал совсем иным?
Ах, отчего ты сделался немым?
О соловей мой, будь самим собой,
В саду души, как прежде, песни пой.
И хоть на миг печали заглуши
Истерзанной, страдающей души!
Бутон, раскройся, час уже пришел:
Мир из конца в конец уже расцвел!
Прорвись сквозь оболочку естества,
Отбрось покров с престола божества!
Ты сам всего живущего творец,
Зерцало мирозданья и венец.
Не забывай же сущности своей
И будь свободен от любых цепей.
В тебе творец вселенной воплотил
Прозренья свет и разум пробудил.
И всё, что в мире есть, - всё есть в тебе,
Свобода, верность, доблесть, честь - в тебе.
Явись - уже слабеет ночи тьма,
Уже свобода близится сама!
Уж все другие обрели ее -
Они одни и обрели ее!
Явись же - современники тебе
Свободу обрели уже в борьбе!

28 января 1911

СОН

О Плут, о приятель порочных людей!
"Сон в руку!" - скажи, дорогой, поскорей.
Мне снилось, хочу я тебе рассказать,
Как будто в Баку я вернулся опять.
На дальней окраине где-то живу,
Гуляю по улицам, как наяву.

С тех пор как подлунная наша стоит,
Имели они ужасающий вид.
Теперь же, о радость, нарядны они,
Повсюду фонарные блещут огни.
Бывало, идешь - никого на пути!
Теперь толкотня - невозможно пройти.
Особенно людно у входов в дома.
(Причину узнать любопытно весьма!)

Тут всякие лица - поверишь, не счесть, -
И важного рода и с именем есть.
Стучатся к любому, беседы ведут,
С иными поближе знакомятся тут.
Берут заверенья, дают им деньжат,
Прощаясь, чувствительно благодарят.
Одним - сократить обещанье дают,
Другим - без конца обещанья дают.
Мне очень хотелось понять как-нибудь
Той купли-продажи загадочной суть.
Но слишком я был удивлен, потрясен.
Увы, я проснулся... О, вещий мой сон!
Мой Плут, ты догадлив и мудр, объясни:
Те улицы, лица - что значат они?
Мудрец, растолкуй ты как следует мне,
Откуда подобное чудо во сне?
Низедар

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Твой сон, Низедар, интересен и нов,
И я объяснить его тут же готов.
То гласные снились, - сомненья гони! -
И улицы так разубрали они.
Сбирают они голоса по почам.
Неглуп - в остальном разберешься и сам!

КУПЕЦ-ПЛУТ

Лавчонка на диво была у купца,
Он сына держал при себе - молодца.
Но куплю-продажу вел странную он:
Любой покупатель им был ущемлен.
В чужие карманы он, правда, не лез,
Но в лавке царили обсчет и обвес.
Наследник, повадку отца перенял,
Был так же со всеми учитив и лукав.
Однажды отец, не сказав ничего,
Ушел и оставил сынику одного.
Чудесная мысль осенила сынику:
"Невредно бы кассу почистить слегка!"
Он - в кассу рукой. Но взглянул за порог
И видит: отец возвратился не в срок!
Тот барсом метнулся к птенцу своему -
Весь мир покачнулся и рухнул во тьму!
Тут в лавку вошел покупатель-старик
И молвил: "Наука твой гнев, хоть велик!
Твое это семя плоды принесло,
Твои в нем уловки, твое ремесло".
Являть образец мы должны для ребят,
Они же на нас неотступно глядят,
Не сводят с дурного и с доброго глаз,
Всему обучаются дети у нас.
Будь честен - и в детях возвысится честь,
Будь чист, чтобы в них чистоту перенести!

3 февраля 1911

ОТСТАВКА АЗРАИЛА

Азраил сказал творцу: "О, услышь меня, творец!
Некий врач в поддунной есть, с ним присел земле конец.
Посуди: едва сражу одного больного я -
Тысячу здоровых там он лишиает бытия.
Если этот врач вот так будет действовать и шире,

Из твоих рабов никто не сумеет уцелеть.
Разреши мне, о творец, злой души лишить его,
А не то погубят он всех людей до одного!
Коль никакайшей просьбе сей ты не внимашь в вышин
То, благой, не откажи испослать отставку мне.
Дай любую должность мне - я без слова полечу,
Только Азраилом быть повели сему врачу!"

7 февраля 1911

* * *

Хотя и горем он безмерным обуян,
Мужчина слез не льет, как слезы лил Иран.
Когда за шахом вслед министры наутек
Помчались впопыхах, забыв про чин и сан,
И вместо хана встал парламент у руля,
Решили мы: ну, вот Ирану снова дан
Разумный ход во всем - народ опять взорвал
У мира на виду, в ряду восточных стран
Достойно обрела иранская земля
Устойчивую жизнь без болей и без ран.
Но факт есть факт: пока мы верили в добро,
Меджлис пошел чудить, как сущий балаган.
Пройдохи и плуты полезли вдруг в вожди,
На совесть и на стыд накинули аркан.
Парламент приобрел довольно странный вид,
Посмотришь, не поймешь - кофейня или духан.
Вожди глотают чай, жуют баракий плов,
Сосут вперегонки удушливый кальян.
Голубчики! Мужи! Ведь это же меджлис!
Зачем же в нем плести один сплошной обман!
Хотя б один вопрос сумели вы решить?
Иль праздной болтовни лишь множили дурман?
Нет, милый господин, судить-то ты суди,
Но только не толкуй наивно, как бааран.
Конечно, спору нет, луч солнца блеснул,
На малый, краткий срок развеялся туман,
Народ чуть-чуть успел изоизнить голос свой

В защиту бедноты - рабочих и крестьян.
Но это был лишь миг. А где же они теперь,
Народные права, народной власти план?
А ведаешь ли ты, что наши главари
Удалили сперва в победный барабан,
Но, к делу приступив, заплакали павзрыд -
Кто трезво зарыдал, кто будто в стельку пьян?
Завывали всем гуртом под общий смех слепых,
Готовых дождик слез сбирать в казенный чан.
А дело, как мертвец, лежит в глухом углу,
Смердит забытый труп, от грязных мух ноган.
Забота о стране, кому она нужна!
Лишь был бы сыт живот да был набит карман!
Увидел хлюст-делец, что круг арены пуст,
И ну торкнуть трону к влиятельным дверям.
И каждый знатным стал (воздай ему почет!) -
Один, как бек, надут, другой надут, как хан.
А дело что! Оно, как я уже сказал,
Забвеньем поросло, безмолвно, как чурбан.
И некому сказать зарвавшимся дельцам:
"Не видите вы, что ль? Страну покрыл бурьян.
У каждого из вас по титтулу на нос,
Но титул не спасет: болван - везде болван.
Не будет эванье впрок бездельнику, тебе,
Пускай зовут тебя хоть Сам, хоть Нариман.
Не лодырь, не болтун, а человек труда
Народу будет люб, на праздник чести эван!"
Так кто же и когда в родной твоей стране
Уменышил горы бед и горя оксан?
Лишь фабрика чинов работала стремглав
Да в битву за чины дельцы шли на таран.
Теперь, надеюсь, ты отлично понял, кто
Бесстыдно погубил прекрасный твой Иран?

Когда в народе лживым прослышеши.
Тогда и правду все сочтут за ложь.
Не лги вовеки! Ведь родной народ
Лгунов и за сынов не признает!
И не для них любовь его, хвала.
У лживого и дом сгорит дотла!

II февраля 1911

ЛЖИВЫЙ ЧОБАН

Один чобан на помоць звал в горах:
"Ой, волки! Ой! Скорее на яйлаг!"
Сельчане в горы с палками спешат,
Чтоб уберечь овечек и ягнят.
Увидя, как бегут они, скользя
Над пронастью, чобан сказал: "Друзья!
Всё стадо цело, да и сам я цел:
Я лишь над вами пошутить хотел".
Ушли сельчане. А чобан опять
Однажды в поддень стал с горы кричать:
"Спасите! Волки!.." И опять сельчан,
Потехи ради, обманул чобан.
Но вот и впрямь, оскалив хищно пасть,
Решили волки на овец напасть.
И сколько ни кричал, ни звал чобан,
Все думали, что снова ждет обман!
Никто ему не захотел помочь,
И люди молча уходили прочь.
А волки разобрали всех овец...
Итак, мой сын! Вот повести конец:

УСЕРДЬЕ

Усердье жизнью наполняет грудь,
А лень к могиле направляет путь.
Усердье встретит радость через край,
А лень приводит к бедам, так и знай.
Усердье украшает сметку, ум,
А лень - причина хвори, мрачных дум.

Усердье укрепляет гордость в нас,
А лень стыдом сжигает всякий раз.
Усердье - целый мир перед тобой!
А лень - пустырь забытый, неживой!
Усердье - человека торжество,
А лень - удел ничтожнейший его!

16 февраля 1911

МАЛЕНЬКАЯ СЦЕНКА

Когда весть о конституции в Иране дошла до кресть-один старик на ниве пал на колени и сказал восторженно:

Хвала аллаху! Он привел
Свободу в глушь несчастных сел!
Не будет мучить, словно зверь,
Нас сельский староста теперь!
Погасла адских мук свеча,
Никто не будет бить с плеча,
Стоять с дубинкой за спиной...
Мой край отныне - рай земной!
Надсмотрщик, выродок-наймит,
Презреньем зря не заклеймит,
Помещик, извешивая кладь,
Не будет больше истязать!

Не успел старик закончить свою речь, как появился фарраш и на глазах семьи связал старику руки, погнал его пешком к помещику, а сам носехал верхом на лошади. Помещик выскочил из дома с плетью в руках, багровый от злости, закричал на хлебопанца:

Ты что же, старый идиот,
Закончил втайне обмолот,
Обил колосья на гумне -
И ни зерна не отдал мне?!

Да ты грабитель, видит бог!
Где мой ячмень? Где мой горох?
Да ты разбойник у межи!

Где фрукты-овощи, скажи?!

А ну-ка, вор, ложись под плеть,

Чтоб неповадно было впредь

Другим таким же - так и знай! -

Зорить хозяйствский урожай.

Испуганный, с дрожью в голосе, хлебопашец попытался было объясниться с помещиком, сообщить причину недорода:

Клянусь аллахом, нищий я!

И голодна семья моя...

Обид под крышею не счесть -

Ребята плачут, просят есть.

К тому же должен я сказать,

Что нынче божья благодать

Святым дождем не пролилась.

Жара... Не помню отродясь!

Беда, хозяин! Без воды

Сгорели пашни и сады!

Труды погибли... Недород.

Хотя бы крошку хлеба в рот!

Помещик рассвирепел окончательно. Глаза у него! сделались навыкате:

— Эй, кто там! Быстро принесите розги!

Четверо верзил набросились на старика, повалили на землю,

принялись избивать.

Х о з я и н

Бей за ячмень! Бей, не жалей!

Х л е б о п а ш е ц

Ох, мне не выдержать... сй-ей!

Х о з я и н

Бей! Мне считать мешает хмель...

Х л е б о п а ш е ц

Не пощадите неужель?

Х о з я и н Б е й!

Масло он украл опять!

Х л е б о п а ш е ц

Корова сдохла... Где ж мне взять!

Хозяин Бей!

Развратил его меджлис!

Хлебопашец

Начальство мне сгубило жизнь!

Хозяин Наглец!..

Свободы захотел!

Хлебопашец

Я сроду досыта не ел!

Хозяин Бей!

Чтобы знал меня и чтил!

Хлебопашец

О боже правый! Нету сил...

Будь проклят, мастер злобных дел!

27 февраля 1911

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

Найти покой мечтал во сне,
Но странный сон приснился мне.
Попал я, вижу, в чудный край,
Не в город, нет, а просто в рай!
Вода сладка и воздух чист,
На ветках свеж зеленый лист.
Разлитая всюду благодать —
Мне лучшие края не сыскать.
Какой мне дар аллахом дан:
Неужто я попал в Ширван?!

Ходил по городу весь день,
И уж длиннее стала тень.
А люди где? Им был бы рад.
Вдруг вижу: толпы, все спешат.
Куда народ — туда и я,
И понесла толпа меня.
Ум светится в глазах у всех,
Не доверять им — просто грех.
Но кто бы мне узнать помог,

Куда стремится сей поток?
Спросил у одного, но ах ---
Упрек прочел в его глазах;
"Достойному из всех людей
Спешим мы спровести юбилей!"
"Ужель пришли такие дни,
Что чествуете Хагани?!"
Иль Зульфикара светлый лик
В народной памяти возник?
А может, - потеплея мой взгляд, -
Ширванцы Гасан-бека чтят?
Он сеял семена добра -
Колосьям зашуметь пора!
А может, вспомнили вы тут
Унсизаде великий труд?
Во славу нации он жил
И вашу славу заслужил!
Ширванцами, быть может, чтим
Учитель мой Сеид-Азим?
А может, здесь Султан Меджид -
Народ на встречу с ним спешит?
Или торопитесь успеть
Вы Махмудбекова узреть?
Иль Махмудбеку за "Рахбар"
Несут любовь и млад и стар? .."
"Заткнись! - кричат со всех сторон.
Не знаем мы таких имен!
Ни Зульфикара - что за бред?!"
Ни Хагани.. Ах.., был поэт? ..
Долой, долой!.. Что? Гасан-бек?!"
Неужто тоже человек?
Унсизаде? Ислама враг!
Знать не хотим таких писак!
Кто-кто? Сеид! И он - Азим?
С такими знать не хотим!
О боже, боже - имена!..
Беда, коль встретишь болтуна!
Габиб, Меджид, какой-то бек, -

Не знал таких имен вовек!
Ах, это те!.. Уста б им жечь
За сатанинскую их речь!
Как смел сказать про юбилей?!

Видать, не знаешь ты людей!
Не каждому такая честь -
У нас мужи такие есть!
Да, мы спешим - спеши и ты
Узреть достойного черты!"

"Но кто он?" - "Это - Шейхзаде!
Такого встретишь не везде!.."

Я обомлел, сдавило дух:
Ни слова больше - нем и глух!
Куда мы шли - куда пришли!..

Я вспомнил строки Физули:
"Свой пыл, - сказал себе, - уйми:
С глупцом толкуешь о Руми!.."

И сон сбежал, лежу я тих,
А в голове кружится стих:
"В кого-то - камень и репей,
Кому-то - славный юбилей!"

9 марта 1911

* * *

Ты - закадычный друг купцов, новруз!
Ты - богачам веселый зов, новруз!
О праздник нации моей, зачем
Ты стал страданьем бедняков, новруз?

9 марта 1911

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

Залить шербетом глотки молл с далеких дней ты рад, новруз.
"Твой знатный пир - всегда для тех, кто знатен и богат, новруз,
Веселый, всех ты веселишь, но почему лишь бедняки
Смущенно опускают взгляд в кругу своих ребят, новруз

9 марта 1911

* * *

Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав!
С душой Отелло о себе, заклокотала, как гроза,
И, плюнув молнией, она вскричала: "Что за переводя!"
А ты зажмурился: видать, плевок попал тебе в глаза

9 марта 1911

* * *

Я жажду смерти, а она всё убегает от меня!
Ах, даже смерти злой каприз переносить обязан я

Март. 1911

* * *

Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь:
Предстать пред судией всевышним я готов.
Иду не без даров, нет, руки не пусты:
О, руки у меня полны моих грехов!

Март. 1911

НОВРУЗ

Хвала аллаху, вот опять счастливый день у нас:
Пришел новруз - и старые мы на целый год сейчас,
Хоть среди других народов нам и мало лет сейчас,
Зато два Новых года есть в одном году у нас:
"Ты с детства отмечал новруз и магеррам, старик.
С одним - прекрасно, а с другим - печально нам, старик!
Мы издавна в одном году два года признаем:
В одном - всего одна луна, одиннадцать - в другом.
Вы долгий этот год в слезах проводим день за днем.
А краткий год придет - киннин мы, чмокая, жуем.
Нам этот праздник почтить велит ислам, старик.
От Зороастра перешел он к нашим дням, старик.
Новруз - и мы поем, брем, и каждый разодет,
Сойдемся душ по пятьдесят - и по гостям чуть свет!

Мы, в дом любой влется гурьбой и прошумев привет,
Пьем чай с конфетами, едим - нам вовсе дела нет,
Что вся хозяйствская казна равна грошам, старик.
Обычай - влезть под праздник в долг, ты знаешь сам, старик.
Когда арабы нашу рать разбили в оны дни,
От нашей древней веры прах оставили они.
Новруз — и мы обычаев не чтим, что чтили искони,
Лишь этот благодатный день поныне нам сродни.
А это очень нужно нам, так нужно нам, старик.
Но разве мало зла чинил нам твой байрам, старик?
Но в этом празднике у нас и недостаток есть!....

Март, 1911

У ТЕБЯ

Да, тысячи влюбленных есть и в самом деле у тебя!
О, неужели столько душ в прекрасном теле у тебя?

В Лейли один влюблен был Гейс, в тебе же - тысячи Лейли,
И вот кого-то ищешь вновь - кровь не в огне ли у тебя?

Ты о слово молвила одно - и вырвал сердце я свое!
Возлюбленная, что ж еще? Какие цели у тебя?

Когда придет курбан-байрам, ты жертвенной овцы не режь.
Страдалец неотступный твой не на костре ли у тебя?

Ты видишь, бедный соловей, как молча гибнет мотылек —
И стоны огласили сад, исчезли трели у тебя.

Любую хворь умеешь ты, о врач, так чудно исцелять
Лишь от любви никаких не видно зеленой у тебя!

Всечасных горестей поток грозится смыть тебя, Сабир,
Но ты не жди: глаза для слез ведь уцелели у тебя!

НИ К ЧЕМУ

Поклоннику твоих кудрей тутие сети ни к чему.
Твоим коралловым губам прикрасы эти ни к чему.

Тому, кто видел бровь твою, кибла желанья моего,
Уже не нужен и мехран, и все мечети ни к чему.

Скорее косы распусти, зачем безумцам вместе быть?
Свободу этаких модей держать в запрете ни к чему!

Ты так спокойно почивать в изгибах кос ее не смей,
Затем что всем влюбленным спать при лунном свете ни к

Я пьян от радости, что мне ее кораллами дана;
О крачий, склады лучших вин - мне всё на свете ни к чему

С тобой в разлуке я хотел, чтоб сердце кровью истекло
Но плакать, милая, тебе, как плачут дети, ни к чему!

Красавица, Сабир испил от губ коралловых твоих -
В горячке сердца помышлять мне о шербете ни к чему!

* * *

Росниками из глаз моих жилье твое омою я,
Ресницами сотру я пыль с порога твоего жилья.

Когда в бокале увидал я отражение твое,
Стал виноградных лоз рабом я до скончанья бытия.

Я думал, что легко любить, но опозорился теперь:
Чего бояться мне, когда позор мой видят все края?

С тех пор как шею я обвил нетлей из кос твоих тугих,
Я - чародей: плениться мной могла б Зоххакова змея.

Когда б надеялся еще я на свидание с тобой,
Я все б стихии утонил в потоках слез, краса моя!

Не трогай гребнем ты волос, больного сердца не тревожь:
Ведь зубья гребня твоего для сердца - словно острая!

Сабир, избранница твоя оставила на прахе след.
Хоть ты не ангел, поклонись ты праху, счастья не тая.

* * *

Когда не кудри - душу мне захочет растрепать твоей взгляд,
Замучь меня, чтоб я ослеп, чтоб не дышал, бедой объят!

Хочу в страданьях изойти, истерзанным на землю пасть
И умереть от мук любви, да, умереть я буду рад!

О пери, ты не позволяй врагу бывать в своем дому,
Чтоб злобный дух не превратил обитель Сулеймана в ад!

На щеки жаркие твои, как эмен, локоны легли -
Не волшебство ли, что в огне живые эмен не горят?

Мне говорят, что задалась ты целью умертвить меня,-
О боже, сделай, чтобы все случилось так, как говорят!

Любовь, любовь - моя болезнь! Ты слышишь, врач, оставь меня!
Придумай, чтобы от нее все средства были невпопад!

В мечтах о встрече, мой Сабир, переноси разлуки боль -
Терпеньем плениники любви каких невзгод не победят?

НЕ РАСПОЗНАЛ

О сердце, как бы таин твоих чужой глазок не распознал!
В кудрях у пери спрячься так, чтоб гребешок не распознал!

Ты хочешь родники зерно, пичужка глупая, добыть,-
Ах, поскорее улети, чтоб стебелек не распознал.

Пусть пожки, милая, твои - за них я жизнь готов отдать!
Потине ходят, чтоб сосед - спаси пророк! - не распознал;

Чтоб ревность не сожгла меня, не открывай своей красы,
Не покажи лица свече, чтоб мотылек не распознал!

Я счастлив, сердце, лишь на миг с возлюбленной наедине?
Утиши биение, чтобы враг не подстерег, не распознал!

Холодный ветер, не коснись ее кудрей, чтоб никогда
Я сердцем страждущим своим, как ты жесток, - не распознал!!

Каабу капищем сочти, ванэ любовь мою хулит,
Но как проведал он о ней, Сабир в свой срок не распознал!!

* * *

Ты у царицы красоты, о милая, венец златой,
Благословенья твоего ждут чаровницы чередой.

Как свод небесный - бровь твоя, как полночь - локоны твои,
И на седьмое небо ты взошла своею красотой.

Вот кудри черные твои прикрыли милое лицо:
Арабы вышли из пустынь, не пропускают в храм святой!

Лишь тот паломник стал гаджи, кто черный камень целовал:
Дай роднику поцеловать твою, о месяц молодой!

Стрелой косого взгляда ты произнесла метко грудь мою -
Кто наделил тебя, скажи, такой охотничьей чертой?

Так у порога твоего и день и ночь поет Сабир:
Пути иного не нашел! О, не гони его, постой!

Аба — верхняя мужская одежда в виде длинной шерстяной накидки, носимая обычно духовенством.

Абдул-Гамид II (Абдул-Хамид II, 1842-1918)-турецкий султан с 1876 по 1909 г. Вступив на престол, провозгласил конституцию (1876), но через два года разогнал парламент и установил деспотический режим, заслужив прозвище "кровавого султана". Усилившееся под влиянием русской революции 1905 г. демократическое движение в Турции привело в 1908 г. к революции, вынудившей Абдул-Гамида восстановить конституцию и созвать парламент. В 1909 г., после неудачной попытки контрреволюционного переворота, был изложен и арестован. До 1912 г. содержался под стражей в Салониках, а затем, в связи с начавшейся Балканской войной, был перевезен обратно в Стамбул, где умер в заключении.

Абульгисан-хан — министр в правительстве Атабека в Иране в начале XX в., достиг власти благодаря связям и взяткам.

Агаляр — господин, хозяин.

Азраил — ангел смерти у мусульман.

Айран — нахтанье, кислое молоко, прохладительный напиток.

Аксакал — букв.: "белая борода"; старик, уважаемый человек.

Аш — халиф (656-661), один из двенадцати имамов,

двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда.

Алиф (элиф) — первая буква арабского алфавита, изображается в виде прямой вертикальной черты; в поэзии — символ стройного прямого стана, иногда — одиночества.

Аман — возглас скорби, ужаса; мольба о пощаде.

Амбал — носильщик, грузчик.

Ами — дядя.

Амиари — букв.: "земляк"; уничижительная кличка азербайджанцев из Ирана, приезжавших на заработки в Баку и другие промышленные города Закавказья.

Анатolia — область в Турции.

Ардебиль — город в Иране.

Арнауты — албанцы.

Асад — иранский военачальник, глава племени бахтияров, вел борьбу против шаха Мухаммедали, перейдя на сторону революционеров.

Атабек — титул, дававшийся военачальникам наследников

сельджукских султанов. Впоследствии присваивался главным советникам султанского двора. В Иране в XIX-XX вв. являлся титулом главы шахского правительства. Его имел премьер-министр Мирза-Алескер-хан Эйнуддовле (1857-1907), назначенный на этот пост Музаффараддин-шахом. Своими жестокостями вызвал гнев народных масс и даже духовенства, грубо нарушив святость "беста", т. е. права неприкосновенного прибежья "священных стен" для преследуемого. Под напором революционных событий в Иране был отстранен, но вновь назначен премьер-министром Мухаммедом-шахом в 1907 г. 30 августа 1907 г. убит при выходе из меджлиса членом организованной группой Аббас-агой.

Ахунд — высокий духовный чин, исполняющий судебские и духовные административные обязанности, совершающий брачные договоры, нотариальные акты и т. д. Ахунды считались состоящими царской службе и получали жалование от правительства.

Бабай — старик.

Байрам — праздник.

Бахлул — герой популярных анекдотов; название сатирического журнала, издававшегося в Баку в 1907 г.

Бахтияры — племя в Иране.

Баштан (бостан) — баража.

Баязет (Баязид) Ильдрым (Молниеносный, 1360-1403) — султ.

Турции с 1389 по 1402 г. Вел захватнические войны, в 1402 был разбит Тимуром в сражении при Анкаре и взят в плен, где и умер.

Бейт — поэтическая строфа-двустишие, строки которой связаны единой законченной мыслью.

Бек — титул наместника, правителя области.

Бири-Алам — буква: "Кладезь печали", местность в Аравии, связанныя в легендах с одним из чудес имама Али.

Бистун (Бисутун) — название легендарной горы в Иране, на которой высечены клинописные надписи и барельефы в честь победы Дария I (522-486 до н. э.). Каменотес Фархад, один из героев поэмы Низами — Гянджеви "Хосров и Ширин", пробил туннель в горе ради своей возлюбленной Ширин.

Бозбаш — суп из рубленой баранины с картофелем и горохом.

Ваиз — проповедник.

Вамбери Арминий (1832-1913) — венгерский путешественник-ориенталист, этнограф, автор книг "Мои странствия и переживания в Персии" (1864), "Путешествие по Средней Азии" (1865).

Везир — ближайший советник правителя.

Габиб — см. Махмудбекое Габиб-бек.

Гаджи — почетный титул человека, совершившего паломничество ("хадж") в Мекку и поцеловавшего священный камень мусульман в храме Кааба, прибавляется к имени как его не смываемая часть.

Галжи-мирза Гасан — мучтенид, настоятель соборной мечети Тебризе в 1906-1911 г. Вначале поддерживал революцию, о! затем изменил ей и был изгнан народом из Тебриза.

Газель — стихотворная форма в поэзии Востока.

Галемдан — пенал для тростниковых перьев и туши.

Гамид — см. Абдул-Гамид II.

Гасан-бек Меликов Зардаби (1837-1907) — выдающийся деятель азербайджанской культуры; в 1873 г. вместе с Н. Везировым организовал постановку пьесы М. Ф. Ахундова "Приключения скряги", положив тем самым начало азербайджанскому национальному театру; издатель и редактор газеты "Экиничи".

Гейс — легендарный арабский поэт (VII в.), влюбленный в Лейли и прозванный Меджином.

Гопгон — букв: "трепач", "болтун"; псевдоним фельетониста газеты "Хаят" ("Жизнь").

Губад — легендарный шах Древнего Ирана (V в.), девятнадцатый из династии Сасанидов.

Гурии — прекрасные, вечно молодые девушки, услаждающие в раю мусульман.

Гусейн (Хуссейн) — имам, сын Али, внук Мухаммеда, был убит в 680 г. во время битвы с войсками халифа Иезида, из Омейядской династии, в Кербеле (Ирак), где и похоронен. Почитается мусульманами-шиитами как мученик за веру, ему посвящена религиозная мистерия шахсей-вахсей.

Гызылымалы — букв: "Лихорадочный"; псевдоним поэта, моллана-средневековца М. Г. Зейналова (1870-1917) и Джалила Медкулизаде.

Гылманы — прекрасные юноши, которые вместе с гуриями услаждают в рай правоверных мусульман.

Гюлистан — цветник, розарий.

Гюрга — ядовитая змея.

Гяур — букв.: "нечестивец"; исповедующие ислам так называют иноверцев-немусульман, а также безбожников.

Данабаи — букв.: "телячьеголовое"; собирательное название азербайджанского села в творчестве Джамиля Мамедкулизаде.

Дастан — эпическое произведение, основанное на народных легендах и преданиях.

Дервиши — букв.: "нищий"; мусульманский странствующий монах, ведущий аскетический образ жизни; член одного из орденов исламских мистиков-суфииев. Дервишизм возник в VIII в. как протест против ортодоксального ислама. Впоследствии многие дервиши превратились в обычновенных шарлатанов. Дервиши, странствуя, как правило, рассказывает истории на религиозные темы.

Дехкан, лехканин — крестьянин.

Джами-Джем — кубок Джемшида, разукрашенный драгоценными камнями, с написанными на нем стихами-изречениями. В чаши Джемшида отражались мировые события и судьбы людей.

Джон — букв.: "душа"; возглас, выражавший восторг.

Джейран — дикая коза, газель; символ грации.

Джемшил — легендарный повелитель Древнего Ирана, воспетый Фирдоуси в эпической поэме "Шахнаме", царствовал семьсот лет и был низвергнут богами за гордыню.

Джинн — злой дух, бес, демон пустыни.

Диван — 1) совет вельмож, государственная канцелярия; собрание мудрецов, ученых, поэтов; 2) рукописный сборник поэтических произведений.

Долма — голубцы из виноградных листьев.

Достархан - скатерть; иносказательно - обильное угощение.

Духан - питейный дом.

Ефрем-хан — активный участник иранской революции, в 1908 — 1909 гг. возглавил борьбу против Мухаммедали-шаха в Реште, участвовал в захвате Тегерана революционными войсками.

Зенджан — город в Иране.

Зильи-Султан (Максуд-мирза) — для иранского шаха Мухаммедали, крупный феодал, известный своей жестокостью. В годы иранской революции 1905—1907 гг. народ требовал его изгнания! и конфискации всего имущества, он был арестован, затем бежал.

Зороастр (Заратустра) — полулегендарный основатель древнеиранской религии огнепоклонников-зороастрийцев, с верованиями которых связан мусульманский праздник новруз-байрам.

Зоххак — легендарный шах-деспот, один из героев поэмы Фирдоуси "Шахнаме". Согласно легенде, за его спиной вырастали два змея, которых ежедневно кормили мозгами двух младенцев.

Зульфикар Ширвани (род. 1190 или 1192)-азербайджанский поэт.

Ибрагим-Халил (Халилумах — "Друг Аллаха") — мусульманский вариант имени библейского пророка Авраама.

Ильдрым — см. Баязет.

Имам-букв. "стоящий впереди", т. е. лицо, за спиной которого совершают молитву в мечети; глава мусульманской общины, мечети; халиф, являющийся носителем духовной власти. Звание имама принадлежит пророку Мухаммеду, его потомкам (двадцать шиннитских имамов) и преемникам, мусульманским вероучителям, основателям правоверных толков.

Имам-Джума — наследственное звание главного моллы в городе, настоятеля соборной мечети, который заменяет шаха в мечети во время общественных молитв.

Искандер — восточный вариант имени Александра Македонского.

Ислам — букв.: "покорность"; мусульманская религия, основанная пророком Мухаммедом в VII в. и исповедуемая большинством населения стран Ближнего и Среднего Востока.

Исмаил (1487—1524)-шах Ирана и Азербайджана (с 1502), основатель династии Сефевидов, поэт, писал под псевдонимом "Хатаи".

Исрафил — в мусульманской мифологии имя одного из четырех архангелов, хранителя небесной трубы (рога). Протрубив в рог в первый раз, он умертвит все живое, во второй воскресит всех мертвых, возвещая о наступлении Страшного суда.

Иштот-миштот — звукоподражание русскому слову "что".

Кааба — главная святыня мусульман, мечеть в Мекке, в которой хранится священный черный камень.

Кавказ — азербайджанское название Владикавказа

Каджары — шахская династия, основанная в конце XVIII в.
Ага Мухаммед-шахом (правила Ираном до 1925 г.).

Казан — котел.

Казах — город в Азербайджане. *Казин* — город в Иране.

Кази (кадий) — мусульманский духовный судья.

Каймак — густые сливки.

Кальян — курительный прибор, состоящий из сосуда, наполненного водой, и трубки с табаком, через которую курильщик тянет табачный дым, фильтруемый через воду.

Канан (Ханаан) — библейская страна, родина легендарного Иосифа Прекрасного (Юсифа).

Касида (касыда)- древняя поэтическая форма в литературах народов Востока преимущественно панегирического содержания, соответствует хвалебной оде, дифирамбу. Пишется с одной рифмой, количество строк колеблется от 30 до 300.

Схема рифмовки: аа, ба, ва, га и т. д.

Ках — город в Азербайджане.

Кей — имя нескольких легендарных царей из династии Кейянов.

Кеклик — горная куропатка.

Кербелай — почетный титул, прибавляемый к имени правоверного, совершившего паломничество в город Кербелу (Ирак).

Керман — город в Иране.

Кибла — специальное сооружение, показывающее направление к Мекке, в эту сторону обращают свои лица мусульмане во время молитвы; иносказательно — предмет постоянного внимания.

Кишмиши — изюм.

Ковсер — райский источник в Коране.

Коран — букв.: "чтение"; священная книга мусульман.

Кочи — наемный убийца, головорез, к чьим услугам прибегали миллионеры-нефтепромышленники и царская полиция для расправы с неугодными. От рук кочи погибли многие революционеры в годы революционного подъема 1905—1907 гг.

Куба — город в Азербайджане.

Кунжут — масличное растение, из семян которого получают масло, употребляемое для приготовления халвы.

Курбан-байрам — праздник жертвоприношения у мусульман в десятый день зуль-хиджа, двенадцатого месяца мусульманского лунного

календаря; центральным ритуальным действием праздника является принесение кровавой жертвы (обычно — барана). Богатым надлежало резать жертвенных баранов для неимущих, однако они, как правило, уклонялись от этого обычая, щедро угощая друг друга и духовенство.

Кызылбаши — букв.: "красноголовые"; воины династии Сефевидов, которые носили красные шапки. Позднее это название было перенесено на все население Ирана. У Сабира кызылбаши часто выступают синонимом шинитов.

Кызыл-Орда (Золотая Орда)-феодальное государство в XIII—XV вв.

Кюфта — крупные фрикадельки из рубленой баранины, перемешанный с рисом.

Кюфта-бозбаш — суп с кюфты, картофелем и горохом.

Кябин — брачный договор, законный брак.

Камиль-паша — министр-реакционер в правительстве султана Абдул-Гамида.

Лаваш — хлеб из тонко раскатанного теста.

Лаглагы — букв.: "болтун"; один из псевдонимов Джалила Мамедкулизаде.

Лал — рубин; иногда собирательное название драгоценного камня; в поэзии — синоним уст влюбленной.

Лейли — героиня легенд о трагической любви, возлюбленная Гейса (Меджнун); образ девушки, страстью и преданно влюбленной.

Ленкорань — город в Азербайджане.

Магеррам (мухаррам) — первый месяц мусульманского лунного календаря "хиджры" — траурный, печальный, связанный с гибелю в борьбе за власть мусульманских "святых", в частности Гусейна.

Майдан — площадь; базарная площадь; поле битвы.

Мамедкулизаде Джалил (1866—1932) — азербайджанский писатель, главный редактор журнала "Молла Насреддин".

Марсия — элегия; траурное песнопение у шинитов, исполняемое в дни религиозной мистерии шахсей-вахсей.

Марсияхан — исполнитель марси.

Махмудбеков Габиб-бек (Габиб, 1864—1928) — деятель азербайджанского народного просвещения.

Махмудбеков Махмудбек-издатель и редактор прогрессивного журнала "Рахбар" ("Предводитель", 1906—1907).

Меджид — см. Султан Меджид Ганизаде.

Меджлис—букв: собрание, компания; название иранского парламента.

Меджнун — букв.: "безумный", "одержимый"; прозвище Г е и с а. История его трагической любви к Лейли широко распространена в литературах Востока, впервые стала содержанием поэмы Низами Гянджеви (1141–1209) "Лейли и Меджнун". Символ несчастного, обезумевшего влюбленного.

Медина — город на западе Аравийского полуострова, первый оплот сторонников Мухаммеда в VII в.

Медресе — мусульманская духовная школа (начальная и средняя) при мечети.

Мейхана — питейный дом, трактир.

Мекка — город на Аравийском полуострове, религиозный центр мусульманства, место паломничества.

Мелик-шах (1055 – 1092) — властелин сельджуков; в годы его царствования была разграблена Гянджа.

Мендели, Мендели и Мэ'дели (от слов "дели" — "дурак", "сумасшедший"; "мэ'дели" — "пузатый", "обжора") — намеренно исказенные имена иранского шаха Мухаммадали Кязима.

Менджиль — живописная лачная местность в Иране.

Мехраб - ниша в мечети, куда обращаются лицом молящиеся.

Мешади - почетный титул мусульманина, посетившего гробницу имама Ризы в Мешхеде (Иран); синоним благочестивого, набожного человека.

Мешади-Сижимкули - псевдоним поэта Али Назми Мамедзаде (1882-1946), ученика Сабира.

Меямей - город в Иране.

Минбар - кафедра в мечети для проповедника-моллы.

Мирза - букв.: "писец", "секретарь"; как приставка к собственному имени, означает почтительное обращение; присоединяется также к имени царевича, сына шаха.

Мирза-Алекбер - реакционер-фанатик, около полувека (с конца XIX в.) был ахундом в Ардебиле, предавал анафеме революционеров во время иранской революции 1907-1911 г.

Мирза-Алескер-хан - см. Атабек.

Мирза-Ганбар - фанатик-молла.

Мирза-Гусейн - один из активных членов тебризского э н д ж у-мена.

Мирза-Джавад - один из активных членов тебризского э н д ж у м

е-и а, известен своим непримиримым отношением к реакционному духовенству и яркими речами в защиту иранской революции.

Мир-Хашим - глава духовенства в Тебризе в годы революционного движения, активно боролся против революции, благословлял напутственной речью шахские войска, выступившие под водительством Эйнуддолове против войск Саттар-хана. В противовес энджуменам создал "Исламие отагы" ("Дом ислама"), очаг реакционного духовенства в Тебризе. Бежал из Тебриза после поражения Эйнуддолове. Казнен в 1909 г.

Младотурки - члены турецкой организации "Единение и прогресс", руководившей буржуазной революцией 1906-1909 гг., направленной против деспотического режима султана Абдул-Гамида II. В результате младотурецкой революции (июль 1908) в Турции была провозглашена конституционная монархия. Организация была создана в 1889 г. и ликвидирована в 1918 г., после поражения Турции в первой мировой войне.

Мозалан - букв.: "овол"; псевдоним, распространенный среди авторов журнала "Молла Насреддин", которым чаще всего пользовались писатель А. А. Ахвердов (1870-1933) и журналист О. Ф. Неманзаде (1872-1937).

Молдаи-буки. "для Молла", частое обращение в сатирах Сабира к Молле Насреддину.

Молла (мулла)-духовное лицо; образованный, начитанный человек.

Молла Насреддин - персонаж народных анекдотов, остроумный насмешник, защитник бедняков.

Молла Хаджибаба (Гаджибаба) - молла-фанатик в Кубе, ярый противник журнала "Молла Насреддин".

Молла Насреддин - нарицательное имя, противоположное Молла Насреддину.

Молокане-представители религиозной секты в христианском вероучении, возникшей в XVIII в.; преследовались царским правительством и ссыпались в Закавказье.

Мугань - степной район Азербайджана в нижнем течении Куры и Аракса.

Мұлжахиды (муджехиды) - букв.: бойцы, революционеры; участники иранской революции 1907-1911 гг.

Музаффаралдин-шах (1853-1906)-иранский шах из династии Каджаров, правил с мая 1896 г. по декабрь 1906 г. Под напором

демократического движения в стране был вынужден издать 25 сентября 1906 г. указ о введении конституции и учреждении меджлиса.

Муфтий - главный судья по шариату у мусульман-суннитов, толкователь мусульманского права.

Мухаммад (Магомет, 570-632) - арабский религиозный и государственный деятель, основатель мусульманской религии (ислама), последний пророк.

Мухаммедали-шах (1872-1925)-иранский шах из династии Каджаров, сын Музаффарараддина-шаха, правил с января 1907 г. до июня 1909 г. Анулировал конституцию и разогнал меджлис, был свергнут восставшим народом. Попытка возвориться на престол осенью 1911 г. окончилась неудачей, и шах снова был вынужден бежать за границу.

Мучтеди - духовное лицо, толкователь канонов.

Музэзин - букв.: "объявляющий", "приглашающий"; служитель при мечети, призывающий мусульман к молитве.

Мюрид - букв.: "ученик", "последователь"; лицо из свиты имама.

Налжаф - город в Ираке, где похоронен халиф Али и находятся резиденция мучтедов и высшая духовная академия.

Надир (Надир-шах, 1688-1747) -персидский шах с 1736 по 1747 г. установил в стране режим тирании, был убит в результате заговора феодальной группировки.

Намаз - ритуальная пятикратная молитва у мусульман.

Нариман - персонаж "Шахнаме" Фирдоуси, предок Рустама,

Немрул (Немврод) - библейский царь, прославившийся своей жестокостью.

Новруз - букв.: "новый день"; праздник весенне-равноденствия, новогодний праздник мусульман. *Ной* - библейский пророк, почитаемый и мусульманами.

Паландуз - ремесленник, выделывающий грубые, набитые соломой холщовые седла (паланы) для выочных животных и грузчиков-амбалов.

Паслас - тканый шерстяной ковер.

Пехлеван - богатырь.

Пити - суп из баранины с горохом и картофелем.

Раби-уль-эввель - третий месяц мусульманского лунного календаря.

Рамазан - девятый месяц мусульманского календаря, во время которого правоверные должны соблюдать строжайший пост от восхода и до

захода солнца: не есть, не пить, даже не глотать слону. Это наиболее прибыльный для духовенства месяц, так, как по вечерам после ужина толпы людей устремляются в мечеть, неся туда пожертвования.

Редиф - рефрен, слово или группа слов, повторяющиеся в конце каждой строфы после рифмы.

Рей (Рага) - одно из древних наименований Ирана, а также города, разрушенного в XIII в. при нашествии монголов.

Решт - город в Иране.

Розехан - духовный служитель, повествующий о мучениях святых и заставляющий слушателей плакать.

Руми Джалаиддин (1207-1273)-персидско-таджикский поэт.

Рустам - герой поэмы Фирдоуси "Шахнаме", легендарный богатырь, олицетворение физической силы, мужества и отваги.

Сабзавар - город в Иране.

Садри - один из лучших сортов риса, идущий на приготовление плова.

Сальяны - город в Азербайджане.

Сам - персонаж поэмы Фирдоуси "Шахнаме", дед Рустама. Сардар-военачальник; персонаж сатиры поэта-мolla наследника Али Назми (1882-1946).

Саптар-хан (1870-1915)-один из руководителей иранской революции 1907-1911 гг., азербайджанец по национальности. Революция в Тебризе в 1908 г., направленная против шахской деспотии, охватила почти весь Южный Азербайджан и привела к свержению и изгнанию Мухаммед-али-шаха.

Сеид - букв. "господин"; потомок пророка Мухаммеда. В мусульманских странах сеиды пользовались большим авторитетом и почетом, имели право получать долю с указанных шариатом отчислений мусульман от своих доходов в государственную казну или в пользу мечети.

Сеид-Азим Ширвани (1835-1888)-классик азербайджанской поэзии, учитель Сабира.

Селим I Грозный (1467-1520)-турецкий султан с 1512 по 1520 г., казнил на почве религиозной вражды между шиитами и суннитами 40 тысяч человек, вел нескончаемые войны с Ираном.

Сельджуки - тюркские племена, кочевали в Средней Азии, завоевали в XI в. Персию, Ирак, Малую Азию и образовали обширное государство. Династия Сельджуков правила в XI-XIV вв.

Сефевиды - шахская династия в Иране в XVI-XVIII вв.

Сийга - временный брак. По шариату правоверному не разрешалось иметь более четырех жен, с которыми заключен законный брак - кабиц. Однако мусульманину-шииту разрешалось заключать и временные браки, и тем самым каждый мог иметь неограниченное количество временных жен - сийга.

Сипехдар - один из сторонников шаха, крупный феодал. Во время нарастания революционного движения изменил шаху и перешел на сторону восставших, командовал наступающими на Тегеран революционными войсками. Софи - см. суфий.

Сулейман - мусульманский вариант имени библейского царя Соломона (965-928 до н. э.), обладавшего волшебным перстнем, благодаря которому ему покорялись люди, животные и духи. В литературах Востока - символ мудрости, богатства и могущества. Султан - монарх, государь; в Иране и Азербайджане XVI-XVIII вв. титул среднего феодала. Султан Меджид Ганизаде (1866-1938)-деятель азербайджанской.

культуры, писатель-просветитель, педагог.

Сунниты - приверженцы одного из двух основных направлений сл-ама, враждующие с шиитами. С суннитами в сатирах Сабира связывается термин "османство".

Суфий (софи) - мусульманский монах, исповедующий суфизм, мистико-аскетическое течение в исламе; переносно - мудрый, знающий человек; в сатирах Сабира - синоним ханжи, святоши, фанатика.

Сыртых-букв.: "бесстыжий" Мамедкулизаде.

один из псевдонимов Д ж а л и л а

Тавриз - см. Тебриз.

Таги-заде - иранский общественный деятель, снискав большую популярность в народе своими антишахскими выступлениями в меджлисе. Был в составе делегации меджлиса на переговорах с шахом. Известен эпизод, когда Таги-заде демонстративно- " отвернулся от протянутой ему руки шаха.

Тамерлан (Тимур, 1336-1405)-полководец и завоеватель, глава военно-феодального государства в Средней Азии, одержал победы над Т о х т а м ы ш е м .

Таты - название одной из народностей, населяющих Азербайджан, они присезжали на заработки в промышленные районы Закавказья и

жестоко эксплуатировались.

Тебриз (Тавриз) - город в Иране.

Терек - сладкое блюдо, мука с сахаром, поджаренная на масле.

Тимур - см. Т а м е р л а н.

Тохтамиш (ум. в 1407) - хан Золотой Орды.

Туранцы - жители Турана, обширной территории в Средней и Центральной Азии, населенной тюркоязычными народами. В сатирах Сабира это название употребляется в переносном смысле (см. вступ. статью, с. 31).

Улем - ученый-богослов.

Умми-Хаган - имя матери Мухаммедали-шаха, известной своей распущенностью.

Унсизаде Джалал - редактор демократической газеты "Кашкуль" ("Чаша из скорлупы кокосового ореха, носимая дервишами"), издававшейся в Гифлисе с марта 1884 г. по октябрь 1891 г. (с января 1883 г. по март 1884 г. - журнал под тем же названием) и продолжавшей традиции газеты "Экеничи".

Ураза (орудия) - пост у мусульман.

Фазлуллах - м у ч т е и д, советник Мухаммедали-шаха, выступал против демократических реформ и называл революцию преступлением против шариата, а революционеров - вероотступниками.

Фалакка - приспособление для наказания, шест, к которому привязывают ноги пропавшегося, когда его бьют розгами по пяткам.

Фарраши - низший полицейский чин в Иране, жандарм.

Фархад - легендарный каменотес, герой поэмы Низами Гянджеви "Хосров и Ширин"; символ верного, страдающего влюбленного.

Фасле - рабочий.

Фетва - решение, вынесенное шейхусламом, мучтида-м и или авторитетными богословами по вопросам религии или мусульманского права; проклятие, анафема.

Физули Мухаммед (1498-1556) - азербайджанский поэт.

Фирман - указ, повеление правителя.

Фирни - сладкая молочная каша.

Фисинджан - блюдо из мяса с орехами.

Хагани Ширвани (1120-1199) - классик азербайджанской поэзии.

Хадж - религиозное паломничество мусульман в Мекку.

Халал - имущество, дозволенное по религиозному закону, приобре-

Халва - жирное мучное блюдо, подавалось во время поминок.

Халигуллах - см. Ибрагим-Халил.

Халиф - наместник, преемник пророка Мухаммеда, духовный

Хан - титул правителя, независимого владельца.

Хан-киши - собирательное название купцов.

Харам - имущество, запретное по закону, приобретенное нечестным путем.

Хафиз-эфенди Шейхзаде - учитель в Шемахе, отличался реакционными взглядами.

Хаят - букв.: "жизнь"; название бакинской либеральной газеты, издававшейся в Баку Алимарданбеком Топчубашевым с июня 1905 по сентябрь 1906 г. под редакцией Алибека Гусейнзаде и Ахмедбека Агаева. В газете, по направлению буржуазно-националистической, печатались и прогрессивные деятели азербайджанской культуры-Г. Зарбади, М. А. Сабир, Н. Нариманов, Н. Везиров, Ф. Кочарли, М. Хади, С. М. Ганизаде, А. Сур и др.

Хонхон - удод.

Хурма - плодовое дерево; плод.

Чайхана - чайная. Чалтык - неочищенный рис.

Чинара - дерево из семейства платановых, символ стройности.

Чингиз (Чингисхан, 1155-1227) - монгольский завоеватель, основатель обширной империи.

Чихиртма - блюдо из баранины или курицы, зажаренной с яйцами.

Чобан (чабан)-пастух. Чоха-верхняя длиннополая мужская одежда.

Чурек - пресный хлеб, лепешка.

Шаи - мелкая медная монета, равная пяти копейкам.

Шайтан - дьявол.

Шапшал - учитель и советник Мухаммедали-шаха, ставленник русского царизма при иранском дворе.

Шариат - букв.: "предписание", "законоположение"; свод религиозных законов, основанный на Коране.

Шах - государь, правитель.

Шахсей-вахсей-название траурной религиозной мистерии у шиитов в месяц мухаррам в честь мученической смерти имама Гусейна, сопровождается самоистязаниями верующих фанатиков.

Шейх-первоначально: старейшина, вождь племени; старец; глава

суфийской общины; почетный титул мудрого наставника, давался поэтам, ученым и т. д.

Шейхульислам - один из титулов представителей высших слоев духовенства.

Шеки - город в Азербайджане.

Шемаха - город в Азербайджане.

Шербет - сладкий прохладительный напиток.

Шииты - приверженцы одного из двух основных направлений ислама, находящиеся в непримиримой вражде с суннитами; иранцы и большинство азербайджанцев - шииты, в сатирах Сабира с ними связывается термин "иранство".

Ширван - старинное название одной из областей Азербайджана с центром в Шемахе.

Ширин-взлюбленная Фархада, впоследствии жена царя Ирана Хосрова I (531-579), героя поэмы Низами Гянджеви "Хосров и Ширин".

Эбрехе - арабский полководец, по преданию, победил деда пророка Мухаммеда Абдул-Муттебиба, правителя Мекки, и захватил Каабу. За это святотатство по воле аллаха на армию Эбрехе налетели горные ласточки, несущие в клювах камни, взятые из преисподней, и побили ими воинов и боевых слонов Эбрехе.

Эдем - земной рай.

Эйнуддовле - букв.: "очи государства"; военачальник Мухаммед-али-шаха, в 1909 г. выступил с войсками против тебризских революционеров, возглавляемых Саттар-ханом, и потерпел от них поражение.

Экинчи - пахарь; название первой просветительско-демократической газеты в Азербайджане (1875-1877).

Энджумен - букв.: "комитет"; органы местного самоуправления в Иране, созданные в период иранской революции 1907-1911 гг.

Юсиф (Юсуф) - мусульманский вариант имени библейского Иосифа Прекрасного, проданного братьями в рабство и долго скитавшегося на чужбине; в поэзии - символ красоты.

Яйлаг - летнее настбище в горах.

Яман - дурной, злой.

Ятаган - большой кривой турецкий книжал.

СОДЕРЖАНИЕ

Гений Азербайджанской сатиры, А.Гаджиев

"Стих - это жемчуг драгоценный, его не обесценено ложью..."

Перевод Ч. Гусейнова

К согражданам мусульманам и армянам.

Перевод П. Антокольского

Беседа двенадцати мужей на собрании.

Перевод С. Васильева

Что мне за дело? Перевод С. Васильева

5 "В тот день, когда аллах тебе дарует сына..."

Перевод А. Ахундовой

Не грусти. Перевод П. Панченко

11 "Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?..."

Перевод Л. Пеньковского

Жалоба старика. Перевод В. Лифицица

Бакинским рабочим. Перевод С. Васильева

"Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом..."

Перевод А. Ахундовой

23 "Судьбы коварства испытал наш край..."

Перевод Ч. Гусейнова

"Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись..."

Перевод П. Панченко

7 Изучение наук. Перевод П. Панченко

26 Отцовский наказ. Перевод П. Панченко

28 "Я вздыхаю, так я жажду дыма твоего кальяна..."

Перевод Л. Пеньковского

29 Ответ Гонгону из газеты "Хаят". Перевод П. Панченко

30 Трудились для грядущего. Перевод С. Ботвинника

Почему же? Перевод Ю. Гордиенко

Бакинским кочи. Перевод С. Васильева

"Имелся старинный обычай у нас..."

Перевод С. Ботвинника

Советы старой колдуны девицам.

Перевод П. Панченко

Детям. Перевод П. Панченко

Исповедь Гаджи-Мирзы Гасана. Перевод П. Панченко

"Будь щедрым - что скучниться?

Но бедным - ни троша!.."

Перевод Ч. Гусейнова

- 40 Слово. Перевод П. Панченко
- 41 Вот тебе и кукареку! Перевод С. Васильева
- 42 Призвание женщины. Перевод П. Панченко
- 45 Свобода. Перевод Т. Стрешневой
- 46 "О страсть! Веления твои превыше всех иных!.."
Перевод П. Панченко
- 47 Наставление сыну. Перевод П. Панченко
- 51 Горе скряги. Перевод П. Панченко.
- 52 "Злой шайтан из преисподней восклицает: "Люди, люди!...""
Перевод С. Ботвинника
- 53 "Наше главное стремленье - загубить страну вконец..."
Перевод Ю. Нейман
- 54 Не пускайт! Перевод В. Лифшица
- 55 Плач. Перевод С. Васильева
- 56 "О виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок..."
Перевод П. Панченко
- 56 Не кричи, сии! Перевод Ю. Нейман
- 57 "Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!.."
Перевод П. Панченко
- 59 "Все наши помыслы с тобой, о женщина, жена!.."
Перевод П. Панченко
- 60 "Ну, где твои надежды? .." Перевод С. Васильева
- 61 "Ты, пекущийся о чести, не обманывай народ..."
Перевод И. Бадалбейли
- 62 Рабочему. Перевод П. Панченко
- 63 "Честь и слава воздашутся, если будешь ты богат!..."
Перевод И. Бадалбейли
- 63 Поэтический мотив. Перевод П. Панченко
- 65 "Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?.."
Перевод П. Панченко
- 66 "Черт побери, уснул же этот малый!.."
Перевод П. Панченко
- 67 Благородный наинев. Перевод С. Васильева
- 68 Лейли-Меджнун. Перевод П. Панченко
- 70 "Притворяясь утешенным, не очень-то иной, экинчи!.."
Перевод П. Панченко
- 72 "Благодарение творцу за то, что "Дебистан" закрыли!.."
Перевод И. Бадалбейли

- 72 "Благо, власти запретили съезд, затеянный в Гяндже..."
Перевод С. Мамедзаде
- 74 Мне стоять. Перевод П. Панченко
- 74 Восхваление. Перевод Ю. Гордиенко
- 76 Боюсь! Перевод Ю. Нейман
- 77 "На плов я в домах набредаю подчас и на мясо..."
Перевод Ю. Нейман
- 78 "К тайне жизни ключа я найти не могу.
Перевод П. Панченко
- 79 "Не исесь ты вскачь, Молла!.." Перевод П. Панченко
- 81 Один ответ на два вопроса. Перевод П. Панченко
- 82 Вопрос - ответ ("- Не смей глядеть!..").
Перевод С. Васильева
- 83 После голода - не еда, а болтовня, или листок из журнального дерева. Перевод П. Панченко
- 85 Боже, слава тебе! Перевод П. Панченко
- 86 Письмо ("Эй, Молдан, не злись!.."). Перевод П. Панченко
- 87 В школу. Перевод П. Панченко
- 88 Мальчик и лед. Перевод П. Панченко
- 89 Дни весны. Перевод П. Панченко
- 89 На что тебе, аллах? Перевод П. Панченко
- 90 Вопрос - ответ ("- Как город ваш? Растет?..").
Перевод С. Васильева
- 91 Элегия. Перевод С. Мамедзаде
- 92 Чох. Перевод С. Мамедзаде
- 93 Фисинджан. Перевод П. Панченко
- 93 "Не верю я, что речь твоя чиста, честна, святой отец!.."
Перевод П. Панченко
- 94 Нам что? Перевод П. Панченко
- 95 "Бредень и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!.."
Перевод П. Панченко
- 96 Ай, хвала, хвала тебе! Перевод П. Панченко
- 97 Пусть не будет. Перевод Л. Лосева
- 98 "Если тем, кто заодно с темнотой..."
Перевод П. Панченко
- 99 Совет. Перевод П. Панченко
- 101 Ширван. Перевод П. Панченко
- 101 "В одном кармане - векселя, в другом -

- рубли, рубли, рубли! Перевод П. Панченко
102 Спасите! Перевод П. Панченко
103 Истина. Перевод П. Панченко
103 Возлюбленный. Перевод И. Башалбейли
104 Благодари судьбу. Перевод Д. Самойлова
105 Терпи! Перевод П. Панченко
107 "Ой, мама, с красной бородой старики..."
Перевод П. Панченко
108 Сетования. Перевод П. Панченко
109 Дочь гяура. Перевод П. Панченко
110 "Османец, нет, не верь онять, храни тебя аллах!.."
Перевод П. Панченко
111 "Я - могущественный шах, подо мной - страна моя!.."
Перевод П. Панченко
112 "Он идет, чурбан!.. Тетя, не пускай!.."
Перевод П. Панченко
113 Еще малыш. Перевод С. Васильева
114 Наше будущее - одно суесловье! Перевод Ю. Нейман
115 Молодой. Перевод В. Лифшица
116 Ах! Перевод П. Панченко
117 "Приходит угро, вижу я: ко мне почтение растет..."
Перевод С. Ботвинника
118 Наставление. Перевод П. Панченко
118 "Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан - для нас!.."
Перевод П. Панченко
120 О чем писать? Перевод С. Васильева
121 Саттар-хану. Перевод П. Панченко
122 "А ну, укладывайся, эй, Мир-Хашим!.."
Перевод П. Панченко
123 Нет подобного мне! Перевод П. Панченко
124 Мужчина. Перевод Д. Самойлова
125 "Ну давай, ханжа-отшельник, обнажимся мы хоть раз!.."
Перевод С. Ботвинника
126 Спор деревьев. Перевод П. Панченко
127 Шахнаме. Перевод П. Панченко
130 Пожелание. Перевод В. Лифшица
131 Разгадка загадки. Перевод Ч. Гусейнова
132 "Найдем предлог какой-нибудь - отныне до скончанья

- дней..." Перевод П. Панченко
- 13 "От горя свет померк дневной..." Перевод П. Панченко
- 13 Будущее - наше! Перевод П. Панченко
- 1 "Что делать мне, аллах? Погиб наш род!.."
- Перевод П. Панченко
- "Боль разрывает сердце, душит горло..."
- Перевод Л. Пеньковского
- 13 Мне не повезло. Перевод П. Панченко
- 110 "Ах вот как здесь поставлены дела!.."
- Перевод С. Васильева
- 14 Продаю! Перевод Ю. Нейман
- 143 Пахнет обманом. Перевод Ю. Гордиенко
- 141 Тебе во благо. Перевод П. Панченко
- 13 "Опять неимется голытьбе - умерь ее аллах!.."
- Перевод Ч. Гусейнова
- 147 Пародия на лириков. Перевод С. Васильева
- 1 Выкладывай! Перевод П. Панченко
- 19 Подражание Физули. Перевод П. Панченко
- 1 Скажи, зачем?.. Перевод П. Панченко
- 150 "Погрузимся в невежество, век в темноте проживем..."
- Перевод В. Державина
- 11 "Человек с мошной - человек большой..."
- Перевод П. Панченко
- Не даю! Перевод П. Панченко
- 1 : Лучше пропадом пропасть! Перевод П. Панченко
- 155 Нет, не напишу! Перевод П. Панченко
- 157 Пахарь! Перевод П. Панченко
- 157 "Отщельник верит, что во сне при жизни
рай он обретет. .." Перевод В. Державина
- "Кто может усомниться в нас в эти дни?.."
- Перевод П. Панченко
- 1 "Среди руин Ширвана никогда..."
- Перевод П. Панченко
- 16: Марш стариков. Перевод Ю. Нейман
- 16: Марш умников. Перевод С. Васильева
- 164 К детям-школьникам. Перевод П. Панченко
- 16: Божество вы мое! Перевод П. Панченко
- 17 Благодарность. Перевод И. Бадалбейли

- 168 Песня нации. Перевод П. Панченко
- 169 Жалоба. Перевод П. Панченко
- 170 "Шесть десятков лет напрасно ногубши я, Ардебиль!..
Перевод В. Лифшица
- 172 "Достоинство нации - где оно? Нет! Не найдешь!.."
Перевод П. Панченко
- 173 "А ну-ка, бездомный босяк, замолчи поскорей!.."
Перевод С. Васильева
- 175 "Не веришь ни во что, но всем виуашаешь веру..."
Перевод Д. Самойлова
- 176 "Мы - орава дармоедов, наше дело - вздор болтать..."
Перевод В. Державина
- 177 Примирись! Перевод П. Панченко
- 178 "Ты, Соня, прелесть и краса, небесный свет!.."
Перевод С. Ботвинника
- 181 "Сочувствовать школе? Ну что за народ!.."
Перевод П. Панченко
- 182 "Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!.."
Перевод Ч. Гусейнова
- 184 Лицо нации. Перевод В. Коллегорского
- 185 "Эпоха с нами говорит..." Перевод С. Васильева
- 186 "Да, брат, персидский жив народ!.." Перевод П. Панченко
- 186 Врач и больной. Перевод П. Панченко
- 186 Старый садовник. Перевод П. Панченко
- 187 Святоше. Перевод В. Коллегорского
- 187 Муравей. Перевод П. Панченко
- 188 "Когда я весел и здоров - как будто зуется небо..."
Перевод В. Коллегорского
- 188 Патриоты. Перевод В. Коллегорского
- 189 "Ах, синища ты, дядюшка Молла, в краю грузии
туманином..." Перевод Д. Самойлова
- 190 "Из борцов за свободу всегда и везде..."
Перевод В. Коллегорского
- Письмо ("Вам такое письмо и во сне не приснится...").
Перевод В. Коллегорского
- "Слуги верные мои! Не спать - вставать пришла пора!.."
Перевод П. Панченко
- Букет цветов. Перевод П. Панченко

- 191 "Нет, нет, святоше не давай!.. Нет, мой портрет не для него..." Перевод П. Панченко
- 192 "Я убеждения привык менять на каждом слове..."
Перевод С. Ботвинника
- 192 "Когда бы объявил аллах, что за безделье он..."
Перевод П. Панченко
- 192 "Кто просвещенный?" - я спросил и услыхал в ответ..."
Перевод П. Панченко
- 193 "Ребенка надо воспитать. Зачать и жизнь ребенку дать..."
Перевод С. Ботвинника
- 193 Ай джан, ай джан!.. Перевод П. Панченко
- 194 162-му номеру "Седа". Перевод П. Панченко"
- 194 Сказал везиру шах..." Перевод П. Панченко
- 194 "От ума все людские несчастья бывают, да-да..."
Перевод С. Ботвинника
- 194 "Мое несчастье только в том, что ни одна болезнь..."
Перевод П. Панченко
- 194 "- Скажи нам, в чем его вина, за что ты бьешь беднягу? .."
Перевод В. Коллегорского
- 195 Выборы гласных. Перевод В. Коллегорского
- 195 Бакинцы говорят. Перевод В. Коллегорского
- 195 "Вчера и впрямь аэроплан, как птица, воспарил..."
Перевод В. Коллегорского
- 195 "Детским почерком письмо ты подложно написал..."
Перевод П. Панченко
- 195 "Чей-то глас..." Перевод С. Мамедзаше
- 196 "Пой, восторгом окрылен, иранец мой!.."
Перевод П. Панченко
- 197 Одеяло Молла Насреддина. Перевод П. Панченко
- 198 Мальчик и деньги. Перевод П. Панченко
- 199 Курбан-байрам. Перевод П. Панченко
- 200 "Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил..."
Перевод П. Панченко
- 200 Искандер и нищий. Перевод П. Панченко
- 201 Больной крестьянин. Перевод П. Панченко
- 201 Отшельнику. Перевод П. Панченко
- 202 Владелец буйволицы и наводнение.
Перевод П. Панченко

- 203 Душа моя!.. Перевод П. Панченко
- 204 Молла Насреддин и вор. Перевод П. Панченко
- 204 Паук и шелкопряд. Перевод П. Панченко.....
- 205 "Земля на краткий срок жилищем нам была..."
Перевод П. Панченко
- 205 "Если родного народа участь плачевна и зла..."
Перевод С. Мамедзаде
- 206 Украшение матерей. Перевод П. Панченко
- 206 Обращение к языку. Перевод В. Коллегорского
- 207 Сон. Перевод П. Панченко
- 208 Толкование сна П. Панченко
- 209 Купец-плут. Перевод П. Панченко
- 209 Отставка Азраила. Перевод П. Панченко
- 210 "Хотя и горем он безмерным обуян..."
Перевод С. Васильева
- 212 Лживый чобан. Перевод П. Панченко
- 212 Усердье. Перевод П. Панченко
- 213 Маленькая сценка. Перевод С. Васильева
- 215 Юбилейные торжества. Перевод Ч. Гуссйнова
- 217 "Ты- закадычный друг купцов, новруз!.."
Перевод П. Панченко
- 217 Праздничный подарок. Перевод П. Панченко
- 218 "Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав..."
Перевод П. Панченко
- 218 "Я жажду смерти, а она всё убегает от меня!.."
Перевод П. Панченко
- 218 "Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь..."
Перевод П. Панченко
- 218 Новruz. Перевод П. Панченко
- 219 У тебя. Перевод П. Панченко
- 220 Ни к чему. Перевод П. Панченко
- 220 "Росинками из глаз моих жилье твое омою я..."
Перевод П. Панченко
- 221 "Когда не кудри - душу мне захочет растрепать твой взгляд..." Перевод П. Панченко
- 221 Не распознал. Перевод П. Панченко
- 222 "Ты у царицы красоты, о милая, венец златой..."
Перевод П. Панченко
- 223 Словарь

С А Б И Р
И З БРА НН Ы Е
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Составитель и автор предисловия
Агиль Гаджиев
профессор*

Типография
"ЧАШЫОГЛУ"

